

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ И МЕЧ СЕВЕРА

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ
1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ
2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ
3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ
4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ
5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ
6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ
7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ
8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ
9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ
10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА
11

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС"
2000

84.7 (США)
Р 93

*Серия основана в 1998 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Р 93 Рыжая Соня и меч Севера: Роман. — СПб.,
«Северо-Запад Пресс», 2000. — 400 с.

ISBN 5-93698-007-3

Г 8200000000

84.7 (США)

ISBN 5-93698-007-3

© Ken Kelly, обложка, 1985
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2000

«СОКРОВИЩА ПИФОНА»

Предисловие автора

КРУШЕНИЕ ХАЙБОРИЙСКОГО МИРА

Рыжей Соне довелось жить в один из самых трагических моментов истории Земли, когда хайборийская цивилизация была уничтожена двумя враждующими силами: пиктами и гирканцами. Это была чудовищная катастрофа, масштабами сравнимая лишь с гибелью Атлантиды. Крушение мощной, развитой культуры не могло не сказаться самым пагубным образом на всем дальнейшем ходе развития человечества.

Однако, по сути, рыжекудрая красавица оказалась свидетельницей лишь первых симптомов всеобщего разрушения, малозаметных и пока не гибельных, ведь еще не угроза, но только тень ее нависла над миром... Мало кто, кроме посвященных, мог разглядеть в ней начало дороги, ведущей к всеобщему распаду... Как же это произошло? Давайте попытаемся проследить это по оставленным Говардом запискам, взяв за отправную точку момент окончания царствования Конана Киммерийского.

Почему именно этот момент уместно принять за точку отсчета? Все просто. Сам того не ведая, молодой дикарь киммериец в пятнадцать лет пришел с севера в Хайборию и за последующие пятьдесят лет коренным образом изменил весь

мир, как ни странно, предопределив грядущий распад того, что создавал сам.

Наверное, такое утверждение вызовет сомнения, но только на первый взгляд. Последующее развитие мира лишь подтверждает простое правило: *чем сильнее вновь созданная империя, тем стремительнее грядущий крах*. И современная история содержит массу тому подтверждений. Ни одна из попыток создать единую сверхдержаву на основе завоевания цивилизованного мира не принесла успеха. И неважно, начинала империя «сыпаться» практически сразу после смерти своего создателя, как то случилось с державой Александра Македонского или Наполеона, воочию наблюдавшего за разрушением того, что создавал, или соединенные в единое целое завоевания еще существовали какое-то время, как Священная Римская Империя или империя Тамерлана — итог всегда один: ведущая к ослаблению центральной власти борьба наследников, или с тем же успехом растаскивание по частям набравшими силу соседями.

Казалось бы, какое отношение ко всему вышесказанному имеет правление Конана? Ведь он не вел захватнических войн и формально не расширил границ Аквилонии, лишь укрепил державу изнутри, расправился с внутренними и внешними противниками, обезопасив границы. И все-таки...

Давайте припомним хотя бы вкратце, чем закончилось для западного мира его пребывание на престоле. Разобравшись с нападками агрессивных соседей (в частности поставив на место Немедию, Офир и Коф на востоке и утихомирив пиктов на западе), наведя порядок внутри страны, он принимается за то, чем занимался всю свою сознательную жизнь до восшествия на трон Аквилонии — начинает искоренять колдунов и вообще колдовство.

Справедливости ради следует отметить, что причиной тому служит вовсе не его патологическая ненависть к магам (хотя всю жизнь он и пытался по возможности избегать контактов с ними), а, скорее, то, что слишком многих из них он восстановил против себя. Достаточно вспомнить, сколько неприятностей ему принесли Тот-Амон, Тзота-Ланти, маги Бе-

лой Руки, Черного и Белого кругов и так далее и тому подобное. И если он не всегда выходил победителем из этих схваток, то никогда и не проигрывал в них. Мудрено ли, что и после восшествия на престол, прежние враги не только не оставили его в покое, а наоборот — сочли возвышение прежнего своего противника едва ли не личным вызовом и с новой силой принялись чинить ему козни...

Следует ли удивляться тому, что, разобравшись с врагами реальными, он принялся за, если так можно выразиться, метафизических. Итак, поставив на место соседей, Конан в пятьдесят лет отправился в Гиперборею и разгромил магов Белой Руки. В шестьдесят один год он повел свои армии на юг, где уничтожил магов Черного Круга и своего главного противника Тот-Амона. Однако на юг он продвинулся лишь до Зембабве и на этом успокоился.

В результате Аквилония превратилась в могущественную империю. В шестьдесят пять Конан передал трон своему сыну Конну, уплыл на пиратском корабле на запад, к неведомым землям, и там следы его затерялись. То, что случилось с Конаном после — уже другая история, касаться которой здесь и сейчас не время и не место.

Так что же все-таки произошло, и почему правление Конана стимулировало распад империи? На мой взгляд, тому существовало несколько причин.

Во-первых, это отсутствие достойного преемника... Быть может, окажись принц Конн достойным сыном своего отца и воспитай себе подобного же наследника, все обернулось бы иначе, но такого не произошло. Несмотря на все свои положительные качества, молодой король оказался лишь бледной тенью своего отца. Быть может, в той же степени, как само имя Конн является лишь усеченной формой более полного — Конан.

Вторая причина, как ни странно, кроется во вполне обоснованных действиях самого Конана. Сам того не подозревая, он показал всему миру, что, добиваясь значительных целей, можно безнаказанно тревожить соседей, призывать их к порядку по собственному усмотрению и руководствоваться при

этом понятиями блага, которое для иных, быть может, вовсе не является таковым. Следует ли в этой связи удивляться тому, что как только ослабла верховная власть наследников Конана, после непродолжительного процветания страну вновь начали раздирать войны, бунты и недовольства. Нашлось немало охотников уничтожить сильного врага.

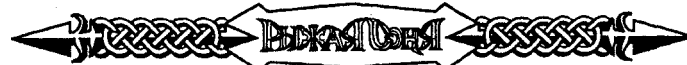
Зло часто разрушает само себя, равно как и добро не всегда является таковым и с течением времени легко превращается в свою прямую противоположность... Казалось бы, чем провинился Конан, всю жизнь вынужденный мечом бороться против колдовства? Однако нелишне отметить, к чему это привело. Если киммериец боролся лишь с теми, кто причинял ему вред в прошлом и настоящем, то есть со своими врагами, независимо от того, колдуны они или воины, то после его ухода началась настоящая охота за ведьмами! По всей Аквилонии и сопредельным странам запылали костры, на которых сжигались (зачастую по простому доносу, без достаточных на то оснований) колдуны, маги, звездочеты, предсказатели, а вместе с ними простые знахари и ведуньи!

На смену многобожеству пришло засилье митрианства, а любой монополизм, будь то светская власть или вера, никогда еще не приводил ни к чему хорошему. Конечно, все описанное произошло не вдруг. Процесс долго набирал силу. Временные победители сменяли друг друга, но в результате через пять сотен лет после ухода Конана мир замер на миг у последней черты.

Именно в это непростое время на свет суждено было появиться Соне, призванной сыграть для современного ей мира не менее важную роль, чем в свое время довелось отважному киммерийцу.

РЕЛИГИЯ И МАГИЯ МИРА СОНИ

Итак, чем же этот новый мир — преображенная Хайбория — отличается от прежнего, олицетворением которого

служил непобедимый великан-варвар? Вроде бы очертания материка не претерпели изменений, да и границы стран не слишком отличаются от давно ставших привычными во времена Конана. Все так и в то же время — все иначе. Неспроста Конан родом из Киммерии — страны, даже в том далеком мире почитавшейся варварской, наряду с пиктскими пустошами и таинственной Гипербореей, страны древней и гораздо более значительной, чем принято было считать во времена Конана. Равно как Гиркания и Черные Королевства, неожиданно оказавшиеся в центре внимания через полтысячелетия.

Что же изменилось здесь, на периферии западного мира? И как коснулись эти изменения центральной его части?

Лишь три страны — Зингара, Аквилония и Немедия — во времена Конана могли в полной мере называться цивилизованными. Остальные же, не относившиеся к варварским, как бы застыли в своем развитии на полпути. По прошествии же пяти сотен лет все они подтянулись. Именно подтянулись, нарушив существовавшую дистанцию, ибо Аквилония, а следом за ней и Зингара деградировали, и лишь Немедия сохраняла прежние обычаи и образ жизни, упорно не желая меняться.

На первый взгляд выглядит странно: весь мир, включая и варварские страны, развивается, движется вперед, а лидеры скатываются, утрачивая прежние позиции. Однако странно это лишь на первый взгляд. Все становится на свои места, когда узнаешь о гигантских усилиях, затраченных впустую, а ведь именно это и произошло, если говорить о никому не нужной борьбе с магами и их сообществами всех мыслимых цветов и форм. И если при жизни Конана такая борьба носила характер индивидуального противостояния, то позднее эта борьба медленно, но верно перешла в иную фазу, приобретает характер государственного противостояния физической силы силе метафизической.

Все развитые страны центральной Хайбории, подпадавшие под гегемонию Аквилонии, включились в эту борьбу. И только Немедия сумела удержаться от всеобщего безумия,

лишь на словах поведя борьбу, в которой не участвовала на деле.

В результате задолго до рождения Сони кампания охоты на ведьм выдохлась. К чему это привело? Доминировавший прежде во всех странах центральной Хайбории культ поклонения Хранителю Горнего Очага, Солнцеликому Митре, сделался практически официальной религией всех развитых стран. Дело оказалось сделанным, и жрецы успокоились, убавляющие мощным денежным потоком, сложившимся из ручейков, растекавшихся прежде в храмы Сета, Деркэто, Асуры, Иштар, Адониса и т. д.

Лишь покровителя воров Бела продолжали чтить в Заморе, но это считалось мелочью, на которую просто не обратили внимания. Среди остальных культов, если кто-то и уцелел, то лишь благодаря своевременному уходу в подполье.

В этом месте целесообразно вспомнить, если не о магической науке в целом, то, по крайней мере, об основных методах, используемых магами для достижения своих целей. Это две разновидности магического искусства, которые, как правило, не смешивают друг с другом: обращение за помощью или подчинение себе магических существ потустороннего мира, либо обращение непосредственно к силам мироздания.

Первый путь значительно проще для овладения, позволяет добиться быстрых результатов при обучении и потому более привлекателен, хотя и очень опасен. Тонкий мир населен огромным количеством существ, в разной степени наделенных как силой, так и умом. Среди них много могучих, но тупых монстров, пытаясь подчинить которых легко погибнуть, так и не достигнув цели. Те же, кто обладает умом или зачатками разума, еще более опасны, поскольку в свою очередь не прочь подчинить себе неумелого мага. Поэтому, продвигаясь по такому пути, получая контроль над все более сильными существами, маг — если не желает из охотника превратиться в дичь — должен и сам становиться сильнее. Это ведет к тому, что рано или поздно наступает момент, когда ему приходится выбрать второй путь.

Однако, поскольку подобное совершенствование носит интуитивный характер, то и происходит оно медленно. Только личности с сильно развитой интуицией способны достигать здесь весомых результатов, а таких, как правило, единицы.

Что же представляет собой второй путь — путь овладения Силами Мира?

Долгое время ортодоксальная наука считала, что вещество способно находиться в трех состояниях — твердом, жидком и газообразном. Магия же оперировала четырьмя видами веществ: земля (твердое), вода (жидкое), эфир (газообразное) и пламя. На основании оперирования четвертой (несуществующей) составляющей, пламенем, магия на протяжении столетий не признавалась наукой. И только во второй половине двадцатого века, когда традиционная наука обнаружила плазменную форму состояния вещества, стало понятным, что магия, пусть и интуитивно, на много тысячелетий обогнала в понимании устройства материи традиционную науку.

Позже открылась и еще одна интересная подробность. Оказалось, что не существует материи в традиционном смысле этого слова, а есть всего лишь взаимодействие различных видов энергий (сил) друг с другом, и лишь разные их комбинации порождают то, что органами человеческих чувств воспринимается как твердость, цвет, температура и так далее.

Магия никогда не пыталась понять строение сил, она лишь распознавала их проявление и оттачивала способы управления ими. И не без успеха, хотя этот путь оказывался гораздо более сложным для овладения, чем первый. Ведь для того, чтобы получить доступ к силам, начинающий маг должен научиться отделять свое астральное тело от физического и в таком виде проникать в ирреальный мир. Как правило, для достижения такого состояния используется медитация, и далеко не каждый способен овладеть этой техникой. Те же, кому удалось сделать этот первый шаг, чувствуют себя окрыленными, забывая о том, что внетелесные путешествия чрезвычайно опасны. Тонкий мир — это не только мир, где рас-

положены столь желанные Дома Сил. Это мир, населенный магическими существами, власть над которыми является основой могущества магов первого типа. Ведь эти существа являются ничем иным, как порождением Домов Сил, формой жизни тонкого мира...

Как правило, первые путешествия такого рода совершаются в сопровождении более или менее опытного мага, хорошо знакомого с границами *познанного им самим* и правилами безопасного поведения внутри этих границ. Человек же, решившийся на проникновение на свой страх и риск, запросто может стать жертвой. Ведь он не знает о том, что его астральное тело — желанная добыча для существ тонкого плана, ибо позволяет им проникать из ирреального мира в мир физический. Такое утверждение подтверждается многочисленными рассказами о пожирателях душ различного вида, об одержимости и пр. Однако и традиционной науке известна масса фактов, когда физическая оболочка человека остается жива, в то время как ее наполнитель — душа — покидает тело. Нередко такое происходит во время медитации, когда астральное тело неосторожного новичка выходит на тонкий план и, захваченное там, уже не в силах вернуться в свой мир.

Итак, что же произошло в магическом плане в Хайбории? Если прежде силы мира служили магам либо непосредственно, либо через подчиненных их власти существ тонкого плана, то после того, как огромные территории оказались освобождены от их влияния, ситуация в корне изменилась. Дома Сил работали в прежнем ритме, генерируя на тонком плане тот же, что и прежде поток энергии, остававшейся невосребованной на физическом уровне.

Материя насытилась энергией сверх меры, и если в мире неживом такое изменение до поры до времени никак не проявляло себя, то совсем иное происходило с людьми. Они стали более раздражительными и агрессивными. Естественным итогом такого процесса явилось то, что мир погрузился в битвы, интриги и разврат, а энергия, несмотря ни на что, все продолжала прибывать.

И так продолжалось до тех пор, пока не вступили в действие более грубые и жестокие планетарные механизмы саморегулирования. Чтобы не допустить разрушения материи, энергия начала сковывать себя, руководствуясь законами, по которым вступили в действие новые, дремавшие до сих пор силы.

Избыток Огня, как в физическом своем проявлении, так и в отношениях между людьми, начали сковывать Холод и Тьма (отчуждение и равнодушие). Влага начала замерзать, и с севера поползли на юг ледники, угрожая самому существованию человека. В то же время Тьма влияла на души людей, подталкивая их к необдуманным поступкам и тем самым гася потраченную энергию.

Итак, льды начали наступать, а люди истреблять друг друга и так должно было продолжаться до тех пор, пока мир не пришел бы в новое равновесие, но уже с меньшим уровнем рассеянной на физическом плане магической энергии и человечеством, отброшенным в своем развитии.

Именно в этот момент первоначальной, едва заметной подвижки Космических Весов и родилась девочка Соня, которой суждено сыграть, если не роль спасительницы хайборийской цивилизации — что, судя по всему, оказалось просто невозможным, — то, по крайней мере, оказать ощутимое влияние на сохранение человека на земле как вида. И кто знает, не окажи «миротворческая» судьба Конана такого воздействия на человечество, возможно и не родилась бы она, чтобы, подчиняясь непреложным законам развития, взбаламутить мир еще больше и тем самым ускорить процессы взаимной компенсации задолго до достижения опасной черты.

Мир Сони, отличается ли он хоть чем-то от мира Конана Киммерийского? Безусловно. И главное вовсе не в том, что ледники уже ползут с севера, грозя перебраться через Иглофиийские горы и подобраться к северным отрогам Карпаш. Это произойдет еще очень не скоро, а пока долины Гипербореи по-прежнему плодородны, а если зимы и стали морознее, так что ж? На то он и север...

Другое дело — сами люди. Вычищенный от колдунов огромный участок от Боссонских Топей до Вилайета и от Гандерланда на севере до Турана на юго-востоке и Дарфара на юге кипит, раздираемый мелкими сварами, и готов в любой момент взорваться, как перегретый паровой котел. Зато в опоясавшем его тонким кольцом внешнем мире ситуация иная.

Здесь население относительно невелико. Сюда не дотянулась рука митрианского культа, и существовавшая испокон века пропорция между воинами и магами осталась неизменной, а потому и избыток свободной энергии привел к иным результатам. Маги, присутствовавшие при разгроме многих своих соратников в центральной Хайбории, уверовали в немощь сил, на которые опирались, и начали искать опору в древних, канувших в лету верованиях.

И хотя Джеббал Саг на протяжении тысячелетий никак не проявлял себя, и Джуллах, Цернуннос, Хануман, Затх, Джил, не говоря уже о других, не появлялись перед людьми, культ зверобогов получил неожиданно широкое распространение не только у пиктских жрецов, но и на севере, в Гиперборее, на юге Черного континента и в Гиркании.

Одновременно наследники колдовского искусства прекрасно понимали, что мир не может надолго остаться бесхозным. Рано или поздно появится кто-то, кто сумеет направить энергию людей в выгодное для себя русло.

Один из очагов новой веры тлел в Гиперборее, базируясь на уцелевшем ядре Ордена Белой Руки. Конан в свое время практически уничтожил эту организацию, однако Тайный Совет — мозг организации — уцелел в тихой Похиоле, окреп, и, не привлекая к себе лишнего внимания, начал внедряться на южные земли, проповедуя культ Великой Волчицы.

Бесхитростная, внешне безвредная вера потихоньку распространилась, и тогда примеру северян последовали пикты, стигийцы и гирканцы. Хотя и начали они с запозданием, но сумели ухватить каждый свою часть пирога.

Когда митрианцы встряхнулись и поняли, какую допустили оплошность, вовремя не раздавив конкурентов, время оказалось упущенным. Однако, несмотря на видимые успе-

хи, новые течения оказались гораздо малочисленнее, чем хотелось бы их предводителям. Постепенно пришло понимание того обстоятельства, что единственной возможностью компенсировать недостаток силы физической может стать наращивание силы магической.

И началась безудержная погоня за утраченными секретами древних. Все ведущие маги и воины Хайборийского мира, включая и Рыжую Соню, ввязались в эту охоту за сокровищами — для себя лично, либо по поручению различных нанимателей. Речь шла прежде всего о магических артефактах, фолиантах и заклинаниях, доставшихся Хайбории в наследство от времен Атлантиды.

ПОДЗЕМЕЛЬЯ ПИФОНА

Об эпохе, в немедийских хрониках называемой допотопной, почти ничего не известно. В стародавние времена хайборийский материк имел иные очертания и назывался Турией. Шесть могучих империй доминировали на нем, и даже дошедшие до наших дней названия несут на себе отблеск былого величия: Камелия, Валузия, Верулия, Грондар, Туле и Коммория — какие звучные названия! Языки же, на которых говорили в перечисленных странах, мало отличались один от другого, намекая на общность корней.

Существовали, однако, и иные страны, население которых, по-видимому, принадлежало к иным, быть может более древним расам. Далеко на западе раскинулись острова пиктов, а между ними и Турией расположился небольшой континент — Атлантида. На островах в восточном океане жили лемурийцы. Далеко на юге континента существовала не имевшая ничего общего с турийской культурой загадочная дочеловеческая цивилизация. На дальнем востоке Турии существовала еще одна таинственная человеческая раса. И только лемурийцы изредка вступали с ней в отношения. В Южном же океане простирался обширный континент Му.

И вот в один из дней мир потрясла опустошительная катастрофа. Твердь земная содрогалась от землетрясений, рушились прекрасные города и погружались на дно морское. Океан поглотил Алантиду и Лемурию, а острова пиктов, наоборот, поднялись из воды, превратившись в вершины гор нового континента. Части турийского континента опустились, превратившись в океанские впадины или огромные внутренние моря. Исчезли целые народы. Значительная часть Му погрузилась в океан.

Через пятьсот лет после Великой катастрофы произошла Малая. В центральной части Гирканского материка, в стране озер и гор опустилась огромная часть континентальной плиты. В результате образовалось море Вилайет, уничтожив значительную часть набравшей к тому времени силу империи Ахерон, занимавшей огромное пространство от северных гор до Стигии на юге.

И вот через четыре тысячи лет Орден Белой Руки решил предпринять попытку и осуществить мечту бесчисленных поколений магов — проникнуть в подземелья ее столицы. Так что же это за город? И почему на протяжении стольких лет он не перестает привлекать к себе внимание магов и колдунов самого различного пошиба?

Итак, Пифон — древняя столица империи магов и колдунов, могущественного Ахерона или, как его еще называли современники — города Пурпурных Башен.

«Если смотреть на город на рассвете с вершин близлежащих холмов, он покажется вам прекрасным, как бутон розы, но если взглянуть на него с той же точки на закате, то стены крепости кажутся облитыми кровью...» Так описывает столицу древняя хроника — одна из немногих, дошедших до наших дней.

По преданию, в древности кто-то из колдунов Ахерона побывал в Нижнем мире и, если не скопировал резиденцию Сета, то, по крайней мере, дал указание архитекторам с учетом увиденного. Уже значительно позже построенная в подражание Пифону Алая Цитадель — всего лишь бледная копия не слишком удачному подражанию жилища Отца Вечной

Ночи. И тем не менее, если судить по дошедшим до нас хроникам, Город Пурпурных Башен был прекрасен.

Великолепной архитектуры здания с высокими изукрашенными порталами, резные колонны, ажурные арочные акведуки, разводившие воду меж сказочно прекрасными дворцами города, выстраиваясь гармоничными аркадами. И все это возведено из красного гранита, где-то розового, а где-то и темно-бордового с черным крапом. До последнего времени оставалось неизвестным, где располагался Город Пурпурных Башен, но, согласно преданиям, поиски велись на северо-востоке Немедии у самых рубежей с Пограничным Королевством. А причиной поисков послужили неслетные сокровища, якобы скрытые в уцелевших подземельях Пифона.

О сокровищах, хранившихся в его подземельях, можно судить хотя бы по Сердцу Аримана — могущественному талисману, позволившему из тьмы веков вызвать мага Ксальто-туна, едва не погубив при этом мир. И уж если этот попавший в случайные руки талисман оказался способным воскресить мертвого, то что уж говорить о силе артефактов, что сокрыты от людских взоров в недоступных подземельях!

Мысль эта не давала покоя многочисленным искателям сокровищ на протяжении сотен веков, и только во времена Сони поиски увенчались-таки успехом. Гиперборецам удалось отыскать вход в подземелье. Говорят, в надежде на сокровища они отделились от остального мира и все свои силы тратили на то, чтобы удержаться в завоеванных в древности пределах. Именно благодаря искусству членов Ордена Белой Руки, плодородные долины Гипербореи по-прежнему не оскудели, хотя ледник медленно, но верно продолжал наступать.

На первый взгляд может показаться странным, что именно здесь, на севере с его суровым климатом, образовалось одно из первых — после падения Ахерона — государств. Но еще большее удивление вызывает та мощь, которой должны были обладать гиперборейские колдуны, чтобы на протяжении тысячелетий поддерживать климат своей страны благодат-

ным для земледелия и скотоводства. Причем даже уничтожение Конаном Киммерийским большей части Ордена заметно не сказалось на деятельности последнего.

Однако удивление рассеется, если узнать о том, что известно мало кому: Орден Белой Руки — не что иное, как сообщество уцелевших колдунов Ахерона. Как только принимается во внимание этот факт, все возникающие вопросы получают вполне логичное объяснение.

Впрочем, не только здравый смысл, но и немедийские хроники говорят о том же. «После падения могучего Ахерона мало найдется в истории Хайбории событий, сходных в значимости с возникновением сурового и беспощадного королевства гиперборейцев, которые осели на севере, подчинив себе дикие племена, заставив их отказаться от кочевой жизни и приняться возводить каменные постройки, окруженные стенами до небес...»

Произошло это не сразу, но произошло. Кстати, становится понятным, каким образом в диком кочевом мире возникли вдруг каменные города, подобные которым существовали только в далекой Стигии и нигде более. Кто-то, а уж ахеронские колдуны знали, что такое надежное убежище.

После падения Ахерона часть оставшихся в живых колдунов не отправились на юг, как того можно было ожидать, а двинулись на север, где их никому бы не пришлось в голову искать, и там схоронились. Замысел удался. Через несколько лет о них забыли и тогда настало время действовать. Тем более, что к тому времени вокруг колдунов собрались мигрировавшие в тех местах племена кочевников-скотоводов. Началось строительство первого города или, вернее, крепости, окруженной каменными стенами и населенной вчерашними кочевниками. Колдуны называли зародыш будущего государства — Гиперборея.

Первое поселение представляло собой наспех возведенное заграждение из неотесанных камней, окружившее полукольцом приспособленные для жилья пещеры. Сооружение оказалось примитивным, поскольку ни колдуны, ни кочевники не умели строить, но оно позволяло укрыться от враждеб-

ных племен. Однако именно эта стена и положила начало всей хайборийской архитектуре.

После первой же успешно отбитой атаки даже самые недоверчивые кочевники предпочли перебраться под прикрытие каменных стен. С тех пор гиперборейцы окончательно оставили ненадежные шатры из лошадиных шкур. Теперь они возводили каменные, окруженные массивными стенами дома, в каждом из которых жило сразу по несколько семей. Эти примитивные замки еще более упрочили преимущество гиперборейцев перед соседями. Они служили хорошей защитой и позволяли своим обитателям не только жить в относительном покое и постепенно набирать силу, но и завоевывать все новые территории, возводя «замки» на ничейных землях.

Прошла не одна сотня лет, прежде чем Гиперборея окрепла как государство. Со временем почувствовав силу, гиперборейцы принялись нападать на соседние племена, большую часть которых они покорили, а не пожелавших подчиниться вытеснили к югу. Однако следом гиперборейцы не двинулись. Соседи посчитали это слабостью и нерешительностью. На самом же деле слишком стремительное расширение границ не входило в планы колдунов Ордена. Они не желали покидать свои крепости и не соблазнились возможностью закрепиться на завоеванных землях. Как уже говорилось, они просто остались в своих ледяных цитаделях и впоследствии основали Гиперборейскую Империю, одно из двух, наряду со Стигией, «злых королевств» хайборийского мира — таинственный край вечной зимы, где правят жестокие колдуны.

Жестокие и прозорливые...

Первую серьезную проверку на прочность защитные сооружения новой империи колдунов прошли за 1500 лет до рождения Конана Великого. Именно тогда гигантская орда гирканских кочевников обогнула Вилайет с севера и, отыскав проходимые летом перевалы Кезанкийских гор, хлынула на каменистую равнину и попыталась захватить северные королевства.

Армия гиперборейцев состояла по преимуществу из одной пехоты, зато обладала прекрасной выучкой. Но и колдуны в завязавшейся битве не оказались пассивными наблюдателями, и при первой же возможности оказывали пехоте магическую поддержку. Как показал ход боевых действий, такой поворот событий оказался совершенно неожиданным для гирканцев, видимо, рассчитывавших на легкий успех. Плохо организованной коннице номадов был дан жестокий отпор, и кочевники поспешно ретировались, спеша перейти перевалы, пока их вновь не завалило снегом.

Получилось так, что, мягко говоря, не будучи альтруистами, гиперборейцы невольно посодействовали укреплению слабого северного фронта в то время только нарождавшихся государств Хайбории.

Последовало затишье, продлившееся несколько веков. Гирканцы хорошо усвоили урок и не стремились к повторению пройденного. Но колдуны Ордена не почивали на лаврах. Они поняли, что кочевники не отказались от своих планов, не желая до поры ввязаться в затяжную войну, и вполне способны вернуться. Кроме того, опасность могла грозить и со стороны других племен. Гиперборейцы продолжали укрепляться, и, как оказалось, не напрасно.

Примерно три века спустя опасность и впрямь надвинулась на Гиперборею с запада. Рыжеволосые ваниры заключили союз с асирами, заручились поддержкой киммерийцев, собрали внушительное войско и двинули его в поход против своих соседей. В ходе стремительного марша им удалось отеснить на юг остатки кочевавших здесь хайборийских племен. Они быстро продвигались на восток, но, наткнувшись на каменные укрепления гиперборейцев, были вынуждены остановиться. Твердыни оказались им не по зубам.

Теперь уже колдуны не сомневались в своей силе и, чувствуя безнаказанность, начали организовывать набеги, обеспечивая себя дешевой рабочей силой. Стоит ли говорить, что в результате они и по сей день остаются заклятыми врагами с нордхеймцами. Ни на миг не прекращалась вражда между Гипербореей с одной стороны и асирами и киммерийцами с

другой. Впрочем, Гиперборея никогда не ограничивалась своими северными и западными соседями, не делая исключения ни для Бритунии, ни для Пограничного Королевства. А когда подвернется возможность, тормозила и гирканцев на востоке.

Стоит ли удивляться тому, что у Гипербореи оказалось слишком много врагов, и в то же время она осталась вообще без союзников? Казалось бы, рано или поздно королевство неизбежно должно было рухнуть. Однако же этого не произошло. Видимо, уцелевшие ахеронские маги не зря забрались так далеко на север, увидев за массой недостатков такого выбора и решающие преимущества. К тому же немалое значение сыграл тот факт, что таинственный Орден Белой Руки поддерживал тесные связи со многими аналогичными магическими сообществами — жрецами Черного Круга Стигии, Черным Квадратом колдунов Коринфии, Алым Кольцом кхитайских магов и так далее. Правда, связи эти носили чисто формальный характер и были основаны в значительной степени на взаимном недоверии, за исключением разве что Черного Квадрата, имевшего тесные связи с колдунами Ордена Белой Руки еще со времен Ахерона.

Так вот и получилось, что, казалось бы, обреченные на быстрое вымирание остатки ахеронских колдунов не только не сгинули в жестоких северных горах, но и сумели основать государство, медленно, но неуклонно крепнущее и со временем превратившееся в настолько мощную империю магов, что даже вторжение Конана Великого не смогло разрушить ее, а привело лишь к тому, что уцелевший Малый Круг колдуний начал действовать тайно. Впрочем, тому были и иные причины.

Оставшиеся в живых колдуны бежали на север не только с целью скрыться от могущественных врагов. Здесь не лишне вспомнить, что Ахерон представлял собой обширную империю, в которую входили нынешние Пограничное Королевство, Бритуния, Немедия, Коринфия и Офир. Причем концентрация магической энергии повышалась от среднего уровня у южных границ, на территории нынешней Корин-

фии, до очень высокой на северо-востоке Немедии. И наверняка не случайно именно там находилась пурпурнобашенная столица империи магов — Пифон!

Куда же могли податься маги после падения собственной империи? Где могли спрятаться? Уж конечно не на густонаселенных западе и юге. На первый взгляд, территория теперешней Бритунии, отделенная от нынешней Немедии Желтой рекой и Великим Соляным болотом, подходит как нельзя лучше. К тому же находится под боком, но уровень магической энергии там совсем низок, лишь в некоторых местах в горах она едва достигает средних показателей.

Зато северная Гиперборея почти необитаема и под завязку наполнена магией! К тому же надежно отгорожена от южных соседей горами Граскааля, переходящими на востоке в Иглофийские. Стоит ли после этого удивляться тому, что даже после видимого уничтожения Ордена Белой Руки оставшиеся в неприкосновенности в подземельях Похиолы посвященные Малого Круга сумели поддержать своей магией климат в долинах Гипербореи неестественно мягким. Настолько неправдоподобно благоприятным, что редкие побывавшие там гости извне склонны приписывать северным колдуньям вещи и вовсе невероятные — они говорят, что те двигают с севера на ни в чем не повинную Хайборию ледники!

Конечно, эти обвинения необоснованны. Сил колдуний Ордена хватает лишь на то, чтобы не дать замерзнуть своей стране, что, конечно, тоже достойно восхищения. И, как и следовало ожидать, основные свои твердыни колдуны расположили в местах максимальной концентрации Силы. Мудрено ли, что все их планы обречены на успех. Только еще большая сила способна противостоять такому могуществу. Это продемонстрировал в свое время Конан, хотя и он вынужденно ограничился малым...

Захватив некогда власть, колдуны не собирались расставаться с ней и для этой цели искусно поддерживали местные суеверия и слепой страх перед колдунами Ордена, что, в свою очередь, придавало их магии еще большую силу за счет отобранной у людей энергии.

Что же это за цитадели, построенные в самых выгодных, с магической точки зрения, местах страны? Первоначальные крепости давно уже превратились в города. Их всего три. За истекшие века число их не возросло, быть может потому, что колдуны не желали выпускать из-под контроля своих подданных. Итак...

Похиола — гиперборейская крепость, разросшаяся до размеров небольшого города. В ее состав входят собственно городские кварталы, Старая Крепость и Новый Дворец — резиденция Лухи, нынешней главы Ордена Белой Руки. Формально она всего лишь королева-жрица Похиолы, но, являясь главой Ордена, фактически правит всей страной. Неудивительно, что гиперборейцы считают ее воплощением богини смерти? Ведь самой ей столько лет, что все верят, будто она стояла у истоков образования Гипербореи! Впрочем, быть может, так оно и есть на самом деле... Все сказанное делает Похиолу фактической столицей Гипербореи.

Сигтона — еще одна гиперборейская крепость, сделавшаяся к описываемому моменту городом. Асирские скалды разнесли по миру невероятную весть о том, что Сигтоной правит питающаяся человеческой кровью жестокая королева-ведьма Заргана — главная соперница Лухи. Поговаривают даже, что не без ее помощи йезмитам удалось выкрасть планы подземелий Пифона из Старой Крепости Похиолы... с тем, чтобы обвинить Лухи в попустительстве проискам врагов и поставить вопрос о смене власти.

И наконец Халоба — формальная столица Гипербореи. Здесь действительно сосредоточена светская власть и правит королева, но и только. Именно здесь, спасая дочь асирского вождя, Конан попал в плен. Излишне говорить, что теперь это самый большой город Гипербореи. И не только самый большой, но и славящийся самыми вольными нравами! Впрочем, вряд ли они показались бы рядовому жителю, скажем, Шадизара многим лучше тюрьмы...

Так что же представляют собой эти города?

Твердыни Гипербореи поражают взор своим грубым, мрачным величием. Гранитные блоки, из которых сложены

стены, подогнаны и отполированы так, что невозможно отыскать ни малейших щелей или уступов. Крепостные стены, лишь по необходимости украшенные зубцами и башнями, бывают до шестидесяти локтей в высоту и достигают толщины в двадцать шагов, что придает приземистой крепости вид изготавившегося к бою смертельно опасного зверя.

В граните стен прорезаны узкие бойницы, расположенные достаточно высоко, чтобы препятствовать доступу в цитадель, и в тоже время обеспечивающие удобное положение для стрельбы обороняющихся. Окованные толстыми железными полосами ворота защищены стальными опускающимися решетками и украшены охранными рунами, образованными узором из шляпок гвоздей, вбитых в толстые дубовые створки.

Власть в Гиперборее, как уже упоминалось, принадлежит Древней, как сама Хайбория, колдунье Лухи. Она настолько стара, что уже не первый век не показывается на люди, и быть может, во многом именно поэтому происхождение ее повсеместно считается божественным. Непосредственно ей подчиняются колдуны Малого — тайного — Круга. Далее следуют жрецы-колдуны, некогда истребленные Конаном, а теперь понемногу возрождающиеся. Затем идут рядовые члены ордена, за ними следуют воины, после них простые жители и, наконец, рабы.

Наверное нет ничего удивительного в том, что простые жители лишь немногим отличаются от рабов, ведь в Гиперборее правит Белая Рука — сообщество колдунов, чем-то схожее, но во многом и отличающееся от стигийского Черного Круга или Алого Кольца в Кхитае. Орден Белой Руки — женский орден, хотя в нем есть место и колдунам-мужчинам, но только во внешнем круге. Колдуны Белой Руки иначе именуются жрецами Лухи. Их магия черпает энергию из земли, холода и людей, но если в прежние времена колдуны ориентировались на достижение власти над мертвыми, то теперь они взялись и за живых... Гиперборейских магов высоко ценят на северных пустошах, но не слишком жалуют в остальной Хайбории.

Наряду с занятиями магией, Белая Рука традиционно содержит наемных убийц, готовых по первому ее приказу исполнить поручение в любой части света. Прежде эти убийцы носили черные одеяния и плащи с капюшоном, а на лице — плоскую белую маску, прозрачную для ее носителя, но абсолютно непроницаемую для стороннего взора, что создает впечатление, будто у ее обладателя нет лица. Оружием им, как правило, служила деревянная палка с двумя стальными яйцеобразными сферами на концах, предназначенными для ударов по нервным окончаниям, что приводило к обездвиживанию, ранению или смерти жертвы. Уверяют, что эти убийцы отличаются большой подвижностью и ловкостью.

Однако после того, как Конан Киммерийский расправился с колдунами Ордена и навел в Гиперборее порядок, оставшиеся в живых колдуны поняли, что пришла пора менять методы. И не мудрено! Ведь как ни эффективны столь своеобразное облачение и оружие убийц, но они ко всему прочему являются своего рода визитной карточкой — любой порадавший знает, где ему искать обидчика. Такое решение созрело уже давно, так что акция Конана послужила всего лишь толчком. Логово к тому времени уже готово было принять первых Послушников, и молодая (в ту пору) Разара энергично взялась за дело, однако пролетело долгих пять столетий прежде чем маячившая на недостижимом расстоянии цель начала приближаться, обретая черты реальности. Нужно ли говорить, что появление в стенах Логова новой послушницы, Сони, в точности совпало по времени с этим поворотным моментом?

Впрочем, Соня, Север, Разара, Логово — предмет для отдельного разговора. Что же касается Гипербореи и значимости для нее Ордена Белой Руки, то существует еще один показательный факт: у жителей Гипербореи даже нет собственного пантеона богов! Они поклоняются Лухи, и этим сказано все.

Огромную роль в таком безоговорочном поклонении сыграла и изолированность Гипербореи от остального мира. Единственный широко известный путь в ее пределы прохо-

дит по перевалу в Иглофийских горах, но идти им отваживаются немногие.

Называется проход в горах Вратами Черепа. Врата указуют вход на основной перевал в Иглофийских горах, разделяющих Пограничное Королевство и Гиперборею. По сути, никаких ворот нет. Начало перевала отмечает установленный там огромный череп мамонта без бивней, украшенный угрожающей надписью на гиперборейском, прочесть которую мало кто может, но смысл которой известен всем: «Врата Гипербореи — это Врата Смерти для тех, кто пройдет через них непрошеным». Надпись эта доныне заставляет повернуть назад многих случайных искателей приключений. Из тех же, кто не внял ей и не испугался, подавляющее большинство рассталось с жизнями, потому что надпись не лжет...

ЛОГОВО

Что же представляет собой затерянное в горах Граскааля Логово? Плодородная долина, протянувшаяся с востока на запад на три дня верховой езды и примерно на треть этого расстояния с севера на юг, имеет всего три прохода во внешний мир: узкую, затерянную в горах тропу на западе, чуть более удобную, извивающуюся в теснине на востоке дорогу, выводящую на территорию Бритунии, и просторный выезд на гиперборейскую долину.

Десять веков назад в долине построили зимнюю резиденцию Лухи, но побывала колдунья здесь лишь единожды. Уровень магической энергии, хоть и более высокий, чем на равнине, оказался ниже, чем она рассчитывала. К тому же непривычная архитектура не понравилась колдунье. Однако пустовал дворцовый комплекс не слишком долго.

За сто лет до восшествия на престол Аквилонии Конана молодая колдунья по имени Разара обосновалась в Логове и начала, не торопясь, налаживать здесь жизнь. Когда же колдуны Ордена потерпели поражение, а наемники оказались

перебиты, Логову поневоле пришлось взять на себя их функции, и на долгие годы Разара заставила себя забыть об изначально поставленной перед ней задаче и сосредоточиться на добывании золота и устранении неугодных за границами Гипербореи. Однако при этом Разара ни на миг не забывала о своей главной цели.

Что это за цель? Конечно же, не что иное, как поиск артефактов погибшего Ахерона. О них известно следующее.

Через тысячу лет после Великой Катастрофы мир оказался поделенным на две части: мир хайборийских варваров, состоявший из переживших катастрофу пиктов и атлантов, постоянно враждовавших между собой и населявших запад материка до западных границ современной Немедии, и мир не менее ожесточенно дравшихся за власть двух темных империй магов и колдунов, относившихся к кхарийской расе, — Древней Стигии и Ахерона.

Противостояние последних затихло, когда хайборийцы двинулись на восток. Древняя Стигия, владения которой простирались до Карпашских гор, предпочла пожертвовать частью своей территории и укрыться за руслом Стикса, избегнув таким образом уничтожения. У ахеронцев не оказалось такой возможности. Они вступили в кровопролитную и, как оказалось, обреченную на поражение борьбу.

Предания говорят, что, когда над городом Пурпурных Башен нависла угроза осады, колдуны не пришли к единому мнению по поводу того, что делать дальше. Меньшая по силе и численности часть Ордена покинула город. Почти сразу от нее отделилась еще одна малая часть и скрытно двинулась на восток, навстречу ордам варваров. Остальные ушли на север. Сильнейшие же колдуны предпочли остаться, не веря в реальность поражения.

Необходимо заметить, что ушедшие на восток колдуны нарекли себя *лигурейцами*. Скрытно пробравшись сквозь волну атакующих, они бежали в глубь Пиктских Пустошей, где и осели в лесной глуши. Это меньшинство считало, и не без основания, магию кхарийцев надругательством над силами мира. Они не сомневались в поражении Ахерона, полагая,

что таким образом Рок мстит непокорным, а значит никакое искусство не спасет их от окончательного уничтожения. Их собственная магия начала меняться. Они смешались с хайборийцами, со временем забыв даже о своем ахеронском происхождении, и занялись изучением сил природы, но это произошло позднее. После же разгрома Ахерона пикты попытались избавиться от явившихся без спроса гостей, но на сей раз мощная магия лигурейцев с легкостью защитила их, лишний раз уверив последних в собственной правоте.

Какая же судьба постигла тех, кто не пожелал ни отречься от своих взглядов, ни покинуть свою обитель? Хайборийцы в конце концов осадили Пифон, и когда угроза падения обрела черты неотвратимой реальности, колдуны ушли в подземелья. На что же они надеялись?

Пожалуй, ответа на этот вопрос уже не получить никогда...

Вполне вероятно, что они поняли: время упущено и уйти им теперь не дадут. Когда орды варваров ворвались в город, колдуны ушли в подземелье и обрушили дворцы, погребя под руинами и побежденных защитников Пифона и ворвавшихся в город победителей.

Так ли произошло на самом деле, доподлинно неизвестно, однако в легендах сохранилось именно такое описание событий. Варвары попытались воссоздать город, но надолго их упорства не хватило. Тогда они вознамерились отыскать вход в подземелье, и это удалось сделать без особого труда. Отряд за отрядом уходил в мрачные глубины, но все они сгинули в зловещих недрах. Никто не вернулся, за исключением одного раненого пикта, так и не попавшего ниже первого — Подвального — уровня. Он рассказывал, что будучи раненым в ногу почти сразу после спуска, не пожелал остаться в одиночестве и попытался нагнать товарищей. Он успел добраться до ведущей в нижние уровни лестницы и там остановился, не в силах заставить себя двигаться в мрачные глубины, откуда доносились леденящие душу крики. Наконец все стихло. И тогда, чувствуя, как волосы на затылке поднимаются дыбом, он услышал шаркающие шаги — кто-то поднимался по

лестнице. Невольно отпрянув, он обнажил топор, и это спасло ему жизнь. Человек, хотя назвать его этим словом пикт решился только потому, что пришелец несомненно некогда относился к человеческой породе, оказался безоружен и *наполовину съеден!*

Тут и там на живом еще теле блестели освобожденные от плоти кости, так что казалось невероятным, что он вообще способен двигаться. Увидев раненого, полутруп двинулся к нему. Визжа от ужаса, пикт оборонялся, однако убить живого мертвеца оказалось не так просто. Лезвие топора раз за разом погружалось в кровоточащую плоть, не причиняя противнику заметного вреда. Наконец воин сообразил отрубить трупу голову, и лишь это его спасло. Выслушав рассказ соплеменника, пикты завалили вход, а сами посчитали за лучшее убраться восвояси, ограничившись теми богатствами, что удалось набрать в развалинах дворцов. Постепенно руины опускались все глубже в землю, и лес неспешно поглощал город.

Если кто-то после ухода варваров и покинул подземелья, то это осталось неизвестным. Однако настал момент, когда на юг потянулись повозки, груженные обработанными каменными блоками, и под Хоршемишем начала расти грозная Алая Цитадель. О том, что строил ее кто-то из избежавших смерти кхарийских магов, говорит хотя бы то, что расположена она в месте необычайно высокой концентрации магической энергии, то есть воздвигнута в строгом соответствии с ахеронскими канонами строительства.

Когда разграбление руин закончилось, лес вновь взялся за дело и на этот раз быстро закончил то, что не удалось сделать поначалу. Не прошло и ста лет, как земля и растительность полностью поглотили развалины, приняв форму уродливо вздыбившихся холмов, под которыми еще угадывались остатки былых строений. Очертания холмов постепенно скрадывались, и еще через три сотни лет уже ничто не напоминало, что некогда здесь шумел огромный город. И если память о его существовании не истерлась окончательно, то о предполагаемом местонахождении помнили очень немногие.

На что же надеялись укрывшиеся в подземельях колдуны? Во-первых, подземелья императорского дворца — это целая страна, уходящая невесть на какую глубину. Где-то там, по преданию, расположен Трон Крови, защищающий тех, кто преданно служит ему. Трудно, однако, предположить, чтобы люди — колдуны или нет, все равно — сознательно обрекли себя на безрадостную жизнь в катакомбах до самой смерти.

Скорее всего они рассчитывали-таки вернуться в мир после ухода варваров, но что-то им помешало. И вот, когда минуло пять столетий со времени падения Пифона, колдуны Ордена Белой Руки сочли, что оставшиеся под землей мертвы. Пока развалины не вросли в землю, они следили за руинами и сумели не только составить подробный план разрушенного города и надежно привязать его к местности, но и практически не сомневались, что никто не проникал внутрь и не покидал катакомб.

Достаточно быстро удалось скрыть один из холмов, в недрах которого находился вход в подземелье, и расчистить его. Отряд воинов в сопровождении колдунов спустился вниз. Перед ними не ставили конкретных задач. Никто ведь не знал, что происходило в крошечной подземной стране на протяжении половины тысячелетия. Они должны были просто разузнать, что к чему, и вернуться. Никто из владык Ордена не сомневался в успехе предприятия. Экспедиция, однако, неожиданно затонула.

Поначалу оставшиеся наверху сочли долгое отсутствие добрым знаком, решив, что подземелья необитаемы и посланцы попросту вознамерились порадовать своих соратников, не просто разведав обстановку, но и раздобыв кое-что из сохранившихся раритетов. Однако очень скоро эйфория пошла на убыль, ведь никаких известий оставшиеся наверху по-прежнему не имели.

Уверенность в успехе сменилась настороженностью, а затем и тревогой. В Гиперборее тоже начали беспокоиться и вскоре прибыл гонец, потребовавший немедленного отчета. Ему обрисовали ситуацию. Теперь уже никто не сомневался в том, что ничего хорошего от катакомб ждать не приходит-

ся. Вход в подземелье уже казался мрачной дырой в царство Нергала, из которого нет возврата. Именно в этот момент вернулись остатки посланной экспедиции. Всего несколько человек: один маг и два воина — все, что осталось от сотни панцирников и десяти колдунов. Вернулись, чтобы умереть... Ни один из троих так и не сумел ничего поведать. Все трое мгновенно провалились в сон, плавно перешедший в смерть...

Без лишних слов гонец приказал замуровать выход. Погибших предали огню, а вещи их отдали владыкам Ордена. Среди вещей оказались двенадцать листов пергамента с вычерченными на них планами и описаниями того, что разведчики сочли достойным внимания руководителей Ордена.

Как только тексты прочитали, сразу поняли, что они не полны. Либо часть из них оказалась утерянной, либо ее намеренно оставили внизу, хотя последнее предположение и казалось маловероятным. Тем не менее, даже из того, что увидело свет, становилось ясно, что катакомбы населены странными, непонятно откуда взявшимися монстрами, не похожими на существа светлого мира.

Почему отряд не вернулся, едва почувствовав серьезность угрозы, осталось непонятным. Возможно, вначале люди все же надеялись на успех своего предприятия, а затем угодили в ловушку. Высказывалось также предположение, что троих уцелевших обитатели подземелий отпустили на волю намеренно, дабы внушить страх перед катакомбами и отвлечь будущих смельчаков.

Если так, то мера сработала как нельзя лучше. Правда планы повторного исследования не раз обсуждали и в дальнейшем, однако они так и оставались всего лишь планами. Во всяком случае на протяжении последних двух с половиной тысяч лет гиперборейцы не предприняли ни одной новой попытки.

Известно, что век колдуна по продолжительности несоизмерим с веком человека. Видимо, поэтому владыки Ордена не торопились. Они надеялись, что рано или поздно чудо-

вишные порождения Тьмы вымрут сами собой, и подземелья станут безопасны для гостей из наземного мира.

И вот теперь владычицы Ордена Белой Руки решили, что момент настал. К этому их подталкивали и происходящие в мире перемены. Сколь ни велико могущество колдуний, но и его не хватало, чтобы компенсировать недостаток людских ресурсов — несмотря на разросшиеся города, Гиперборея по-прежнему оставалась слабо заселенной страной, способной защитить себя, но не завоевать мир, к чему теперь стремились маги.

На этом пути их ждало немало неожиданностей. Однако поведать о них сейчас, означало бы предвосхитить события, коим посвящен заключительный роман пенталогии о Подземельях Пифона...

Глава первая

Мьма... Мрак и огонь. Всепожирающее пламя. Алчущая пасть скалилась с рычанием, кроваво-алый язык облизывал человеку лицо, обжигая, испепеляя, изнуряя нестерпимым жаром... Каждую ночь все повторялось сызнова. Стоило лишь звездной тьме опуститься на землю, и все повторялось...

Вот уже который день Юрг не находил себе места. Вынужденное безделье не просто изматывало, оно медленно, но верно сводило его с ума.

Крепкое вино, дарившее прежде милосердное забытие, перестало действовать на воспаленный мозг. Ночью Юрга мучали кошмары. Кровь и огонь. Тьма и леденящий холод. Они пожирали его разум, ослабляли плоть... Но и рассвет не приносил облегчения.

Дни затянувшейся осени походили один на другой, словно бусины ожерелья, но позавчера солнце казалось ему слишком жарким, на следующий день — тусклым, будто закрытым пеленой.

Сегодня же его мучила духота. Юрг осушил уже кувшин ледяного вина, но хмель не брал его, а жажда с каждым глотком, казалось, только усиливалась. Подняв в очередной раз кубок, воин обнаружил, что тот пуст. В стоявшем рядом кувшине тоже не осталось ни капли.

— Хозяин! — хрипло выкрикнул он, и в его голосе прозвучало свирепое ворчание волка.

Толстый владелец таверны тут же подскочил, согнувшись в подобострастном поклоне. Седмицу назад незнакомец впервые появился в его заведении и с тех пор почти все дни безвылазно сидел здесь, выпивая в полном молчании и одиночестве по три-четыре кувшина крепкого холодного вина.

Было в этом постояльце что-то пугающее, неприятное. До жути. Хозяин избегал встречаться с ним взглядом...

Юрг безмолвно указал на опустевший кувшин. Толстяк побледнел, будто его уличили в страшном преступлении.

— Прошу простить меня, господин, — торопливо пролепетал он, подхватывая со стола сосуд, который еще не успел согреться. — Не уследил.

Он развернулся и вихрем пронесся через зал, чувствуя, как взгляд незнакомца, словно острие клинка, впился ему в спину. Дверь, казалось, только что захлопнулась за тавернщиком, а он уже выскочил обратно, на ходу обтирая запотевшие бока кувшина.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался он.

— Ступай, — кратко ответил постоялец, наполнив кубок.

В три глотка осушив его, воин поставил кубок на стол и посмотрел на замершего за стойкой владельца таверны. «Бойтся», — с удовлетворением отметил Юрг, и это неожиданно заставило его задуматься о причинах своих душевных мук. В последнее время женщины, которыми он никогда особенно не интересовался, бурно ворвались в его жизнь и круто изменили ее, причем нельзя сказать, что к лучшему.

Сперва рыжая шадизарка дважды унизила его при всех, и он сразу стал изгоем, которого терпят исключительно за былые заслуги. А теперь его мучают еще две — Халима и Яра. Общение с ними всякий раз напоминало Юргу о его ничтожестве. Однако одно дело — Жрица, по сути правая рука Белой Волчицы, и совсем иное — Яра, которая относилась к Юргу едва ли не с большим высокомерием, чем Халима. Это, мягко говоря, не нравилось бывшему наставнику, тем более что прекрасная гирканка осталась в Логове, а ее заносчивая помощница крутится рядом... Он отхлебнул сладкого пальмового вина и поморщился, словно это была дешевая перебродившая кислятина.

Перед мысленным взором воина возникла Верховная Жрица Логова. Черные как вороново крыло волосы, высокий чистый лоб, чуть раскосые миндалевидные глаза, маленький носик, небольшой чувственный рот, точеная фигурка. Среди Прибылых ходили слухи, что Халима — очередное земное воплощение гирканской богини красоты — Гуяли. И хотя никто из наставников Логова не относился всерьез к нелепой выдумке, но все

с удовольствием повторяли ее, а Юрг не раз ловил себя на мысли, что ничуть не удивился бы, окажись вымысел правдой.

Когда прекрасная колдунья обратилась к нему с предложением отомстить подруге Севера, Юрг сначала слегка растерялся от неожиданности, но, поразмыслив, с радостью согласился. У него даже мелькнула мысль: «А не удастся ли занять место Кучулуга, который сменил в постели Жрицы Ханторэка?» Однако красавица сразу дала понять, что надеяться ему не на что. И бывшему наставнику ничего не оставалось, как смириться с этим.

Однако, хоть он, казалось бы, легко распростился с мечтой, но неприятный осадок в душе остался, ведь его не просто отвергли, ему указали на его скромное место и на рамки, за которые нельзя выходить, если, конечно, он не хочет нажить неприятностей.

Только сейчас Юрг неожиданно понял это. Теперь место Халимы заняла Яра, не обладавшая ни знаниями колдуньи, ни ее влиянием, ни, наконец, неотразимой красотой великолепной гирканки. Но и она держала провинившегося наставника на расстоянии. Обе женщины упорно не желали видеть в нем мужчину, и такое отношение оскорбляло Юрга несказанно.

Он чувствовал, что его просто используют. Так обращаются с инструментом, который обладает нужными свойствами для какого-либо дела. Его даже берегут, пока он необходим, а потом либо откладывают в сторону и забывают, либо выбрасывают за ненадобностью.

Стоило подвыпившему воину подумать об этом, как он помрачнел еще больше. Да и кому бы это понравилось? А уж Юрг, самолюбивый и отнюдь не глупый молодой человек, вообще считал себя особенным и щедро одаренным богами и потому открытое пренебрежение Яры больно ранило его.

Уже целую седмицу они сидели в Кутхемесе и ждали, когда вернется посланная на разведку Вестница. Предоставленный самому себе Юрг маялся от безделья и, не зная, чем себя занять, целые дни проводил в непрерывном пьянстве. Легче ему от этого не становилось, а вот мысли посещали одна черней другой. Так не могло продолжаться вечно, и воин все чаще задумывался о том, что настала пора что-то резко менять в его жизни.

Неподалеку от облюбованной им таверны, в конце улицы, возвышался шатер предсказателя, и с каждым днем Юргу все сильнее хотелось посетить его. Он тешил себя надеждой, что там, быть может, наконец-то раскроет окружавшие его тайны и обязательно получит ответы на свои многочисленные вопросы. И, как это нередко случается, чем больше он уговаривал себя, тем упорнее откладывал посещение шатра. С каким-то злобным удовлетворением он переносил и переносил визит, но сегодня все-таки решился. Одним глотком Юрг допил вино, бросил на стол несколько серебряных монет и вышел на улицу.

Попав из мягкого полумрака на яркое солнце, он непроизвольно зажмурился и некоторое время стоял, ожидая, когда глаза привыкнут к свету.

Когда разноцветные круги исчезли, он вновь посмотрел на голубой шатер, и ему мгновенно захотелось тотчас оказаться там, хоть внутренний голос и шепнул, что знание тайны не принесет ему ничего хорошего... Однако Юрг уже все твердо решил и отступать не собирался.

Медленно, словно нехотя, пошел он по улице, не замечая ни жары, ни сновавших по своим делам людей, ни крикливых торговцев, навязчиво предлагавших свое барахло.

Но воин видел только шатер. Шаг за шагом он приближался к вожаденной цели, с зарождающимся страхом лоя себя на мысли о том, что с каждым преодоленным локтем пути искусно натянутый на куполообразный каркас кхитайский шелк меняет цвет, превращаясь из нежно-голубого в густо-синий. В какой-то миг на ткани проявились желтые ритуальные знаки и изображение звезд попеременно с колдовскими рунами, а шелк шатра все продолжал темнеть.

Это показалось Юргу дурным предзнаменованием. Солнце пекло немилосердно, но воин вдруг почувствовал, как неприятный холодок пробежал по спине, и невольно поежился. Ему почудилось, что центральная улица Кутхемеса исчезла, а он внезапно попал на заброшенное кладбище. Он тихо выругался и пошел быстрее. Перед входом Юрг задержался и вновь подумал: «Не лучше ли вернуться назад, в таверну?». Однако, отогнав ненужные мысли, он коснулся ладонью края занавешивавшей проход ткани. Несмотря на жару, шелк ожег его ледяным прикосновением, и Юрг

замер на пороге. Внутри шатра царила непроглядная тьма.

— Входи, воин. Не бойся,— услышал он громкий шепот.

Не заподозри прорицатель, что он боится, Юрг, скорее всего, развернулся бы и ушел. Но гордость удержала его от позорного бегства, а слова гадальщика пробудили любопытство: коли тот сразу почувствовал страх посетителя, значит, на самом деле обладает особым даром.

— Войди, воин, и я попытаюсь ответить на вопросы, которые мучают тебя,— вновь зазвучал шепот.

Отбросив последние сомнения, Юрг шагнул внутрь.

Полог за спиной упал на прежнее место, отгородив его от остального мира так, словно это была стальная дверь, а не тончайшая ткань. Предсказатель молчал, очевидно давая ему возможность освоиться. Юрг осматривался, чувствуя, что глаза быстро привыкают к темноте, и странные вещи начали предстать перед ним. Теперь он различал прямоугольную жаровню с тускло-красными углями посередине шатра и темную фигуру, закутанную в черный халат. Ткань шатра потемнела еще сильнее, превратившись в черносинее полотно ночного неба, на котором раскинулась россыпь звезд. Больше всего Юрга удивило то, что звезды медленно перемещались по шелковому небосводу.

— Подойди ближе, воин, и Расскажи, что привело тебя ко мне.

— Если ты предсказатель, не задавай глупых вопросов. Ты и без меня должен знать, зачем я пришел, а главное — с чем уйду! — вызываяще ответил Юрг и вдруг понял, что перед ним не предсказатель, а предсказательница.

Еще одна женщина! И она должна рассказать ему, что замыслили первые две. Это, безусловно, знамение, но как истолковать его, воин не знал.

— Что ж, — усмехнулась гадалка, — можно и так. По крайней мере, ты удостоверишься в том, что здесь тебя не пытаются обмануть.

Юрг снова посмотрел на нее. Теперь он видел уже не просто силуэт, вот только лицо женщины по-прежнему оставалось в тени. Прорицательница нагнулась, подняла с пола пучок пахучих трав и бросила его в жаровню.

Незнакомый аромат мгновенно наполнил шатер. Юрг вдохнул его и почувствовал, как проявляются мысли. Угли запылали, раскаляясь все сильнее. Сердце не отстучало и трех ударов, как в жаровне запылали язычки белесого пламени. Воин, хотя и стоял в нескольких шагах, ощутил, как лоб покрылся испариной, и вытер его ладонью.

Он хотел было съязвить насчет того, что, видимо, по ошибке попал в туранские бани, но в этот миг увидел лицо предсказательницы, настолько обезображенное глубокими оспинами, что оно казалось не живой плотью, а грубой, наспех слепленной из глины уродливой маской, и промолчал, проглотив подступивший к горлу комок.

— Я вижу трех женщин, — неожиданно заговорила прорицательница, и Юрг, невольно вздрогнув, весь обратился в слух. — Глядя на одну из них, я вижу огонь... Но она осталась в прошлом. Ты считаешь ее врагом, однако тебе лучше забыть о ней: с огнем шутки плохи! С другой ты расстался совсем недавно. — Гадалка посмотрела на пламя жаровни и заслонила изуродованное лицо рукавом халата. — Глядя на нее, я вижу тьму. Черные глаза... Черные волосы... Черные мысли... — нараспев говорила она. — Мне страшно приближаться к ней, но я знаю, что ты для нее лишь игрушка, к которой она не питает ни злых, ни добрых чувств. Будь с ней настороже. — Предсказательница помолчала, прежде чем продолжить. — Огонь и Ночь... Мрак и Свет... Добро и Зло... Это непримиримые враги! Тебя же угораздило попасть между ними. Будь осторожен, — повторила она и на время вновь умолкла. — Третья женщина связана со второй и приставлена к тебе сторожем. Если ты ошибешься, она не станет колебаться.

— О чем ты говоришь? — прохрипел Юрг, чувствуя, как страх захватывает все его существом.

— Не знаю. — Изуродованное оспинами лицо скрылось в тени. — Ты хотел, чтобы я рассказала, что тебя тревожит. Я всего лишь исполнила твою просьбу.

Однако в голосе провидицы послышался вопрос, и Юрг кивнул.

— Все верно, — подтвердил он и, прежде чем заговорить снова, тоже на мгновение задумался. —

Меня интересует, как отомстить первой и при этом уцелеть? Как не навлечь на себя гнев второй? И наконец, как вести себя по отношению к третьей?

— Вряд ли я сумею ответить на твои вопросы,— недовольно проворчала предсказательница.— Прошлое неизменно, а вот будущее... Каждое мгновение, любой поступок порождает тысячи новых возможностей, которые никто не в силах учесть. В моей власти увидеть лишь основные пути. О мелочах же тебе сподручней судить самому. Впрочем,— тут же поправила она себя,— кое-что из твоего прошлого позволяет дать тебе добрый совет: поменьше говори. Слишком часто длинный язык вредил шее. Особенно это касается тебя.

— Ты хочешь сказать, что я болтлив?! — прошипел Юрг, чувствуя, как злость закипает в душе, на время вытесняя страх.

— Я хочу сказать, что у третьей женщины большие уши и ядовитый ум. Она все слышит и ничего не забывает. Будь осторожен, когда она рядом. Не позволяй сомнениям завладеть твоим рассудком. Если не знаешь, как поступить, сперва бей, потом думай.

— А если... — начал было Юрг, но она не дала ему договорить.

— Может, ты и сделаешь глупость, зато сохранишь жизнь... И еще... Ты пришел ко мне в мрачном расположении духа. Так нельзя. Так ты проиграешь. Запомни простое правило: светлые мысли приносят человеку удачу, темные — беду!

Юрг слушал, но не слышал слов предсказательницы. Против воли он думал о своем. Так долго мучившие его подозрения в ходе беседы не только не рассеялись, а наоборот — упрочились. Если прежде он нутром чуял некий заговор, готовность Халимы в любой миг отказаться от него, а Яры — предать, то теперь он не сомневался, что Халима уже предала его, а Яра всего лишь ждет случая, чтобы избавиться от исполнителя грязного поручения. Юрг словно прозрел. Да кому он нужен, бывший наставник! И когда он все понял, глухая ярость закипела в его душе.

— Будущее! — прохрипел он.— Предскажи мне мое будущее!

— Как далеко вперед ты желаешь заглянуть?

— На одну луну! — прорычал Юрг.— Думаю, четырех седмиц хватит с избытком!

— Да, господин.

Провидица бросила на раскаленные угли новый пучок трав, и совсем другой аромат вытеснил прежний запах. Жар усилился. Женщина с таким напряжением всматривалась в белое пламя, что по изуродованному болезнью лицу потекли слезы.

— Говори! — теряя терпение, воскликнул воин.

— Не могу, господин,— прошептала она.— Твое будущее мрачно, но еще гуще тьма, что скрадывает грядущее!

— Ты лжешь, колдунья! — Юрг в ярости сжал кулаки.

— Мне незачем лгать,— спокойно возразила она.— Возможно, судьба твоя еще не определена. Такое тоже случается.

— А пламя?! — воскликнул Юрг. — Почему пламя окрасилось алым?

— Это произошло только что, господин. Но лучше бы все оставалось по-прежнему.

— Почему?! — в ужасе прошептал он.

— Кровь! Теперь я вижу в твоём будущем кровь... Только кровь... И ничего больше...

— Смотри внимательнее, ведьма! — Юрга трясло, как в лихорадке, кулаки судорожно сжимались, глаза вылезли из орбит, пытаясь поймать взгляд пророчицы. Он испытывал одновременно и ужас, и ярость, и одно из этих чувств в любое мгновение могло вырваться наружу. — Жизнь не может состоять только из крови!

— Может, — тихо возразила она. — Может, если в конце твоего пути — смерть и ты стоишь на ее пороге. — Она перевела взгляд на жаровню. — Ничто не изменилось: только кровь... Кровь и смерть...

Она говорила медленно, словно и впрямь с трудом разбирала знаки его судьбы, и Юрг чувствовал, что страх начинает душить его, словно провидица рассказывала ему не о том, что может с ним случиться, а может и нет, а о том, что неизбежно произойдет, едва он покинет зловещий шатер.

Неизъяснимый ужас объял его. Пальцы судорожно сжали рукоять кинжала, и в голову пришла дикая, но в тот миг показавшаяся спасительной мысль: если он сейчас же уничтожит ведьму, то вместе с ней исчезнет и кошмарное пугающее предсказание.

— Кровь и смерть говоришь? — Юрг нервно облизнулся. — Могу тебя порадовать: тебя тоже не ждет ничего хорошего! — Его клинок вонзился под левую грудь женщины, та мелко задрожала и обмякла. Юрг вытащил кинжал, вытер его об одежду убитой и толкнул тело на жаровню. Халат провидицы мгновенно вспыхнул, и пламя взметнулось к темно-синему своду шатра. — Тот же огонь и та же смерть, — спокойно заключил убийца.

Он вложил кинжал в ножны и быстро зашагал прочь. Как ни странно, легче ему ничуть не стало. Прежние тревоги мгновенно вернулись к нему, только теперь он твердо знал: все его подозрения не напрасны. Халима вернула его к жизни только затем, чтобы использовать как орудие мести. Она все верно рассчитала, сыграв на его ненависти и жажде крови. Он жив только до тех пор, пока жива Соня. Теперь он ясно понял это. Юрг не сомневался, что Яра отправилась с ним исключительно ради того, чтобы после рассказать о его предательстве и смерти! Иначе чем объяснить столь пренебрежительное к нему отношение?

Он невесело усмехнулся. Да, жизнь всегда норовит подкинуть какую-нибудь неожиданность! К сожалению, эта не из приятных. Почти уже остывшая злость нахлынула новой волной, и Юрг почувствовал непреодолимое желание сейчас же прикончить свою спутницу. Неспешно подойти, задать какой-нибудь глупый вопрос, выслушать полный желчи ответ и быстро схватить за тонкую шею, чтобы ведьма не успела прочесть заклина-

ние. Заглянуть в злые, насмешливые глаза. Почувствовать ее испуг, насладиться ее страхом, а затем нажать чуть сильнее, чтобы хрустнули позвонки, рвущие тоненькую ниточку жизни...

Нет... Нельзя...

Прорицательница ведь не зря предупреждала о Вестнице, а Халима не Яра. С ней шутки плохи. В какой-то миг Юргу пришла в голову мысль: самое разумное сейчас плюнуть на все и уйти. Он хорошо знал, что происходит в Логове. Его охотничьи угодья простирались от Вилайета на востоке до Аквилонии на западе и до Турана и Стигии на юге — остается достаточно места, где можно спрятаться. Стоит только сменить имя да отпустить бороду или еще как-то изменить внешность, и не то что Великая Волчица, сам Нергал его не отыщет! А хорошие воины всегда в цене!

Он даже всерьез задумался, куда лучше податься? На восток или на запад? Но размышлял об этом недолго, и как-то незаметно мысли его вернулись в более привычное русло: как уцелеть, не порывая с Логовом? Особенно теперь, когда он знает о своем ближайшем будущем. Юргу стало смешно. Зря он заколол уродину! Дурак! Рассердился на правду! Ведь все и впрямь очень просто. Халима пытается использовать его, и за это он на нее злится. А на Яру он рассердился за то, что она не позволила ему использовать себя. Жрица по своему права. Люди часто так или иначе используют друг друга. А вот Яра переоценила свои возможности и за это поплатится. И тут предсказательница тоже не ошиблась: скоро в его жизнь

и впрямь войдут кровь и смерть. Но только не его кровь и уж тем более не его смерть!

* * *

Ночь подходила к концу, но рассвет еще не наступил, хотя беглецам, особенно Соне и Северу, казалось, что после вечерней зари прошла едва ли не целая жизнь. Всадники погоняли коней. Всем не терпелось поскорее вырваться за северные ворота Сторожевой Стены, которая казалась им некой межевой линией, и они представляли, что, когда пересекут ее, опасность останется позади.

Они вырвались на волю совершенно неожиданно, со скоростью ветра промчавшись мимо безобразно храпевших возле догорающего костра стражников. Ни один из них даже не пошевелился. Что ж, оно и к лучшему.

Север хотел тут же свернуть вправо, но местность оказалась каменистой, и скакать по ней с прежней скоростью значило просто-напросто потерять коней... А ехать медленнее никак нельзя: каждая потерянная лига может стоить им жизни.

Вестница и Шалло парили в ночном небе, то улетаая вперед, то возвращаясь, но пользы от этого было мало. В кромешной тьме даже их острые глаза не могли высмотреть проход в беспорядочном нагромождении скал, к которому стремительно приближались беглецы. Самой разумной казалась мысль немедленно остановить коней и дожидаться рассвета, чтобы разведчицы разглядели путь в каменном лабиринте, но, к сожалению, это было невозможно. Погоня миновала туннель и уже подъез-

жала к северным воротам, справедливо рассудив, что у беглецов только одна дорога — в Туран.

Север хлестнул коня и направил его в самый широкий проход из всех, что удалось заметить птицам, впервые доверив свою судьбу удаче. Он понимал, что их ждет долгий переход без отдыха, но выбор оказался невелик и слишком уж безрадостен. Задержишься — и тебя догонят йезмиты, на западе почти наверняка столкнешься с поклонниками Уру, а путь на восток в темноте не отыскать.

Отряд ворвался в ущелье, и цокот копыт гулким эхом заметался между каменными стенами. Рваные облака наконец-то рассеялись, и серебряная луна залила землю холодным призрачным светом. Север, совсем уже было собравшийся придержать скакуна, ударил его по крупу, и тот рванулся вперед.

Ходы петляли вправо и влево, иногда направляя отряд едва ли не в обратную сторону, и Вожак не мог отделаться от неприятного ощущения, что они угодили в хорошо продуманную ловушку, предназначенную именно для непрошенных гостей. И хоть это казалось совершенно невероятным (Север помнил эти скалы, сквозь которые они прошли по пути к ущелью), мысль о ловушке, раз возникнув, не покидала его, а воин привык доверять своим чувствам.

Он резко натянул поводья, и его конь встал, прядая ушами и отфыркиваясь после быстрого бега. Соня остановилась рядом, а следом за ней — и весь отряд.

— Что случилось? — спросила она.

— Не нравятся мне эти скалы.— Север настороженно осмотрелся.— Меня не покидает ощущение, что, сами того не ведая, мы угодили в ловушку,— честно признался он.

— Ты думаешь, впереди тупик? — пристально взглянула на него девушка, которую не покидали такие же опасения.

— Боюсь, да,— кивнул Вожак.

— Что же нам делать? — испуганно прошептала Гана.

Мурзио лишь хмуро молчал.

— Придется ждать рассвета,— ответил Север.— Тогда Вестница сумеет отыскать проход в этих скалах. А пока можно отдохнуть. Ничего другого нам не остается.

Никто не стал спорить. Люди спешили, но коней расседлывать не стали. Они не видели горизонта на востоке, но что-то подсказывало Вожаку, что до восхода солнца осталось ждать совсем немного. Наверное, больше для того, чтобы успокоиться, Север достал костяной ларец с документами и просмотрел уложенные в него свитки.

— Жаль, если попадемся именно теперь, когда дело сделано,— заметила Соня.

Задира взобралась на плечо своей хозяйки и растерянно посмотрела по сторонам, принюхиваясь к неприятному запаху пропыленного камня.

— Жаль, что мы сгупили,— не ответив на ее замечание, сказал Вожак.— Надо было уходить тем

путем, которым пришли. Сейчас я в этом не сомневаюсь.

— Теперь уже ни к чему корить себя,— заметила Соня.— Всем хотелось поскорее покинуть это проклятое место.

— Не нужно меня успокаивать.— Север невесело улыбнулся.— Я веду отряд, значит, и отвечаю за всех.

— Брось,— отмахнулась Соня.— Мы выберемся.

— Конечно, выберемся,— кивнул он и усмехнулся.— Просто считай, что я капризничаю. Не все приключения мне нравятся, а уж это явно не в моем вкусе. Кстати, наконец-то светает.

— Пока не вижу,— возразила Соня.

— И тем не менее,— стоял на своем Вожак.

— Отряд из ущелья! — прокаркала Шалло, резко спикировав и пристраиваясь на плече Севера.— Вышли из вор-рот!

— Проклятие! — Соня закусил губу, Гана побледнела, Мурзио оставался по-прежнему мрачен и недвижим.— Мы снова чуть-чуть не успеваем.

— Именно то, о чем я говорил,— согласился Север.— Мы снова превратились в дичь. Лети! — крикнул он Вестнице.— И помни: ты должна отыскать проход в этих проклятых скалах, иначе нам конец!

Ворона взмахнула крыльями и мгновенно растворилась в предутренней тьме.

— Думаешь, она справится?

— Она справится,— уверенно кивнул Вожак.— Вот времени бы хватило...

— А если мы не успеем? — прошептала Гана, но все услышали ее.

— Если не успеем...— Север задумался, но лишь на краткий миг.— Пока окончательно не рассвело, мы должны спрятать карты, камни, остатки веревок — все, что может нас выдать.

— Зачем? — испуганно посмотрела на него Гана.

— Чтобы поморочить им голову, не опасаясь, что нас поймают на вранье.

Он взял у Сони поясную сумку, присоединил к ней ларец, остатки веревок и, быстро обшарив выючных коней, покидал в одну кучу все, что могло иметь хоть какое-то отношение к цели их похода. Оглядевшись, он выбрал углубление под одной из скал, сложил туда собранные вещи, затем, подумав, снял с шеи подаренный Хэлдиром кулон, положил его сверху и быстро забросал все камнями.

— Зачем ты снял кулон?

— Чтобы наш тайник не обнаружили с помощью магии.— Он улыбнулся.— Несвободен тот, кто не в силах расстаться с сокровищем, когда это нужно! Но не беспокойся. Пока мы вместе, твой амулет защитит нас обоих. Вулоф, Шалло! — позвал он своих помощников.— Запомните хорошенько это место. Позже вам придется отыскать его.

Вулоф подошел неспешно и, по-собачьи задрал лапу, помочился на груду камней.

— Ха! — восторженно каркнула Шалло.— Теперь точно не забудешь!

— Да уж, запомнил...— хмыкнула Соня, и даже Гана не выдержала и приснула в кулак.

— А не объяснишь ли ты, добрый господин, как мы будем морочить им голову? — осмелев, поинтересовалась девушка.

— Если, не приведи Митра, мы попадем в плен, — пояснил он, искоса глянув на хмурого жреца, — то просто скажем, что едем из Турана, а путь держим в Зембабве.

— Ты думаешь, нам поверят? — хмуро осведомился Мурзио.

— Может, и не поверят, — пожал плечами воин. — Но те, кто видел нас в замке, вряд ли уцелели, а больше опровергнуть наши слова, надеюсь, некому.

Митрианец ничего не ответил, хотя по его лицу было ясно, что он не слишком надеется на благополучный исход. Что ни говори, а Мурзио прекрасно знал нравы иранистанцев, их пренебрежительное отношение к чужой жизни. Особенно к жизни иноверцев. С другой стороны, открыто сомневаться в словах Севера он тоже не решался: такого опыта у него не было вовсе.

Тем временем рассвело настолько, что даже здесь, в узкой скалистой расщелине, стало почти светло. Вестница сложила крылья и, описав круг над головами людей, позвала их за собой.

— Наконец-то! — крикнул Север, вскакивая в седло.

* * *

Внимательно изучив карту, Юрг пришел к выводу, что если Вожак справится с заданием, то уходить станет через северные ворота в Стороже-

вой Стене. По крайней мере, сам он поступил бы именно так и не видел причин, почему бы Вожаку не сделать то же самое.

Сейчас он со смехом вспоминал утро того дня, когда он во главе готового к отбытию отряда заехал за Ярой и известил, что они уходят. Он с наслаждением припоминал, как недоумение, растерянность и гнев попеременно сменяли друг друга на лице жрицы...

— ...Я немедленно пошлю Вестницу в Логово! — наконец прошипела колдунья. — Пусть там узнают, что ты, дабы потешить свое самолюбие, готов рискнуть успехом всего дела!

С застывшей на лице насмешливой улыбкой Юрг позволил ей выговориться, а после того как Яра замолчала, спокойно сказал, что не понимает, как такой, как она, безмозглой курице доверили столь ответственное дело. Его слова вызвали новый всплеск ярости, и Юрг с наслаждением выслушал поток новых оскорблений.

— Что же ты не выпускаешь из клетки свою ворону? — ехидно поинтересовался он, когда жрица, выдохшись, снова умолкла. — Напиши письмо, привяжи его к птичьей лапке. Пусть в Логове узнают, что ты решила командовать сама и в результате мы уже седмицу торчим в этой дыре, вместо того чтобы заниматься делом.

— Так надо, не спорь со мной, — зло прошипела она, чувствуя тем не менее, что Юрг совершенно прав.

— Кому надо? — тихо спросил он. — Тебе? — Он пристально посмотрел на девушку. — Охотно ве-

рю. Но Халима, помнится, не отдыхать нас посылала.

— Действия колдуньи не всегда понятны непосвященным,— огрызнулась она, чувствуя, что готова перегрызть ему горло.

— Верю,— пожал плечами Юрг.— Это может показаться странным, но я опять верю тебе,— усмехнулся воин, с восторгом наблюдая, как глаза девушки темнеют от едва сдерживаемого гнева, а губы чуть заметно дрожат.— Но ты забыла об одном. Я,— он ткнул себя пальцем в грудь,— руковожу отрядом, а ты,— он посмотрел ей в глаза,— помогаешь мне советами! Так что если тебе есть что сказать мне, говори. А если нет, собирайся. Нам пора в путь!

Юрг прекрасно понимал, что творится в душе колдуньи, и наслаждался ее яростью, ее смятением. Так-то лучше! Знай свое место, дрянь! Воин ухмыльнулся, и ему вдруг показалось, что в этот миг она каким-то образом услышала его невысказанные слова. Ее лицо исказила ненависть, губы судорожно скривились, обнажив острые клыки.

— Что? — участливо осведомился он.— Ты все-таки хочешь что-то сказать мне? — Но девушка молчала, пытаясь взять себя в руки. Впрочем, ее лицо было красноречивее любых слов.— Нет? Я так и думал. Мы ждем тебя вниз.

Он развернулся и вышел из комнаты...

... Юрг оторвался от приятных воспоминаний. Теперь они враги. За время путешествия по Иранистану Яра не сказала ему и двух слов. Что ж, тем лучше. По возвращении он расскажет Хали-

ме, что пользы от ее любимицы не было никакой. Зря только лишнюю лошадь из-за нее гоняли.

Собственно, он ничуть не сожалел о том, что она с ним не разговаривает. Подчиняясь его приказам, Яра каждый день посылала Вестницу на разведку, и птица аккуратно выполняла свою работу. Благодаря ей Юрг сумел найти удачное место для своего отряда: выбравшись из каменного лабиринта, Вожак не сможет незаметно пройти мимо. Отряд разбил лагерь в чаще, а Юрг скрепил ветви деревьев таким образом, что с воздуха ни людей, ни коней нельзя было обнаружить. Он позаботился также, чтобы лагерь никто не заметил и с земли. Причем не только человек, но и зверь. Для этого он не забывал каждый день развешивать на деревьях шкуры свежеебитых животных, чтобы перебить запах, даже с наветренной стороны. К тому же он часто менял охранников, чтобы не уставали. Теперь оставалось только ждать.

Однако время шло, а ничего не происходило. Север как в воду канул. Яра по-прежнему упорно молчала, но вести себя стала совсем иначе. Колдунья начала бросать на бывшего наставника насмешливые взгляды, и он невольно задумался: а не удалось ли ей узнать что-то важное, о чем следует знать и ему? Не отправился ли Север другой дорогой? В обход каменного лабиринта, удливив свой путь настолько, что встретить его не удастся.

Юрга начали одолевать мрачные предчувствия. Не доверяя своим людям, прихватив лук и колчан со стрелами, он ночами подолгу бродил

вокруг лагеря, обдумывая все, что сделал, и пытаясь понять, к чему это приведет. Конечно хорошо, что он поставил дерзкую девицу на место, взяв власть в свои руки, но избранный им путь оказался гораздо сложнее и опаснее. Теперь он один отвечает за все. Если только... Если только не разделается с Ярой и не свалит всю вину за возможную неудачу на нее... Вот только как это повернуть? Словно почувствовав нависшую над ней угрозу, проклятая девка перестала запираť птицу в клетке, а Юрг знал: случись что-то с колдуньей, Вестница тут же полетит на север. Тогда ему лучше не возвращаться в Логово. Разве что за смертью.

Он остановился под стоявшим в отдалении деревом и осмотрелся. Роща, в которой расположился его лагерь, осталась в полутысяче локтей на юге. Что-то далеко он забрался сегодня. Пора возвращаться. Тем более что скоро утро. Он совсем уже решил уходить, но в последний миг остановился: в неверном лунном свете ему почудилось неясное движение среди слившихся в единую стену деревьев. Он юркнул за ствол и вгляделся, по привычке снимая с плеча лук и накладывая на тетиву стрелу.

Через пару ударов сердца он увидел неясный человеческий силуэт, и хотя с такого расстояния не мог толком ничего рассмотреть, внутренний голос шепнул: «Это она!». Юрг попробовал тетиву, не ослабла ли, словно и впрямь собрался застрелить колдунью, и в тот же миг волна жгучей ненависти снова захлестнула его. Однако он

подавил этот порыв и заставил себя смотреть. Тот же безмолвный советчик подсказал ему, что если Яра выбрала для прогулки время, когда труднее всего бороться со сном, то сделала она это неспроста.

Девушка вышла на опушку рощи и замерла, прислушиваясь, не крадется ли кто следом. Юрг почувствовал, как лицо его запылало от гнева. Хороши дозорные: упустили девку! Впрочем, с ними он разберется позже. Хотя, с другой стороны, не ошибись наемники Турега, и он, возможно, никогда не узнал бы, что задумала колдунья.

Словно почувствовав его нетерпение, Яра шевельнулась, хотя, скорее всего, ее просто успокоила ничем не нарушаемая тишина. Еще раз оглянувшись, девушка достала из-за пазухи сверток, склонилась над ним и что-то проверила, а Юрг, как ни всматривался и ни вслушивался, так и не смог понять, что она делает. Ему так хотелось узнать эту тайну, что он, забыв об осторожности, чуть не вышел из своего укрытия, чтобы оказаться хоть на шаг ближе к Яре. Но тут девушка присела и подбросила сверток над головой.

Ворона взмахнула крыльями и полетела прямо на Юрга. Какая удача! Воин отступил немного назад и вскинул лук. Через мгновение послышался едва различимый шелест крыльев, и Вестница промчалась у него над головой. Он натянул тетиву, быстро прицелился и пустил стрелу в полет. Птица еще не успела набрать высоту, и стальной наконечник пробил ее насквозь. Так и не издав ни единого звука, она свалилась на камни. Юрг нис-

сколько не сомневался, что даже если Яра и следила за полетом Вестницы, то наверняка не видела, как она упала.

Стараясь не шуметь, он опустился на колени и осторожно пополз вперед. Отыскать черную птицу в темноте оказалось непросто, но в конце концов поиски увенчались успехом. Юрг поднял Вестницу и внимательно осмотрел. Все правильно. Он не ошибся. К лапке птицы привязана записка. Ворона летела с поручением. Остается выяснить, с каким. Он отвязал клочок пергамента, бережно спрятал в карман и кружным путем вернулся в лагерь.

Юрг неслышно пробрался мимо спокойно дремавших на посту воинов, но не стал разбираться с ними. Сейчас у него другие заботы, а для серьезного разговора с Турегом найдется время и днем.

Он быстро нырнул в палатку, зажег лампу и дрожащими руками развернул записку. Пробежав ее глазами, он зло усмехнулся. Всего несколько коротких строк, но от них повеяло холодом смерти: «Юрг потерял остатки рассудка и считает, что все должны подчиняться только ему. Боюсь, когда дойдет до дела, он не ограничится одной жертвой. Сожалею, но выбора не остается. Живой он слишком опасен».

Воин отложил записку и задумался. Вот как... Живой опасен... Яра хочет, чтобы Халима поверила в то, что он собирается убить и Севера! Немудрено, что после такого известия Прорицательница подпишет ему приговор. Маленькая дрян!

Юрг скрипнул зубами. Одним ударом она избавится от того, кто ее оскорбил, и снимет с себя всю ответственность! Ведь даже если Север уже погиб, для нее ничего не изменится, потому что вина за это ляжет на него, Юрга!

Он снова взял бумажку, сжал ее в кулаке и мрачно усмехнулся. Ну нет! Так просто его не возьмешь! Снаружи слышались легкие шаги, и Юрг быстро сунул руку в карман. Отведя полог в сторону, Яра остановилась в проеме и внимательным взглядом окинула палатку. Убедившись, что они одни, колдунья шагнула внутрь.

Юрг посмотрел на неожиданную гостью и, не произнося ни слова, указал кивком на походную кровать. Больше сидеть было не на чем. Яра, поколебавшись, села, стараясь устроиться как можно дальше от Юрга. Он едва заметно улыбнулся, но девушка ничего не заметила.

Яра молчала, а Юрг не задавал вопросов, ожидая, когда она сама заговорит. В волнении жрица теребила дрожащими пальцами завязки плаща, надетого, судя по всему, прямо на голое тело.

— Беда! — наконец выпалила Яра. — Вестница убита!

— О! — Юрг не сдержал невольного восклицания, выглядевшего, впрочем, вполне естественным. — Как это могло случиться?

— Я отправила ее с важным посланием, — помывшись, объяснила девушка. — К вечеру она должна была вернуться, но птицу сбила стрела, едва она поднялась в воздух.

— Где это произошло?

— На севере. За лагерем,— поспешно ответила Яра.

— Ну хорошо.— Юрг сжал губы. Он никогда не любил долгих разговоров, и уж тем более его не интересовали лживые ответы колдуньи. Он только почувствовал, что вновь начинает злиться.— Чего же ты от меня хочешь?

— Прикажи своим людям прочесать равнину,— попросила жрица.— Я должна вернуть письмо, чтобы оно не попало в чужие руки.

— Весьма сожалею.— Широко улыбнувшись, Юрг развел руками.— Людей у меня не так много, и я не могу отправить их на поиски одной-единственной бумажки, в то время как они могут понадобиться мне здесь!

Услышав отказ, Яра задохнулась от возмущения, а воин испытал злобное удовольствие оттого, что она пришла к нему с просьбой, а значит, он все-таки получил над ней власть или... Может получить! Она хотела крикнуть, что приказывает ему, но лишь закусил губу, сразу поняв: из этого ничего не выйдет.

— Если ты расскажешь, что было в послании,— продолжил тем временем Юрг,— возможно, я и сумею помочь тебе. Я должен знать, насколько важна или опасна твоя записка для нашего дела,— пояснил он.

Говоря это, Юрг даже особо не кривил душой. Не прочти он записку, он именно так и поступил бы.

— Я не могу...— тихо ответила девушка.

— Не можешь?! — воскликнул Юрг, едва сдерживая ярость.— Не можешь...— через мгновение

повторил он уже спокойнее.— Ну конечно, не можешь,— в третий раз произнес он.— Тогда хотя бы скажи, в чьи руки не должно попасть письмо.

— Не могу! — Она отвела взгляд.— Оно ни к кому не должно попасть.

— Ни к кому из моего отряда? — со злой ухмылкой уточнил воин.

— Вообще ни к кому! — отрезала она.

— Но если я пошлю людей и кто-то найдет Вестницу, он сможет прочесть записку,— продолжал издеваться Юрг.— Как же нам поступить? Быть может, ты все-таки расскажешь, что в ней? — Глаза Яры округлились, но она снова отрицательно качнула головой.— Тем более что я и так все знаю,— прошептал он, наклонившись к ней и наслаждаясь ее страхом.— Что скажешь, милая? — почти ласково спросил он.

— Ты!..— Она отшатнулась в ужасе.— Ты убил Вестницу?!

— Прогуливаясь ночью, я случайно наткнулся на еще теплый труп вороны,— процедил он, видя по глазам колдуньи, что она прекрасно понимает или уж, по крайней мере, подозревает, как все было на самом деле.— А на ее лапе нашел вот это!

Он достал из кармана клочок пергамента. Яра попыталась его выхватить, но не успела. Рука Юрга плавно скользнула в сторону.

— «...Живой он слишком опасен...» — медленно прочитал Юрг.— То есть я,— мрачно пояснил он.— Как думаешь,— ехидно поинтересовался он,— что сделает с тобой Белая Волчица, когда мы вернемся в Логово?

— Ты упустил рыжую дрянь! — прошипела Яра, и лицо ее исказилось от ненависти.

— Что ж за беда? — рассмеялся Юрг, наслаждаясь ее страхом, пожирая взглядом дрожащее тело. — Теперь у меня есть документ, подтверждающий, что во всем повинна ты. Если только...

— Если только что? — переспросила Яра.

— Если только ты не искупишь передо мной свою вину, — процедил он, окидывая девушку откровенно похотливым взглядом.

— Да ты!.. — прошипела она.

— Сейчас же! — глухо прорычал он, сорвав резную фибулу с плаща колдуньи.

Она попыталась прикрыться и завизжала, надеясь, что ее услышат. От бывшего высокомерия не осталось и следа. Из надменной жрицы она превратилась в насмерть перепуганную девчонку, единственное желание которой — защититься.

— Не советую кричать, — срывающимся шепотом предупредил Юрг. — Иначе мне придется отдать тебя наемникам... Чтобы молчали. Так что веди себя тихо и ублажи меня так, чтобы я больше не сердился на тебя...

И она сдалась.

* * *

Близился полдень, когда отряд наконец вырвался из хаотичного нагромождения скал. Справа, насколько хватал глаз, простиралась голая равнина. Слева каменный лабиринт уходил на север, понемногу забирая к западу. Примерно в лиге прямо перед ними начинался лес, а на пол-

пути к нему Вожак увидел небольшую рощицу и сразу направил коня к ней. Шалло зависла над его головой.

— Они здесь! — каркнула ворона.

Север, обернувшись, увидел, что отряд преследователей тоже выехал на равнину, и мгновенно понял: уйти не удастся. Хотя до рощи и осталось не более сотни локтей, пользы от нее никакой. Густые заросли низких деревьев облегчат задачу не им, а неприятелю.

— Скачите! — крикнул он Соне, резко натягивая поводья. — Я задержу их!

Однако девушка и не подумала подчиниться. Она остановилась рядом, а следом за ней и весь отряд. Йезмиты стремительно приближались.

— Ты разве не слышала, что я сказал?! — гаркнул он. — Вон отсюда!

— Вот уж нет! — раздраженно выкрикнула Соня. — Мое место рядом с тобой! Скачите прочь! — крикнула она Гане, но и та не торопилась выполнять ее приказ. — Уходите немедленно! — Гневно нахмурившись, воительница показала рукой на лес.

— Поздно! — остановил ее Север и под яростное гиканье накатывающейся лавины всадников принялся обстреливать врага из лука.

Соня последовала его примеру, но успела выпустить только две стрелы, затем закинула за спину ставший бесполезным лук и выхватила из ножен кривой гирканский меч.

— Прекратите! Одумайтесь! — вскричал Мурзио, но никто и не думал слушать его.

Волки с рычанием бросались на нападавших, сталь звенела о сталь, и даже Гана неуклюже размахивала мечом, стараясь хоть чем-то помочь друзьям, но на нее, как и на жреца, никто не обращал внимания. Каким-то образом отряду еще удавалось сдерживать натиск, и хотя каждый удар Вожака и почти все удары его подруги достигали цели, Соня понимала, что долго им не продержаться. Бородатые всадники уже начали смыкать вокруг них кольцо — несмотря на потери, их все еще оставалось слишком много.

Когда Соня уже почти отчаялась, из рощи вырвался отряд в два десятка туранских всадников. Бородачи, даже не успев развернуться к ним лицом, начали падать с коней, сраженные стрелами. Впрочем, оставшиеся в живых йезмиты быстро сообразили, что произошло, и, прикрывшись щитами, повернулись к новому противнику. Нападавшие замерли в оцепенении, и на миг две шеренги воинов застыли, разделенные узкой полосой свободного пространства, готовые в любой миг броситься друг на друга.

— Что вы делаете, люди?! — вновь вскричал Мурзио, порывисто вскинув руки.

— Бей! — вскричал сотник бородачей, словно опасаясь, что его воины послушаются митрианца.

Бой закипел с новой силой. Йезмиты сильно уступали противнику в выучке, зато почти втрое превосходили туранцев числом.

Туранцы падали один за другим, не в силах справиться с дикарями, которых на каждого на-

валивалось по двое, а на иных и по трое. Тогда Вожак сменил тактику, и метательные ножи начали веером разлетаться во все стороны. И все-таки они проигрывали. Бой был быстротечным и страшным. Север и Соня делали все что могли. Гана и Мурзио округлившимися от ужаса глазами смотрели, как гибнут люди, даже не помышляя о спасении, словно жизнь для них вообще ничего не значила.

Туранцы полегли все, и даже привычный к крови и смерти Север не мог понять причины их стойкости, находя ей лишь одно объяснение — вековая вражда. Впрочем, йезмиты не уступали им в упорстве. Лишь последний оставшийся в живых бородач бросился наутек, но кинжал Сони, вонзившийся ему между лопатками, остановил его.

Гана и Мурзио устало сползли на землю, словно не Соня с Севером, а они участвовали только что в бешеной драке. Шадизарка усмехнулась: ничего странного, вполне возможно, их спутникам пришлось даже труднее, чем им. Вожак соскочил с коня и помог спуститься своей подруге. Мурзио подошел к ним, сокрушенно качая головой.

— Ну как, жрец? Еще не пожалел, что отправился с нами? — спросила Соня.

Он смущенно улыбнулся и собрался что-то ответить, но тут глаза его округлились от ужаса. Он судорожно дернулся вперед и схватил девушку за плечи. Стрела со свистом пронзила спину митрианца, и он повалился наземь, увлекая за

собой рыжеволосую красавицу. Север вскинул лук и внимательно осмотрелся, но никого не увидел. Он понимал, что стрелок мог спрятаться только в роще, но соваться туда сейчас, пересекая голую, как стол, равнину, означало бы верную смерть. Он посмотрел на Мурзио, и сразу понял, что рана смертельна. Север в бешенстве стиснул зубы и наугад послал стрелу, пожелав лишь, чтобы она покарала убийцу.

— Умри! — выкрикнул он, обращаясь неизвестно к кому.

* * *

Соня упала, увлекая за собой незнакомца в черном одеянии. Север и еще одна женщина склонились над ними. Яра вцепилась Юргу в плечо, на миг даже забыв о ненависти. Но только на миг.

— Попал?! — с надеждой спросила колдунья.

Ее пальцы нервно стиснули рукоять кинжала.

— Ну а ты как думаешь? — с усмешкой отозвался воин.

Юрг обернулся к девушке и увидел искаженное яростью лицо и зажатый в руке длинный узкий стилет. Он не успел даже испугаться, когда сталь вонзилась в плоть. Его плоть! Девушка отскочила.

Юрг бездумно зажал рану, затем поднес к лицу залитую кровью ладонь и удивленно посмотрел сперва на нее, а потом на девушку, лицо которой искажали звериная ярость и восторг.

Кровь... Много крови... Кровь и смерть...

Бжавшись спиной в корявый ствол, с безразличной гримасой Яра наблюдала за тем, как медленно умирает ее враг. До обидного скоро кровавое пятно на его животе перестало увеличиваться, руки бессильно повисли... «Жаль, мало помучился», — с ненавистью подумала девушка.

— Умри! — выкрикнул кто-то из-за стены деревьев, и она пренебрежительно хмыкнула:

— Уже умер!

Ей стало смешно и захотелось посмотреть на глупую суету вокруг рыжей девки. Колдунья обернулась, но в тот же миг что-то ударило ее, отбросив к дереву, у которого она только что стояла. Она с удивлением посмотрела на короткую палочку, увенчанную красными перьями, которая торчала из ее живота.

«Великая Волчица! Неужели же это все?!» — захотелось крикнуть ей, но сил не хватило. Тогда она сжала древко и попыталась выдернуть стрелу, но дикая боль пронзила ее, заставив медленно опуститься на землю. Она закрыла глаза и некоторое время лежала без движения. Когда боль немного утихла, Яра осмотрелась, и первым, кого увидела, оказался Юрг. И еще она заметила, что его рана находится точно на том же месте, откуда торчит древко пронзившей ее стрелы. Она тут же все поняла: ее поразила стрела, предназначенная ему. Не поторопись она, подожди несколько мгновений, и все могло бы быть совсем иначе...

Чувствуя, как жизнь покидает ее, Яра заплакала от жалости к себе. Ну почему же так случилось? Почему?! Почему Юрг не убил их всех, а

только рыжую девку? Ненависть придала ей сил, и девушка, зарывав, как разъяренный зверь, поползла к Юргу.

— Из-за тебя, тварь!

Узкий клинок вонзился в покойника, и колдунья, обезумев, начала наносить удар за ударом, затем упала без сил на окровавленный труп, мелко вздрагивая от боли и плача, пока тьма не сомкнулась над ней.

* * *

Соня с Севером стояли, скорбно потупившись. Волки сидели рядом. Даже Шалло с Задирой устроились неподалеку, то ли и правда испытывая те же чувства, что и люди, то ли делая вид, что скорбят вместе с ними. Только Вестница кружила в небе, ни на миг не забывая о своих обязанностях. Гана сидела на земле, положив голову Мурзио себе на колени. Она ничего не говорила, только тихонько покачивалась, и по щекам ее текли слезы.

— Быть может, извлечь стрелу? — тихо спросила Соня.

— Нет.— Север хмуро покачал головой.— Это только быстрее прикончит его.

— Неужели ничего нельзя сделать? — срывающимся голосом прошептала Гана.

— Ничего,— слабо улыбнулся Мурзио.

— Молчи,— шикнула на него Соня.

— Все правильно.— Голос Мурзио звучал слабо, но ровно.— Я отказался от обета, данного моему богу. И наказан за отступничество.

— Твой бог жесток! — не удержалась Соня.

— Ты судишь предвзято,— возразил зингарец, и Север увидел, что слова отбирают у него все больше сил.— Мой бог суров, но справедлив.— Жрец мягко посмотрел на воительницу.— Он позволил мне умереть, не нарушив данной вам клятвы.— Удивление промелькнуло во взгляде девушки, и Мурзио пояснил: — Ведь он заслонил мною тебя. Я умираю с легкой душой.

Он устало закрыл глаза и вздохнул с облегчением. Гана склонилась над ним.

— Он умер...— всхлипнула девушка и закрыла лицо ладонями.

* * *

Мурзио похоронили тут же, и, хотя могилу выкопать в камнях не сумели, Север возвел над телом погибшего пирамиду, похожую на те, в которых погребали в незапамятные времена стигийских владык. Они уже заканчивали свой печальный труд, когда Вестница каркнула с высоты. Обернувшись, люди увидели, что птица кружит над рощей, явно что-то высматривая с близкого к ним края. Север вскочил на коня.

— Осторожнее! — крикнула ему вслед Соня, но, видя, что он не слушает, поскакала следом.

Спешившись и войдя в заросли, среди которых скрылся Вожак, она почти сразу натолкнулась на него.

— Что тут?

Он ничего не ответил, просто посторонился, и девушка увидела два тела. Женщина лежала на

залитом кровью мужчине, в котором Соня узнала Юрга, мертвыми глазами глядевшего в синее небо. Север шагнул вперед и перевернул труп женщины с зажатым в руке кинжалом.

— Яра,— коротко сказал он.— Похоже, она убила Юрга, когда тот выстрелил в тебя.

Соня кивнула и пошла прочь. Несмотря на то что объяснение Севера казалось вполне убедительным, она не испытывала к погибшей жрице ни благодарности, ни даже сожаления. Север догнал ее. По лицу Вожака девушка поняла, что он чувствует примерно то же самое. Вестница вновь каркнула, но на этот раз в голосе ее ясно слышалась тревога.

— Скорее! — Север вскочил в седло и обернулся к своим спутницам.— Вперед! — крикнул воин, махнув рукой в сторону леса.— Мы слишком долго оставались на одном месте!

Кони взяли с места в карьер. Расстояние до спасительной стены деревьев стремительно сокращалось, но сзади уже показались преследователи.

Откуда они взялись, Вожак не знал, да это и не имело значения. Они явно шли по их следу, и теперь, увидев, как близко подобрались к беглецам, горели желанием поскорее расправиться с ними. Соня обернулась и быстро пересчитала врагов. Человек двадцать. Совсем не такие, что нагоняли их утром. Стальные кирасы ослепительно сверкали на солнце, за спинами висели овальные щиты. От воинов исходило ощущение силы, и Соня поняла, что, если их догонят, отстоять сво-

боду окажется не так-то просто. И вряд ли им придут на помощь еще раз, как полдня назад.

Только бы добраться до леса! Девушка и сама не смогла бы объяснить, почему связывала с ним столько надежд, ведь деревья не воины и не смогут защитить их от острой стали, да и запутать следы вряд ли удастся.

— Стой!

Резкий, как удар плетью, окрик Севера застал девушек врасплох, но Соня мгновенно натянула поводья и посмотрела на Вожака, который застыл в седле, подняв правую руку.

— Туда!

Он махнул на восток, и кони рванули с места, лишь скакун Ганы немного замешкался. Ничто не предвещало беды, когда неожиданно свистнул аркан, и рыжеволосая воительница почувствовала, что руки ее притянуты к поясу. В следующий миг она вылетела из седла, едва успев освободить ноги из стремян, чтобы не вывихнуть лодыжку.

Она упала на землю, больно ударившись раненным плечом, и увидела, как Север развернул коня и кинулся ей на помощь, но его тут же накрыла сеть.

Он распорол ее мечом, и, освободившись от пут, соскочил на землю и вновь бросился к Соне. Невесть откуда выпрыгнула вторая сеть, накрыв сразу и Вожака, и его Телохранителя. Север успел и в ней пропороть дыру, но петля быстро стянула края сети. Два человека потеряли равновесие и, прижатые друг к другу петлей аркана, повали-

лись в траву. Не зная, как им помочь, Гана осталась рядом.

— Уходи! — крикнул Север.

Она не успела возразить. Выскочивший из-за деревьев Вулоф что-то рыкнул, и ее конь помчался вперед, не разбирая дороги. Вожак все-таки удалось достать кинжал и даже вновь вспороть сети, но в тот же миг на них набросили еще две, а страшный удар в затылок оглушил пленника. Соня дернулась, но ее тут же предупредили:

— Ты, девка, замри, а то тоже по затылку получишь...

Воительница резко обернулась и только теперь увидела своих старых знакомых из Пограничного Королевства, из селения Ганы. Разбойников оказалось не меньше полусотни. Как они очутились здесь, девушка не знала, хотя и могла предполагать, что без Ханторэка тут не обошлось. Вели они себя, однако, несколько странно: выходить из леса не торопились, так что, сколько их на самом деле, пленница могла лишь догадываться. Впрочем, через несколько мгновений она поняла, почему низкорослые драчуны так осторожны.

Стук копыт, звучавший в отдалении, оглушительно загрохотал совсем рядом, и конь под предводителем латников обиженно заржал, присев на задние ноги. Воины замерли в десяти шагах позади, разглядывая неожиданных противников и потихоньку проверяя оружие. Разбойников было значительно больше, чем латников, но те оказались лучше вооружены и прекрасно обуче-

ны. Так что обе стороны понимали: если дойдет до драки, все понесут серьезные потери.

— Чего надо?! — зло процедил коротышка, в котором Соня признала Хвама.

— Это мой! — не менее кратко ответил бородач.

— Его! — радостно воскликнул Хвам и обернулся к брату. — Слышал, Хобо?! — И расхохотался.

— Не глухой, — хмуро ответил тот. — Слышал. — Хобо перевел тяжелый взгляд на предводителя латников. — Уйди, а то расплющу! — мрачно пообещал он, поигрывая увесистым булыжником, и Соня с удивлением заметила в руках многих его приятелей грубо сработанные пращи, в которые те деловито начали вкладывать камни.

Латники тоже достали из-за спин арбалеты и уже укладывали в ложа болты. Предводитель, однако, поднял руку, предлагая своим людям не торопиться.

— Мы не ссориться. Мы делиться, — примирительно заметил он. — Тебе — девка, мне — воин.

— Ему — воин! Гы-гы-гы! — загоготал Хвам, и остальные подхватили его смех, не обращая внимания на свирепые лица латников.

Однако Соня видела и другое: в смехе коротышки не чувствовалось прежней злости. Понял это и бородач: угрюмые складки на его лице разгладились, настороженность сменилась спокойным ожиданием. Соне совсем это не понравилось. В какой-то миг она даже порадовалась, что засаду устроили не бородачи, а плечистые коротышки из Пограничного Королевства. Девушка не сомне-

валась: что бы ни произошло с ними в плену, рано или поздно оба вырвутся на волю, но если их сейчас разъединят, дело примет скверный оборот. И поделаться-то с этим ничего нельзя: Север серьезно ранен, если вообще жив, а сама она не может даже пошевелиться.

— Что скажешь, Хобо? — отсмеявшись, обратился Хвам к братцу.

— А на кой нам этот парень? — пожал тот широченными плечищами. — Пускай сами с ним разбираются. Уж больно приткий. Только пусть не отпускают его. Лучше б он сдох.

Хобо говорил с братом, но латник слышал каждое слово и ответить успел раньше Хвама:

— Обещаю! Он умрет в муках!

— Ну тогда по рукам, — деловым тоном заявил Хвам и махнул своим людям.

Те с неожиданным проворством подскочили к пленникам и разделили их, причем сделали это так ловко, что Соня не успела и глазом моргнуть. Прислонившись спиной к дереву, девушка чуть не плача наблюдала, как бесчувственного Вожака усаживают в седле, закрепляя ноги в стременах. Злое отчаяние охватило ее. Она напряглась, попытавшись разорвать путы, но все оказалось напрасным. И в этот миг из глубины леса донесся топот копыт, причем, судя по звуку, ехал не одинокий всадник, а целый отряд.

«Неужели нам опять повезет?!» — мелькнула дикая мысль. Казалось, так оно и будет. Разбойники забеспокоились. Часть их мгновенно скрылась за

деревьями, а Хвам подошел вплотную к предводителю латников. На поляну один за другим начали выезжать облаченные в доспехи всадники.

— Твои люди? — кивнув на них, спросил Хвам у бородача.

Тот замер на миг, то ли прикидывая что-то, то ли борясь с искушением соврать, но затем решительно мотнул головой.

— Тогда готовься, парень, — предупредил Хвам. — Чего надо? — спросил он, обернувшись к предводителю нового отряда.

Соня обернулась и от изумления едва не вскрикнула. Возглавлял отряд из сорока всадников не кто иной, как ее старый знакомец Пайр. Митрианский жрец ободряюще улыбнулся девушке, но обратился к говорившему с ним Хваму:

— Дозволь перемолвиться парой слов с пленной тобой красавицей.

— Оттуда, где стоишь, — буркнул коротышка, окидывая воинов недобрый взглядом. — Но помни: двинешься — словишь болт или камень... Уж как повезет... Ясно?

Жрец спокойно кивнул, не проявив ни малейших признаков недовольства.

— Как твои дела? — обратился он к Соне.

Вот подлец! Девушке едва удержалась от гневного возгласа.

— Лучше некуда, — кивнула она на веревки и с вызовом посмотрела на жреца.

Пайр, однако, будто не заметил ее взгляд.

— Я рад, — кивнул он. — Как поручение? — продолжил он, и Соня разозлилась еще больше.

— Я взяла нож, но вынести его не сумела,— кратко ответила Соня.

— Я о другом,— отечески улыбнулся девушке жрец, и Соня раздраженно воскликнула:

— Чего тебе от меня надо?!

Он наклонился к холке коня и улыбнулся:

— Ты знаешь сама. Планы подземелья.

Воительница почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Планы? — повторила она, едва сдерживаясь.— Согласна. Освободи нас — и мы отправимся за ними. Только скажи, где их искать.

— К сожалению, я не могу понапрасну рисковать жизнями своих людей,— вздохнул он.— Мне искренне жаль тебя, но, если судьба еще когда-нибудь сведет нас, надеюсь, нам посчастливится быть полезными друг другу.

— Да пропади ты пропадом со своими сожалениями, жрец! — выкрикнула она, не в силах больше сдерживаться.— И не приведи тебя Митра еще хоть раз попасться мне на глаза!

— Нельзя жить во злобе, дочь моя! — наставительно проговорил он.

— Это лучше, чем жить в равнодушии.— Она сплюнула.— Убирайся прочь!

— Напрасно ты так,— нахмурился он, но Соня отвернулась, ничего не ответив.

Жрец пожал плечами, развернул коня и сделал знак своим людям трогаться.

Глава вторая

Очнувшись, Север обнаружил, что сидит на лошади, привязанный к седлу, ноги в стремях. Голова раскалывалась от нестерпимой боли. Руки его привязали к луке седла, и потому он не мог ни завалиться на спину, ни повиснуть на шее скакуна. По выработанной с годами привычке Вожак и виду не подал, что пришел в себя, и лишь осторожно, исподлобья осмотрелся.

Плохо дело. Судя по всему, он попал в плен не к разбойникам из Пограничного Королевства, а к латникам из каменного лабиринта. Он совсем не боялся туповатых деревенских драчунов, а вот обученные и хорошо вооруженные воины — противник серьезный. Он знал, что с вояками из ущелья Духов уже покончено. Значит, эти не из замка. Тогда откуда?

Отряд похожих на них людей он уже видел. Тогда они прибыли в замок под предводительством жуткого монстра, напоминавшего получело-

века-полуслона, и, судя по подслушанному Задирой разговору с местным владыкой, приехали из города Призраков, от которого им с Соней настойчиво советовали держаться как можно дальше.

При мысли о Соне настроение Севера окончательно испортилось. Собственно, в какую беду угодила она, Вожак прекрасно понимал, но даже сознание того, что ей грозит гораздо меньшая опасность, чем ему, утешало мало. Оставалось только удивляться, что он так жестоко просчитался, недооценив Ханторэка. Точнее, недооценив, как тот стремится овладеть Соней. Впрочем, жизнь подсказывала, что такое иногда случается, и страстное желание помогает преодолеть все трудности. И не важно, чем оно вызвано: любовью или ненавистью, похотью или жадностью.

Все, что Север мог увидеть, не выдавая себя, он увидел. Дальше таиться не имело смысла. Он тяжело, прилагая видимые усилия, поднял голову, словно только что очнулся, и это плавное движение отозвалось резкой болью в разбитом затылке.

На него почти никто не обратил внимания. Лишь предводитель поглядел искоса на пленника и, удостоверившись, что тот жив, равнодушно отвернулся. Север понял: никакой помощи ему не окажут, по крайней мере, до тех пор, пока они не доберутся до места или не остановятся на ночлег. Даже заводить об этом разговор не имеет смысла. Для них он просто вещь, и ничего более.

Вожак обвел взглядом окружающие горы. Судя по солнцу, освещавшему только верхушки скал, близилась ночь. Они ехали на север, скорее

всего, действительно в Янайдар. Значит, дела его плохи, независимо от того, знают там, что карты украдены или нет. Если же знают, то сможет ли он доказать свою непричастность? Хотя в любом случае в Янайдаре его ждали цепи раба или мучительная смерть...

Впрочем, что думать об этом? Он все равно не в силах изменить прошлое, да и на будущее пока никак повлиять не может. Остается только ждать и быть предельно внимательным, чтобы не упустить удобный момент... Если он подвернется.

Понемногу мысли его вернулись к шкатулке, которую они, несмотря ни на что, сумели-таки украсть. Украсть-то украли, да унести не смогли и сами попались. А значит, чего-то не учли. Впрочем, стоит ли удивляться? Готовились явно наспех, и в том нет его вины. И даже не потому, что Разаре захотелось поскорее вернуть утраченное и проверить *первую пару* в деле. Похоже, случилось еще что-то, о чем он даже не догадывался раньше. Жаль, что понял он этот только тогда, когда увидел на мосту похожего на слона янайдарца.

Правду сказать, его и прежде посещали сомнения, но поспешность достаточно правдоподобно объяснялась нетерпеливостью. Теперь же все вставало на свои места. Если колдуньи Ордена дали зверопоклонникам с черного континента копию похищенного Соней ритуального кинжала, они не могли не общаться, а общаясь, не могли не заметить, что йезмиты и поклонники Уру забеспокоились. Так вот почему Разара торопилась подобрать ему напарницу! Как он раньше не сообразил?!

И, наверное, наблюдая он за подготовкой со стороны, он непременно указал бы, что нельзя спешить перед таким серьезным и важным делом. Однако он и сам подспудно чувствовал, что время не терпит, и потому не противился спешке. Можно ведь было, например, подогнать к южному побережью Иранистана галеру и спокойно уйти на ней и увезти карты. Просто... Но ждать-то они не могли!

Конечно, можно всю эту затею от начала до конца назвать авантюрой, а то, что им так долго сопутствовал успех, простым везением, но Вожак хорошо знал, что это не так. Он ввязался в это дело не по неведению, неопытности или от отчаяния. Он тщательно продумал все, что можно было продумать, а в том, что невозможно заранее просчитать, сделал ставку на опыт, умение, находчивость, и свои, и Сонины. И оказался прав. В конце концов, удача ведь тоже сопутствует сильным и не жалуется слабаков.

Север невесело усмехнулся. Тщательно подготовившись к самой краже, он не подумал, как придется возвращаться. Здесь он, пожалуй, ошибся. Да, уходить следовало тем же путем, каким пришли. Хотя бы потому, что однажды пройденный путь уже известен, а значит, менее опасен. Вот только поздно ему пришла в голову эта здравая мысль. Тогда, перед началом дела, Вожаку казалось, что скорость решает все. Наверное, так бы и случилось, не угоди они в каменный лабиринт и не потратить непозволительно много времени на поиски выхода из него. О смерти несчаст-

ного жреца он предпочитал не думать. Никто на его месте не сумел бы предугадать действий Юрга.

Север глубоко задумался.

На первый взгляд все выглядело достаточно просто. Разара, отчаявшись навязать Северу охрану, решила все-таки поступить по-своему, но тайно. Набрать два-три десятка воинов в Логове в столь тревожное время невозможно, да, пожалуй, и не нужно. Для того и существуют наемники. Зато есть Юрг — оставшийся не у дел человек с непомерным самолюбием и желанием любой ценой вернуть утраченное положение, а при возможности и шагнуть выше.

И причины для недовольства у него есть. При всех своих недостатках он знающий и умелый воин, и неудивительно, что он наиболее подходит для этой цели. Правильность этой мысли доказывает хотя бы то, каких людей Юрг сумел подобрать в отряд. Из тех, кто участвовал в бою, ни один не ушел живым, но ни один и не побежал. Хотя, казалось бы, чего ждать от наемника? Да и в конце концов, какой бы высокой ни оказалась плата, она теряет смысл, если тебя убьют. А значит, Юрг прекрасно разбирался в людях, и брал лишь тех, кто, получив деньги, считал делом чести отработать их...

Вроде бы все просто и понятно. Никаких сомнений возникнуть не должно. Но вот Яра... Наверное, если бы не она, Север не удивился бы попытке Юрга расправиться с Соней. Но Яра? Зачем она здесь? И сколько Север ни ломал голову над этим

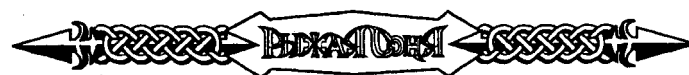
вопросом, он так и не находил подходящего ответа. Вожак с опаской относился к тому, чего не понимал, а потому необъяснимое появление Яры накладывало печать тайны и на все остальное, сводя на нет все здравые рассуждения Севера. Все становилось странным и неясным.

Разара отказалась послать с ними Халиму, опасаясь, что магия, если колдунья применит ее, выдст отряд йезмитах, и по той же причине никогда не послала бы Яру. Ясно как день. Но кто же тогда? Халима? В ее руках, конечно, сосредоточена большая власть, но только в пределах Логова. Все, что находится за его стенами, подвластно лишь Разаре, Северу, Ханторэку, а теперь и Тиралу. Но Тирал ни за что не согласился бы на такое, равно как и сама Разара. Остается Ханторэк, но Север не верил в то, что новоявленный Глаз Логова способен договориться с Прорицательницей, тем более что их интересы совсем не совпадают. Халима страстно желает избавиться от Сони, а для Ханторэка она самая что ни на есть желанная цель.

Действительно все странно...

Юрга все его достоинства не спасли, правда, благодаря его людям отряд расправился с погоней. Но, как ни странно, Север никак не мог отделаться от впечатления, что Рок вмешался в их жизнь, уничтожив всех, кто попытался им помешать. Теперь над ними снова нависла опасность, и главная беда в том, что ни он, ни Соня не вольны в своих действиях.

Быть может, все происходило и не совсем так, но Север решил, что пора отвлечься от мрачных

мыслей, что-то извне побудило его внимательно посмотреть по сторонам. Местность сильно изменилась. Хаотичное нагромождение выветренных скал сменила широкая и ровная, как доска, долина. Лишь кое-где, словно одинокие стражи, торчали гранитные шпильи, и на вершине каждого Вожак заметил по человеческой фигурке. Всего таких похожих на пальцы шпильей пленник насчитал дюжину.

Долина поражала своей мрачной красотой. Окружавшие ее скалы, хоть и были довольно высокими, выглядели приземистыми. Ветер и дождь столь искусно обработали камень, что создавалось впечатление, будто над ним потрудился мастер. На время Север даже забыл о том, что он в плену.

Цвет «пальцев» менялся от крапчато-серого у входа в долину до черного, маячившего в конце ее, а среди оставшихся десяти Вожак отыскал множество оттенков красного и голубого.

Дороги, как таковой, не существовало, да и вряд ли кому-то она была нужна. Вся долина казалась одной дорогой, ведущей к гигантскому черепу, что стоял далеко впереди. Север заметил его, как только попал в долину, но долго не мог понять, на что смотрит. То ли это творение рук человеческих, то ли слепая игра стихий придавала скале столь причудливые очертания, делавшие ее схожей с лишенной плоти головой мертвеца. Сперва он думал, что все дело в расстоянии и причудливой игре света и теней, но чем ближе они подъезжали, тем четче становились контуры.

После пятого «пальца» исполинский череп обрел объем, и стало ясно, что его создали люди, а когда расстояние сократилось до седьмого, но уже напоминал ритуальные маски, распространенные в Черных Королевствах. На девятом «пальце», то есть подъехав почти вплотную, Север заметил следы времени, которые никто даже не попытался скрыть, и понял, что Янайдар либо пребывает в упадке, либо его только-только начали вновь обживать.

Осталось миновать два «пальца», когда, словно по волшебству, стены ущелья раздвинулись, а череп резко вырос. Пропорции совершенно неожиданно изменились, а ужасное творение обрело черты хищного зверя, не утратив, впрочем, до конца сходства с человеческими. Вожак понял, что гигантская пасть служила крепостными воротами, из которых подобно огромному языку выдвигался стальной мост, перекинутый через пересекавший долину провал.

Провал казался бездонным, и Север даже примерно не мог оценить, насколько тот глубок, но зато подивился мастерству безвестного скульптора, умудрившегося придать черепу такую форму, что по мере приближения он начинал как бы угрожающе скалиться. Воин представил себе, какой ужас это должно вселять в сердца нападавших, и усмехнулся. Возможно, предводитель войска, если боги не обделили его умом, разберется что к чему, переборет невольный страх, но вряд ли все его слова и даже угрозы сумеют предотвратить панику суеверных воинов.

Теперь Север понял, как удалось уцелеть этому городу поклонников Уру, которые в течение долгих веков похищали людей и наводили страх на жителей Иранистана.

Тем временем отряд приблизился к мосту, и подковы коней звонко застучали по стальному пролету. Очутившись над расщелиной, Вожак увидел, что больше всего ров походит на трещину с отвесными краями, отстоящими друг от друга на добрую сотню локтей. Мост закончился, и Северу показалось, что череп наклонился к ним, то ли пытаясь рассмотреть пришельцев, то ли собираясь заглотить их. Через несколько мгновений пленник миновал поднятую бронзовую решетку, которую, судя по наросшему на камнях мху и потемневшему от времени металлу, не опускали лет сто, и въехал в тоннель.

Позабыв о боли, он с интересом смотрел по сторонам. Стены состояли из грубо обтесанных прямоугольных каменных блоков в локоть высотой и два локтя шириной, однако толщина стены казалась слишком большой для искусственного сооружения. Выбравшись наконец на свет, Север оглянулся. Так и есть. Ущелье перегораживала скала, в которой зиял проход, обработанный тщательно и довольно аккуратно.

Открытое пространство шириной примерно в тысячу шагов отделяло наружную стену от самого Янайдара. Однако и городские укрепления больше напоминали добротную стену крепости, не столь внушительную, как та, сквозь которую они только что проехали, но все же достаточно

высокую и прочную. Древние строители, безусловно, знали свое дело.

Всадники миновали вторые ворота, гораздо менее величественные, и наконец очутились в самом городе.

И вновь Севера удивила странная, непривычная архитектура. Ничего подобного ему еще не приходилось видеть ни в Туране, ни в Иранистане, да и вообще на востоке. Дома представляли собой крепкие, но безликие каменные постройки, отличавшиеся одна от другой только размерами. Встречались одноэтажные и двухэтажные здания, самые большие имели квадратные башенки по углам. На этом различия заканчивались. В остальном дома походили друг на друга как две капли воды.

Янайдар оказался не только неожиданно велик, но и густо населен. Жизнь здесь была ключом и ничем не отличалась от жизни любого крупного города, в которых Вожаку довелось побывать. Толпа так же шумела, купцы продавали свой товар, зычными голосами расхваливая его достоинства, недовольные ценами покупатели торговались. И это произвело на Севера неожиданно сильное впечатление. Он ожидал совершенно иного... Чего? Этого он и сам не мог сказать, но явно не того, что город Призраков похож на многие города Гиркании.

Улица, ведущая к центру Янайдара, постепенно становилась все шире, толпа, сквозь которую пробирался отряд, все многочисленнее. Однако теперь Вожак заметил, что люди ведут себя не

совсем обычно. Предводителю отряда не пришлось расчищать себе путь: едва завидев вооруженных всадников, толпа расступилась, безропотно теснясь, чтобы пропустить их. Причем воин обратил внимание, что это давно уже вошло в привычку здешних жителей и не вызывает у них и тени недовольства. Более того, такое поведение стало для них естественным: давясь и толкаясь, они не прекращали разговаривать и торговаться. Они относились к воинам как к камнепаду в горах, от которого необходимо спрятаться, но на который бессмысленно сетовать.

Внезапно улица превратилась в огромную площадь. Слева раскинулась исполинская чаша амфитеатра, что было уже само по себе удивительно: все сооружения, которые попадались Северу на глаза в Янайдаре, были прямоугольными. Гигантский овал, украшенный по краям колоннами и установленными между ними статуями, производил впечатление чего-то инородного, словно отшлифованный морскими волнами камень-голыш, случайно попавший в грудку щебня.

На правой стороне площади высились две прямоугольные башни, увенчанные зубчатыми парапетами, судя по всему, — дворец местного властителя. Башни соединялись семью арочными переходами, а у их подножий сходились внушительные, в сотню ступеней, лестницы, сужавшиеся кверху до ширины просторных порталов. Они придавали величественной постройке законченность.

Впрочем, не совсем так. Завершал открывшуюся картину расположенный между дворцом и амфитеатром обширный помост, на котором Север увидел виселицу, плаху, пыточный столб, помост для костра и многое другое — все для публичных пыток и казней. Как ни странно, пленник сразу успокоился. Быть может, потому, что увидел как раз то, что и ожидал увидеть с самого начала. Пространство между дворцом и настилом, судя по всему, для жителей Янайдара было местом запрещенным. Здесь не было ничего, кроме вооруженной стражи, заставшей на нижней ступеньке лестницы и по краям обоих порталов.

У подножия правой башни остановился и отряд. Всадники спешили, Север остался в седле. Предводитель неторопливой походкой направился к караульным и что-то сказал одному из них. Тот мгновенно развернулся и вскоре исчез за боковой стеной дворца. Двое всадников подошли к Северу и начали развязывать удерживавшие его в седле веревки. Свою работу они делали не торопясь, даже друг с другом не обменявшись ни единым словом. Они вели себя так, словно их не интересовал не только пленник, но и вообще ничего вокруг. Наконец Вожак почувствовал себя свободным, только кисти рук по-прежнему стягивали путы.

Тем временем из-за угла выскочил верзила и торопливо зашагал к только что прибывшему отряду. На плече у него висела толстая длинная цепь с кандалами на концах. Вот он-то как раз не выглядел равнодушным. Окинув пленника оце-

нивающим взглядом, он удовлетворенно кивнул и осклабился.

— Слезай! — приказал он.

— А ты мне помоги! — усмехнулся Север.

— А-а! Шутник! — обрадовался тюремщик и махнул рукой сопровождавшим Севера воинам. — Скоро заплачешь!

Пленник ничего не ответил. К нему тут же подошли двое. Так же равнодушно, как и прежде, его стащили с коня и поставили на ноги. Вожак мгновенно почувствовал, как запульсировала в разбитой голове боль, и вдруг понял, что смертельно устал, что ему необходимо выпастись и отдохнуть, неважно — в постели или на каменном полу тюремной камеры. Поэтому он не стал сопротивляться, когда стальные браслеты защелкнулись на его запястьях. Рук коснулся металл клинка, и обрезки пут повалились к ногам пленника.

— Шевелись! — услышал он, и сильный удар в спину едва не сбил его с ног.

Однако Север устоял и, медленно обернувшись, заметил:

— Достаточно просто сказать, куда мне идти.

— Не лю-убит! — протянул тюремщик и обернулся к воинам, приглашая и их повеселиться, но те оставались безучастными, словно не замечали ничего вокруг. Видно, это совсем не понравилось верзиле. — На лестницу, — хмуро пробасил он и снова пнул пленника.

На этот раз Север ничего не сказал, понимая, что его слова лишь дразнят тюремщика и тот

становится еще более грубым. Он просто пошел вперед, чувствуя, как каждый шаг и без понуканий отдается болью в затылке. Руки онемели, в них словно вонзились тысячи иголок. Сейчас он не сумел бы взять в руки меч, даже если бы от этого зависела его жизнь. Пузатый великан что-то бубнил у него за спиной, безжалостно коверкая слова, но Север перестал прислушиваться, как только понял, что тюремщик без конца разглагольствует о пытках и казнях, угрожая пленнику расправой.

Они шли по полутемным коридорам. Сложенные из гранитных блоков стены почти не имели украшений, лишь по бокам узких, больше походивших на бойницы, окон висели еще более узкие полотнища гобеленов, да через каждые десять шагов в кованых бронзовых держателях горели факелы.

Они уже миновали два поворота, и теперь верзила непрерывно бил пленника, видимо до предела обозленный тем, что тот вообще как будто его не замечал.

— Стой! — скомандовал тюремщик, и Север остановился у высокой двустворчатой двери.

Два облаченных в стальные панцири стражника, стоявшие по бокам двери, отворили ее, пропуская обоих внутрь, и тут же новый удар едва не свалил пленника на пол. Вожак невольно подумал, что, как бы там ни было, но тюремщик все-таки должен бояться убить или покалечить своего подопечного. По крайней мере, пока его судьба не решена. Впрочем, на этот раз он, скорее всего, не удержался бы на ногах, если бы уже не

приготовился шагнуть. На деле же получилось, что он ворвался в зал, заставив стоявших у дверей стражников схватить его за руки. Наверное, ему повезло, что и эти двое соображали, похоже, не лучше тех, что доставили его в Янайдар. Иначе его просто зарубили бы.

Подвешенные к потолку масляные светильники давали достаточно света. Вдоль стен небольшого зала, затянутых шелковой тканью, стояли вооруженные люди — видимо, цвет местного общества. Север насчитал их два десятка, одетых пестро и разнообразно. Он увидел туранцев в ярких шелковых шальварах и коротких суконных безрукавках, гирканцев в длинных халатах и, как ни странно, зингарцев в отороченных кружевами камзолах и аргосцев в легких плащах. Всех этих людей объединяло одно: показная небрежность в одежде и варварская роскошь украшений. Они чем-то живо напомнили Северу команды пиратских галер с Вилайета, с которыми ему несколько раз приходилось иметь дело.

В торце зала на возвышении стояло тяжелое кресло с высокой спинкой, наверное трон местного владыки. В кресле восседал невзрачный черноглазый человечек, который сразу же уставился на Вожака. Он удивительно походил на пресыщенное, хитрое, жестокое, но, несомненно, умное животное — на дикого зверя, который по прихоти Рока при рождении принял человеческий облик. Пленник остановился перед троном, и владыка подался вперед, словно хотел проткнуть его насквозь несуразно огромным носом.

— Отпустите его! — приказал он, небрежно махнув рукой, и оба стражника вернулись на свои места.

Вожак смерил владыку долгим взглядом. Несмотря на тщедушность, в человечке чувствовалась внутренняя сила — он явно имел право занимать свое место. Север посмотрел на стоявшего по правую руку от трона похожего на слона монстра, которого он видел на мосту крепости йезмитов. Маленькие глазки на заплывшем жиром лице с жадностью изучали пленника. В них читались хитрость, ум и злость. Грудь чудовища медленно вздымалась, дыхание вырывалось с шипением, как из кузнечных мехов.

— Что скажешь? — неожиданно хриплым голосом поинтересовался сидевший в кресле человек.

Север медленно перевел взгляд на него, не понимая, какого ответа от него ожидают, и тут же получил удар плетью за промедление.

— Прикажи ему оставить меня в покое, — ответил Вожак, кивнув на стоявшего за спиной верзилу. — Надоед до смерти.

— Не нравится? — поинтересовался владыка.

Слоноподобный монстр пренебрежительно хмыкнул, а придворные за спиной Севера загоготали.

— И так голова трещит, — не обращая внимания на смех, спокойно ответил пленник, — а тут еще этот болван с плетью...

Верзила за спиной засопел и, судя по всему, размахнулся для следующего удара, но не нанес его. Владыка жестом остановил слугу.

— Подожди немного. — Он взглянул на Севера. — Не могу, — усмехнулся владыка. — У нас, знаешь ли, самый свободный город в этом прогнившем мире. Здесь все равны.

— Что-то я не очень понимаю тебя, — честно признался пленник.

— Он не понимает! — вновь обратился к своему телохранителю владыка, и опять все засмеялись. — Что ж, я объясню. — Повелитель поудобнее устроился в кресле, явно намереваясь позабавиться. — Ты имеешь ровно столько же прав, что и Гул. — Он кивнул на тюремщика. — Он ударил тебя? Ты вправе ответить ему тем же, но... — Он поднял вверх тонкий указательный палец. — Не забывай о возможностях. А возможностей у Гула несравнимо больше. Но тут уж я ничего не могу поделать. — Он пожал плечами. — Такова жизнь. — Придворные довольно загоготали, по достоинству оценив своеобразную шутку владыки. — Надеюсь, ты понял, о чем я?

— Мне кажется, да, — кивнул пленник.

— Я рад, что мы поняли друг друга, — улыбнулся владыка.

— Поэтому, — совершенно неожиданно для присутствовавших вновь заговорил воин в кандалах, — я хотел бы воспользоваться своими правами немедленно.

— Что ты имеешь в виду?

Повелитель с интересом посмотрел на говорившего. Пленник явно нравился ему: не потел и не дрожал от страха, как прочие, и, несмотря на

свое незавидное положение, держался независимо, как равный с равными.

Вожак обратился к тюремщику:

— Еще раз ударишь меня — убью! — И спокойно обернулся к владыке. — Я правильно понял твои слова? — спросил он у сидящего на троне, но не успел тот ответить, как на спину пленника в очередной раз обрушилась плеть Гула.

Видно, он посчитал равенство прав личным оскорблением, но не успел выразить свою обиду словами, потому что пленник, придерживая цепь левой рукой, ладонью правой с разворота ударил его в нос. Ребро ладони врезалось снизу вверх, вогнав носовой хрящ великана в мозг.

Стражники бросились к пленнику, но владыка жестом остановил их, продолжая с интересом наблюдать, как тюремщик, вяло переступая ногами, заваливается на спину. В полной тишине, воцарившейся в зале, Гул грохнулся на спину, раскинув в стороны могучие руки и выронив плеть. Голова его безвольно мотнулась в сторону и застыла. Все молчали, ожидая, когда он очухается, но время шло, а Гул не проявлял признаков жизни. По рядам придворных пронесся ропот.

— Когда он придет в себя? — не выдержав, поинтересовался правитель.

— Никогда, — спокойно ответил Север.

— Ты хочешь сказать... — осторожно начал владыка.

— Я хочу сказать, что сделал то, о чем предупреждал, — объяснил Вожак.

— Проверьте! — крикнул повелитель.

Из толпы придворных выскочил туранец с пышными усами, нагнулся к великану, приложил руку к его шее и затих.

— Умер! — через мгновение объявил он, выпрямляясь.

— Что ж, — владыка еще раз внимательно посмотрел на пленника, — признаюсь, ты произвел на меня впечатление. Не скрою, я был бы рад видеть такого человека в своей свите, Но... Не могу.

Его темные глаза поймали взгляд Севера. Тот ничего не ответил, но по неуволимо изменившемуся выражению лица пленника владыка понял, о чем он хотел спросить.

— Я вижу, ты хотел бы знать, почему? — уточнил он.

И вновь Вожак не произнес ни слова, на этот раз ограничившись кивком.

— У меня есть все основания полагать, что именно ты выкрал ценные документы у наших друзей-йезмитов.

— Документы? — Стараясь как можно правдоподобнее изобразить удивление, Север посмотрел прямо в глаза собеседнику. — Признаться, не совсем понимаю, при чем здесь я?

Кто-то за спиной Вожака пренебрежительно хмыкнул, а владыка задумался. Впрочем, не надолго. Через несколько мгновений он вновь заговорил с пленником.

— Ты умный человек, — признал он, и Вожак едва заметно поклонился ему в знак благодарно-

сти.— И потому я не стану лгать тебе. Скажу прямо: у меня нет прямых доказательств твоей вины, но...— Он вновь поднял вверх тонкий палец.— Чутье подсказывает мне, что появление в наших пустынных местах столь искусного воина и пропажа важнейших документов — не случайное совпадение.

— Кажется, я начинаю кое-что понимать,— заметил Север.

— Что именно? — оживился владыка.

— Как меня угораздило вляпаться в такую историю,— простодушно ответил Вожак.

— Ну-ка, расскажи — интересно послушать.

— Мы направлялись на юг...— начал Север.

— Кто мы? — перебил его владыка.

— Я и мои спутники. Мы направлялись на юг Черного Континента. Говорят, южнее Зембабве, в горах, много незаселенных мест. Климат там мягкий, много дичи, фруктов... Вот мы и решили посмотреть, правда ли это. Однако до места так и не доехали, даже через Иранистан не перебрались. Только успели пересечь границу лесов и сразу попали в заварушку. Два отряда дрались не на жизнь, а на смерть — вооруженные топорами бородачи в кожаных доспехах бились с отрядом людей, похожих на туранцев. Мы хотели проскользнуть стороной, но несколько бородачей бросились на нас, видимо, посчитав, что мы заодно с туранцами и пытаемся обойти их, чтобы напасть с тыла. Нам удалось отбиться, но продолжать путешествие было бессмысленно, ведь почти все мои товарищи погиб-

ли. К тому же я понял, что мы выбрали не самую лучшую дорогу. Пришлось повернуть назад, но, едва мы вновь добрались до леса, на нас снова напали.

— Кто?

— А пес их знает! — не колеблясь, соврал Север.— Помню, что все они выглядели на одно лицо — низкорослые и широкоплечие. Меня и мою женщину накрыли сетями. Я вспорол сеть и почти освободился, но получил камнем по затылку... Похоже, из пращи. Если бы не стальное оголовье... Короче, очнулся я уже привязанным к седлу, на пути сюда, и потому мало что могу рассказать.

Вожак умолк, а владыка снова задумался. Север не торопил его.

— Ладно,— наконец заговорил тот.— Если ты и врешь, то врешь складно.

— А зачем мне врать? — равнодушно пожал плечами пленник.

— Чтобы сохранить жизнь, конечно! — усмехнулся владыка.

— Допустим,— кивнул Север, находя довод убедительным.— Но ведь документов, о которых ты говорил, при мне нет.— Он поймал на себе взгляд правителя и не отвел глаз.— Предположим, я лгу и документы остались у моей женщины...— Вожак наморщил лоб. Он не знал, что произошло на самом деле. Известно ли предводителю янайдарцев о Гане? Если так, он сразу опровергнет эту нехитрую ложь.— Не знаю, как я попал к твоим людям, но, если они непонятно зачем ото-

брали меня у коротышек и не побеспокоились о жизненно важных для вас бумагах...

Вожак снова пожал плечами, всем своим видом показывая: если твои люди ни на что не годны, то о чем тогда вообще говорить, и при чем здесь я? Как только пленник замолчал, владыка резко повернулся к стоявшему тут же предводителю всадников.

— Что скажешь, Рибо? — спросил он, и предводитель латников понял, что если мгновенно не подтвердить все, о чем сейчас говорил здоровяк в цепях, то головы ему не сносить. Правда, он успел заметить скрывшихся в зарослях коней, но они ускакали без всадников, а значит, могли везти лишь никому не нужную поклажу.

— Все так и было, — с готовностью заговорил Рибо, понимая, что опровергнуть его все равно некому. — Низкий забрал рыжую девку. — Он отрицательно качнул головой. — При ней ничего не было. Но низкий требовал смерти для воина. И я обещал...

— Ну, обещал — и ладно, — простодушно отмахнулся владыка, удостоверившись, что пленник не лжет. — Так кто же это так жаждет тебя прикончить? — вновь обратился он к Северу.

— Понятия не имею. — Вожак опять равнодушно пожал плечами. — Я никого не узнал.

Воцарилось молчание. Рибо припомнил об отряде аквилонских воинов и о том, что они тоже интересовались документами. Наверняка теми же, однако предпочел умолчать об этом. В конце концов, девица просила у воинов помощи, те приго-

товились к драке, но... Документов у нее не оказалось, и аквилонцы отправились восвояси. Трудно предположить, что бумаги ей дороже жизни. Значит, их у нее и не было. Успокоившись, он вздохнул и промолчал. Присутствовавшие в зале приближенные владыки на протяжении всего разговора не проронили ни звука. Они лишь перешептывались между собой, но в разговор не вмешивались. Судя по всему, здесь говорили только те, к кому непосредственно обращался властитель.

— Конечно, ты мог спрятать документы по дороге... — задумчиво произнес владыка.

— Мог, — согласился Север. — Но как раз это проверить совсем просто. Достаточно пройти назад по следу, — с готовностью посоветовал он, ни на миг не усомнившись, что, несмотря на поспешность, с которой он прятал документы, никто, кроме его зверей, не отыщет их. И ни собаки, ни следопыты, ни магия тут не помогут.

— Не премину воспользоваться твоим советом, — кивнул властитель Янайдара. — А теперь пора поговорить о твоём будущем. Ты попал в плен, а значит, становишься рабом. У раба в Янайдаре три дороги: в рудники, на поля или бойцом на ристалище. Ни в одном из этих мест долго не живут, — широко улыбнулся он, — но гладиаторов, по крайней мере, прилично кормят. К тому же у хорошего бойца есть надежда со временем получить свободу, если он проживет достаточно долго, — ехидно добавил владыка, и придворные громко захохотали. — Впрочем, если окажется, что ты рассказывал сейчас правду, ты наверняка поки-

нешь ристалище не ногами вперед, как большинство остальных.

Он вопросительно посмотрел на пленника, и тот кивнул.

— Что ж, ристалище так ристалище,— равнодушно отозвался Север, прикинув, что, если придется бежать, силы ему понадобятся.

— Вот и прекрасно,— снова улыбнулся владыка.— Паг! — обратился он к дородному тюремщику, который только что вошел в зал.— Накормить и подлечить — завтра он выходит на арену. И не вздумай мстить за Гула!

— Я хотел спросить...— прежде чем уйти, обратился Север к владыке Янайдару.

— Да?

— Мне вернут мое оружие?

— Только на время поединка.

— Само собой,— проворчал Вожак, поворачиваясь.

— Кстати, как тебя звать, воин? — поинтересовался властитель.

— Ревс,— не задумываясь, ответил пленник и шагнул в коридор.

* * *

Дважды Око Митры проделывало свой долгий путь по небосводу, а ничего не менялось. Стоял штиль. Спины чернокожих рабов блестели от пота. Великан-кушит неторопливыми ударами задавал ритм гребцам, и в такт этим ударам огромные лопасти ныряли в зеленую воду. Обогнув с запада остров Сиптаха, галера слегка развернулась к во-

стоку, безошибочно нацелившись бушпритом в невидимое с такого расстояния устье Зархебы.

На носу судна, опершись руками о фальшборт, стоял человек в черном плаще с капюшоном, не смотря на жару, надвинутом на голову так, что лица его при всем желании никто не мог разглядеть. Впрочем, и рук, касавшихся дерева, также не видел никто: длинные рукава полностью скрывали их, а подол плаща касался палубы, пряча ноги.

Капитан галеры, сухой горбоносый зингарец средних лет, остановился в двух шагах за спиной Странника и замер. Хотя подошел он тихо и человек в плаще, казалось, ничего не слышал, шкипер не сомневался, что хозяин знает о нем.

— Что с ветром, Родуго? — не оборачиваясь, негромко спросил тот.

Капитан ожидал вопроса и все равно невольно вздрогнул. Как ни старался, он так и не мог привыкнуть ни к голосу своего повелителя, ни к его внешности, ни к способности чувствовать чужое присутствие, ни даже к самому имени — Странник. Собственно, оно и не было именем. Просто при первой встрече, когда зингарец спросил, как обращаться к собеседнику, тот ответил: «Зови меня Странником». Позже он с удивлением отметил, что и все прочие обращаются к нему так же. Не «повелитель», не «владыка», даже не «хозяин» — просто Странник.

— Без изменений, Странник.— Шкипер хмуро осмотрелся, словно за те мгновения, что длилась их беседа, что-то могло произойти.— И до вечера я перемен не жду.

— Плохо,— ровным шепотом ответил хозяин галеры и вдруг как-то странно напрягся и резко обернулся. Шкипер попытался отвести взгляд от черного провала капюшона и не смог. В какой-то миг зингарцу показалось, что во тьме, скрывающей лицо Странника, он увидел глаза, словно две черные жемчужины блеснувшие искрами темного пламени. Он с ужасом почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Несмотря на жару, могильный холод пронзил тело, а волосы на затылке зашевелились. Через мгновение глаза исчезли, так что Родуго не мог с уверенностью сказать, видел ли их.

— Что-то случилось? — прошептал побелевшими губами капитан.

— Я... Снова-а... Чу-увствую его-о...— медленно, растягивая слова, произнес хозяин и повернулся на восток, к туманной дымке, скрывавшей горизонт.— Он... та-ам...— Рука Странника поднялась, указывая направление, но и на сей раз шкипер не увидел ладони. Лишь мелькнувший в широком рукаве сгусток тьмы обдал человека холодом вечной ночи.— Прикажи удвоить скорость... Утроить! — прошипел он.

— Нет, Странник! — попытался протестовать шкипер.— Гребцы устали! Они просто не выдержат!

— Плевать! — прошипел Странник.— Пусть все сдохнут! Потом купим новых! Сейчас мы должны как можно скорее вернуться в Мертвый Город!

— Я прошу только одного — выслушай меня! — воскликнул Родуго.— Безусловно, плети за-

ставят людей двигаться и в два, и в три раза быстрее, но ты должен осознать: если я сейчас сделаю это, еще до вечера на веслах не останется никого, и нам придется лечь в дрейф!

Капитан замолчал и с вызовом посмотрел на хозяина. Он знал, что его господин жесток, но рассудителен.

— М-м-м! — с трудом сдерживая ярость, простонал Странник и, резко развернувшись, вцепился в фальшборт. Так обычно поступает человек, не желающий, чтобы кто-то видел его искаженное злобой лицо. Раздался отвратительный сухой скрежет. Родуго так и не понял, что это было.— Хорошо! — наконец выдавил из себя хозяин.— Поступай как знаешь, но доставь меня на место побыстрее!

— Слушаюсь, Странник!

Капитан склонился в поклоне, а его хозяин, оттолкнувшись от фальшборта, тяжелым шагом, заставлявшим скрипеть доски палубы, направился в каюту. Родуго проводил его внимательным взглядом и в раздумье посмотрел на далекую линию горизонта, за которой скрывался столь желанный берег.

Несильное встречное течение еще больше замедляло и без того неспешный ход судна. Потом Зархеба... Им придется подниматься по руслу Реки Смерти... Опять на веслах. Ни облачка на горизонте. Пожалуй, стоит приблизиться к берегу. Во-первых, чтобы выйти из течения, а потом... Скоро вечер. Можно поставить паруса и попробовать поймать бриз. Все-таки гребцам будет полег-

че. Капитан опустил голову. Взгляд его рассеянно скользнул по поверхности фальшборта и внезапно остановился. Восемь борозд глубиной в половину толщины пальца виднелись на дереве. Родуго стало нехорошо, когда он представил, какой силищей нужно обладать, чтобы проделать такое.

— Лево руля! — попытался выкрикнуть он, но голос сорвался.

Капитан резко обернулся (не видел ли кто его позора?) и облегченно вздохнул: все занимались своими делами. Он быстро прошел на корму, отдал необходимые распоряжения и под постепенно ускорявшимся барабанным бой отправился в каюту промочить пересохшее горло.

* * *

Вожака вновь вели темными коридорами. Пару раз свернув, они очутились на лестнице, и начался долгий спуск. Все это время спина тюремщика, сменившего Гула, маячила в пяти шагах впереди окружившей пленника четверки молчаливых стражников. Руки уже вновь слушались его, и лишь кровоточащие синяки напоминали о том, что он слишком долго был связан. Пожалуй, еще немного, и остался бы без рук. Хвала богам — обошлось... Правда, раны на запястьях и разбитый затылок причиняли боль, но он вполне мог терпеть ее, хотя и подправлял время от времени браслеты кандалов, когда те сползали. Изредка цепи слабо звякали, и пленник видел, как напрягались идущие впереди латники.

Север шевельнул головой и невольно поморщился от мгновенно вспыхнувшей боли. Правда, боль несколько поутихла. А может, он просто притерпелся к ней. Проклятый камень... Хорошо еще, что удар пришелся в оголовье... Несмотря на то что попался всерьез, Вожак не падал духом, ибо знал: пока жив, можешь надеяться. Конечно, положение не из лучших. За ним охотились, его привезли в Янайдар, местный властитель (интересно, кто он? Человек на троне так и не назвал своего имени...) предъявил ему обвинения, и Север прекрасно понимал, что, хоть и отвел их, оправдаться до конца не сумел, и подозрения остались. Хорошо еще, что его не пытали, видимо, посчитав это бессмысленным, а может, просто решив, что еще успеют.

Вожак припомнил слова горбоносого о правах и возможностях своих подданных. Все, что касается прав, безусловно, не более чем своеобразная шутка, но вот возможности... У пленника их практически нет, но в любом случае о своем спасении он должен заботиться сам. Помощи ждать неоткуда. Что ж, не можешь победить — затаись. Сейчас ему больше ничего и не остается, только затаиться и выжидать. Придет время, и он выберется из этой дыры, оставив тюремщиков в дураках. А сейчас у него одна задача — уцелеть!

Интересно, как там Соня? Воспоминание о возлюбленной, прекрасной рыжекудрой воительнице, болью отозвалось в душе... Ничего! Обретя свободу, он позаботится и о ней... Что толку му-

читься от того, что пока недостижимо? Сейчас главное — выпасться и поесть, набраться сил.

Они наконец спустились в подземелье, где, судя по всему, находились камеры пленников. Вскоре стражники остановились на площадке, тюремщик достал ключи, отпер дверь, и все вошли в коридор, освещенный гораздо хуже, чем наверху. Лишь по два факела горело возле дверей и в самом конце коридора, через полсотни шагов. Вожак шагнул внутрь, лишь мельком взглянув на крепкую, окованную железом дубовую дверь.

Возле дверей на скамьях сидели надсмотрщики. По обеим сторонам коридора располагались камеры. Север насчитал их по десятку с той и с другой стороны. Это означало, что помещения для узников достаточно просторны, если, конечно, каждое из них предназначалось одному человеку. Они успели пройти до середины коридора, когда дверь, через которую они только что вошли, вновь отворилась. Тут же сильно запахло жареным мясом.

— Ва-а! Еда! — восхищенно взревели надсмотрщики.

Север удивленно обернулся и увидел, как один из них накинулся на еду с яростью голодного хищника, а второй умудрился запихнуть в рот такой кусок жаркого, каким, испустив слезу, подавился бы и крокодил.

За спиной Вожака тихо скрипнула дверь.

— Тоже хочешь? — хмыкнул тюремщик. — И тебе дадут! Иди!

Он легонько подтолкнул пленника к двери. Север покосился на тюремщика, и тот проворно отскочил, видимо, помятуя о судьбе Гула. Вожак хмыкнул и вошел внутрь.

Дверь за ним тут же захлопнулась, замок щелкнул, и пленник, оставшись в одиночестве, посмотрел по сторонам. Квадратная комната, пять шагов в длину и пять в ширину. У дальней стены стояла низкая кровать с небольшим столом в изголовье, на котором Север увидел глиняный кувшин, по-видимому с водой, и кружку. Рядом со столом примостился грубо сработанная, но крепкая скамья. На вмурованном в потолок крюке висела масляная лампа, дававшая вполне достаточно света, чтобы ни на что не наткнуться. Судя по тому, что фитиль уже горел, комнату приготовили именно для него. На постели лежал длинный плащ с капюшоном — одежда, видимо, предназначалась тоже для него.

В коридоре вновь заскрипела дверь, за ней — еще одна, и еще... Похоже, рабам начали разносить ужин. Север вновь почувствовал сильный голод и желание поскорее заснуть: несмотря на всю его закалку, сказывались раны и усталость. Наконец и в его окошке, предназначенном для наблюдения за узниками, появилось бородатое лицо тюремщика. Окошко захлопнулось, загремели ключи, щелкнул замок, и дверь распахнулась. Паг вошел в камеру и сразу шагнул в сторону, пропуская человека с подносом в руках. Двое надсмотрщиков остались в коридоре, готовые в любой миг рвануться внутрь, если новичок про-

явит строптивость. Отсутствующий взгляд пленника скользнул по подносу. Миска тушеных овощей с воткнутой в них глиняной ложкой, огромный кусок жаркого на жестяной тарелке и кувшин вина с кубком — тяжеловато для ужина, но обижаться не на что. По крайней мере, он ожидал гораздо худшего. Север, однако, не набросился на еду, а посмотрел на тюремщика. Тот осклабился.

— Башка болит? — участливо поинтересовался он. — Это мясо! — Он указал на тарелку. — В рот, кусай, жевай, глотай. Понял? Ха-ха-ха! — захрипел он, весьма довольный своей шуткой. Стражники в коридоре подхватили.

— Еда после, — спокойно ответил Север. — Сперва сними вот это, — он приподнял руки, и цепи мягко звякнули, — и приведи лекаря.

— Совсем дурак! — вновь осклабился тот. — Одень. — Он указал на лежавший на постели плащ. — Ешь и спи. Завтра первая драка! Уру любит хорошую драку!

— Так я разговаривал с Уру? — впервые за время разговора Вожак позволил себе выказать удивление.

— А ты думал с Митрой?! — расхохотался тюремщик, и стражники в коридоре вновь поддержали его.

— Тем более, — не обращая внимания на насмешки, настаивал Север. — Я не могу одеться из-за этого. — Он вновь поднял скованные цепями руки. — А если раны будут болеть, то не смогу завтра драться, как умею. Меня убьют в первом же бою, и Уру это вряд ли понравится.

— Совсем дурак! — загоготал тюремщик. — Уру любит, когда убивают! — радостно сообщил он.

— Тебе виднее, — ответил Север и отвернулся, показывая, что больше не намерен разговаривать.

Какое-то время Паг еще смеялся, потом умолк, и наступила тишина: видно, задумался.

— Ладно, — сказал он через мгновение, — давай руки.

* * *

— Вставать! Вставать! Еда! — услышал Север, но глаз открывать не спешил, хотя проснулся, как только шаги тюремщика замерли у его дверей.

Он лениво потянулся и, сев на постели, широко улыбнулся тюремщику.

— А-а! Мой добрый опекун! Рад видеть твое приветливое лицо!

— Шутник! — хмыкнул бородач. Впрочем, вполне беззлобно. — Жрать! — Он указал на поднос.

Вожак кивнул и присел у стола. Он не привык так вот сразу из постели прыгать за стол, но делать нечего. Завтрак ничем не отличался от ужина. Однако сейчас Север съел лишь немного овощей, а к вину и вовсе не притронулся.

— Ты — мой воин! — неожиданно объявил тюремщик. — Смотри, не проиграй!

— М-м-м! — промычал Север с набитым ртом и насмешливо взглянул на Пага, а прожевав, добавил: — Какая трогательная забота! Ну просто отец родной!

— Шутник! — ухмыльнувшись, повторил тюремщик. — Победишь — я получу золотой. А ты — еду и женщину, — начал объяснять он. — Помрешь — мне золотой отдавать. А тебе — ни еды, ни женщин...

— ...Не будет, — хмыкнул Север.

— Угу, — удовлетворенно кивнул бородач. — Башка прошла?

— Да, — подтвердил Вожак. — Где мое оружие? — поинтересовался он. — У меня ведь отобрали все, кроме набедренной повязки и сапог.

— Так будешь.

— Но Уру сказал, что оружие мне вернут.

— Вернут, — кивнул тюремщик. — Но первый бой — голыми руками против меча. Взял меч, получишь свой. Что взял, то и получил, — объяснил он нехитрый принцип.

— Ладно, — не стал спорить Север.

* * *

Огромный зал, уставленный низкими деревянными скамьями, заливали потоки яркого солнца, которые проникали сквозь решетку, заменявшую восточную стену зала и выходившую на арену амфитеатра. Придя сюда, Север увидел, что день в разгаре, и понял, что проспал дольше, чем рассчитывал. Почти сразу начались поединки, и Вожак пристроился у решетки, стараясь составить мнение о том, кто здесь на что способен. Первыми на арену вышли самые слабые пары. Смотреть тут было не на что: много крови и ни малейшего намека на мастерство. Вооруженные чем попало

люди разбились по двое и теперь бегали по арене, даже не пытаясь изображать бой. Большинство мечтало лишь о том, чтобы остаться в живых. Как правило, более агрессивный нападал, в то время как противник его зачастую пытался просто ударить. Зрелище оказалось настолько отвратительным, что почти сразу Север потерял к нему интерес, в то время как заполнившая трибуны толпа ревела, требуя новой и новой крови.

Рассеянным взглядом Вожак обвел ряды зрителей. Несмотря на жару, они жадно поглощали вино, и в любом из поединков их интересовала, казалось, лишь смерть побежденного. Когда кто-то достиг своего противника и кровь обаграла белоснежный песок арены, янайдарцы на миг замирали, словно нарочно для того, чтобы насладиться предсмертными стонами поверженного, но едва несчастный затихал, пьяная толпа взрывалась восторженным ревом, и победитель немедленно покидал арену, чтобы на завтра сразиться с новым противником.

Впрочем, не все вели себя столь бурно. На трибуне, расположенной напротив зала участников, восседал в высоком кресле сам Уру в окружении свиты. Роскошный шелковый балдахин защищал их от солнечных лучей. Чернокожие рабы оведали их опахалами из перьев гигантской птицы, нагие рабыни разносили охлажденное вино и сласти. Владыка, правда, тоже отвлекался от разговора только затем, чтобы понаблюдать за агонией, но он смотрел на смерть спокойно, как на нечто давно наскучившее.

Север уже знал, что это только начало. Когда в каждой из пар выявится победитель, а говоря проще — тот, кому повезло, на арену начнут выходить более умелые воины. Он отошел от решетки и присел у стены. Время шло, и зал постепенно пустел, потому что остались самые опытные, а из них в этот день не всем предстояло попасть на арену. Вожаку же придется ждать своей очереди до самого конца. Лишь после того как выступят все, он с голыми руками выйдет против одного из первых победителей, который за это время успеет отдохнуть и набраться сил.

Когда время Севера наконец подошло, солнце уже коснулось верха чаши амфитеатра.

— Пора.

Тюремщик остановился перед Вожаком, тот тут же встал, и оба направились к двери. В коридоре они столкнулись с другой парой. Одного из них, здорового, заросшего густым волосом шемита, Север хорошо запомнил. Он самый первый зарубил своего противника коротким широким мечом. Рядом с шемитом шагал бородач-тюремщик. Он сдержанно кивнул Пагу и оценивающе посмотрел на его спутника. Видимо, Вожак произвел на него впечатление, потому что он едва заметно покосился на своего бойца, словно прикидывая шансы на успех, в котором сам шемит, похоже, не сомневался.

Он на четверть локтя превосходил Севера ростом и был гораздо тяжелее. И хотя значительная часть превосходства в весе приходилась на жирок, под его слоем угадывались бугры трениро-

ванных мышц. Первым делом он попытался якобы случайно пихнуть противника плечом, но новичок легко уклонился. Тогда шемит окинул противника презрительным взглядом — слабак! — и недвусмысленно стиснул рукоять висевшего в ножнах на поясе короткого меча.

— Я тебя растопчу, мозгляк! — хвастливо пообещал он.

— Сделай одолжение, — миролюбиво улыбнувшись, ответил Вожак.

Видимо, ответ не понравился шемиту. Он глухо зарычал и двинулся было вперед, словно собираясь исполнить обещание немедленно, но Паг неожиданно быстро заступил дорогу шемиту и гневно взглянул на его тюремщика.

— Пса на цепь, Так! — приказал он. — Или...

— Тихо! — прикрикнул тот на своего подопечного.

— Да, друг, потерпи! — хмыкнул Север. — Побереги силы.

Глаза шемита зло сверкнули, но на сей раз он смолчал. Вожак пренебрежительно хмыкнул. Негромко, но достаточно для того, чтобы его слышали остальные. Север знал, что раздраженный противник — проигравший противник. Так что пусть побесится, тем более что он сам затеял эту игру.

После полутьмы коридора солнечный свет ослеплял, хотя прямые лучи уже не попадали на арену. Появление новой пары трибуны встретили восторженным ревом, хотя зрителей на них осталось почти вдвое меньше, чем пришло к началу. Видно, многие уже получили необходимый заряд

бодрости, а может, им просто надоела бессмысленная бойня. Похоже, остались самые кровожадные.

Кто-то объявил, что начинается поединок между самым многообещающим из новичков и сильнейшим из новобранцев. Север понял, что новичок, судя по всему, он. Значит, новобранец — гот самый шемит. Убив его, Север сам станет новобранцем. «Ничего не скажешь, серьезное повышение по службе...» — подумал он и шагнул на мягкий песок арены.

Противники вышли с противоположных сторон ристалища и начали сближаться. Ни один из них не торопился. Теперь, когда дошло до дела, трюки у шемита значительно поубавилось. Наглость наглостью, но не видеть в Вожаке умелого и опытного воина он не мог. Он наверняка понимал, что, хоть меч и давал ему серьезные преимущества, расслабляться все же не стоило.

Как ни странно, трибуны несколько притихли. Наверное, чувствовалось в очередном противостоянии безоружного и вооруженного воинов нечто такое, чего не было в боях прежних пар новичков и новобранцев. Во всех предыдущих тоединках победили новобранцы, но сейчас мало кому исход боя казался предрешенным. Кто знает, может, новичок и сумеет обезоружить своего противника, и тогда...

Они остановились в десяти шагах друг от друга, и над трибунами повисла мертвая тишина. Север уже знал, что арена амфитеатра устроена здесь необычно. Разговоры воинов странным об-

разом усиливались до такой степени, что их могли слышать даже на самых верхних рядах, в то зремя как рев трибун приглушался, словно уходил в высокое небо.

Шемит уставился на Севера тяжелым изучающим взглядом, но противник не отвел глаз.

— Ну что, болтун? — заговорил наконец шемит. — Вот мы и встретились.

— Твоя правда, — не стал спорить Север, с удовольствием наблюдая, как заходили желваки на скулах шемита, когда на трибунах засмеялись.

Через мгновение тот, однако, взял себя в руки и через силу улыбнулся.

— Теперь не убежишь! — пригрозил шемит, видимо, всерьез приняв миролюбие противника за слабость.

— С места не сойду, — усмехнувшись, пообещал Вожак, и трибуны отозвались криками и гулом.

Север спокойно отвечал на оскорбления, но вперед не шел. Впрочем, вряд ли можно поставить в вину такую осторожность безоружному воину. Шемит тоже понял это, и правильно истолковал поведение зрителей, которые уже начали болеть за его противника. Однако что-то удерживало его от решительных действий. Быть может, странное спокойствие безоружного новичка? Так или иначе, но он никак не мог решиться начать бой. И это тоже злило его. Кровь прилила к лицу. Вожак понял, что меченосцу недостает совсем немного для того, чтобы очертя голову броситься вперед, и именно поэтому он продолжает накру-

чивать себя, пытаюсь яростью восполнить недостаток уверенности в собственных силах.

— Правильно! — взревел шемит. — Тут ты и ляжешь! Ты ведь не мужик! Ты просто баба, по ошибке надевшая штаны!

Он медленно двинулся вперед. Север же, как и обещал, остался на месте.

— Дразнить меня не советую — убью! — предупредил Вожак, но на сей раз в его голосе прозвучала угроза.

— Да ну?! — вскричал шемит, остановившись в двух шагах, и быстро выхватил из ножен клинок. — Видал? Вмиг изрублю тебя, поганца, на кусочки!

Он прыгнул на Вожака, занеся правую руку для удара, но противник его двигался несравнимо быстрее, как проблеск молнии опережает движение грозowych туч, породивших его. Шемит словно завис в прыжке. Он еще только приготовился бить, а кулак Севера уже врезался ему в висок, одним ударом оборвав жизнь врага. Уже мертвый, воин нелепо взмахнул руками, словно все еще пытался поразить противника, но пальцы не удержали меча. Клинок выскользнул из руки шемита и упал в песок, а сам он, странно кувырнувшись назад, рухнул к ногам победителя. В полной тишине Север нагнулся к противнику и коснулся рукой жилки на шее — сердце не билось.

Он поднял с земли честно завоеванный меч и в победном жесте вскинул его над головой. Трибуны ответили на приветствие восторженным ревом. Вожак, правда, не испытывал ни малейшей радости, но, раз уж он ввязался в эту нелепую

игру, ему приходилось придерживаться ее правил. Дождавшись, пока гул голосов не начнет стихать, он направился к своему тюремщику.

— Да... — протянул тот уважительно. — Вот только быстро! — Он выразительно посмотрел на своего подопечного.

— Я воин, а не шут, — сдержанно ответил Север, протягивая тюремщику добытый клинок. — Когда я получу свой меч?

— Завтра, — ответил тот, забирая оружие.

— Почему не сегодня? Я хотел бы его проверить и, если понадобится, привести в порядок.

— Драка завтра. Сейчас еда и девка, — хмыкнул тот.

— Я предпочел бы меч, а женщину можешь взять себе, — возразил Север.

— Возьму, — пожал плечами Паг. — Но клинок завтра.

* * *

Второй поединок Севера отличался от предыдущего разве что тем, что теперь он вышел на арену не с пустыми руками. Лишь одно порадовало его — за ним началась охота. А это значило, что ему не придется убивать неумелых трусов, непонятно как оказавшихся среди тех, кто ежедневно зарабатывает отсрочку от смерти, убивая ближнего.

Выйдя на арену в роли новобранца, он спокойно отошел в сторонку и принялся поджидать, когда предполагаемый соперник найдет его сам. Его тошнило при мысли, что придется с мечом в руках гоняться за каким-нибудь бедолагой, чтобы

в конце концов лишить его жизни на потеху толпе. Два десятка пар участвовали в омерзительном представлении. Трибуны ревели, а вокруг раздавались лязг оружия, стоны умирающих и кроважадные вопли победителей.

Постепенно на песке оставалось все больше бездыханных тел, живые покидали арену, и Вожак наконец заметил и своего противника, который так же, как и он, не участвовал в общей драке. Рослый жилистый гирканец пристально, оценивающе смотрел на него, хотя что он собирался выяснить, разглядывая неподвижного воина, Север так и не понял.

Арена опустела, и степняк двинулся вперед. Он шел, поигрывая кривым гирканским мечом, и по манере его движений Северу стало ясно, что тот не впервые взял в руки оружие. Вожак не знал, насколько искусно противник владеет клинком, но не подлежало сомнению, что сам он считает себя мастером. Север двинулся навстречу, на ходу вытягивая из-за спины свой меч. Закинув его на плечо, он словно прогуливался, в то время как гирканец продолжал поигрывать клинком, размахивая им, будто разминался перед боем, и внезапно метнул его с четырех шагов. Такой выпад, несомненно, оказался бы смертельным, не следил Север за глазами противника.

Когда раскосый степняк осознал, что задумка не удалась, рукоять меча уже выскочила из пальцев. Клинок Севера встретил его на полпути, изменив направление. Несильно, но вполне достаточно, чтобы оружие прошло мимо цели. Гирка-

нец, правда, сдаваться вовсе не собирался. Воспользовавшись тем, что все-таки отвлек внимание противника, он быстро нагнулся, схватил горсть песка и попытался бросить в лицо Вожаку. Однако опять опоздал, получив сильный удар ногой по крепко сжатому кулаку. Гирканец резко выпрямился, но вновь недостаточно быстро: песок попал в глаза, и он даже не увидел, как сверкнула сталь в руках врага. С распахнутым в беззвучном крике ртом голова, быстро вращаясь, полетела в сторону. Из перерубленной шеи хлынул фонтан крови, и Север поспешно отступил в сторону, победно вскинув над головой меч.

Трибуны восторженно взревели, а он стоял и с отвращением смотрел на них, животных, считавших себя людьми. Их восхищала не красота поединка, который по сути так и не начался, а яркая кровь, обагрившая убитого, который все еще стоял на ногах, как будто надеялся, что так сможет задержаться в мире живых. Его сотрясала жестокая судорога, затем ноги начали подкашиваться, и он упал на колени, вызвав у зрителей новую бурю восторга.

Северу стало противно. Он повернулся и ушел прочь.

Как ни странно, этот бой многому научил его. Признаться, поначалу Вожак почувствовал к гирканцу некое расположение. Он не пытался оскорбить противника, как шемит, словно в тот день наблюдал за их поединком и теперь решил испытать себя, доказать, что чего-то стоит. Значит, честолобив... Примерно так рассуждал Север, по-

ка они не сошлись посредине арены и гирканец не повел себя подло и глупо.

Теперь же Север понял: хоть он и убедил себя в том, что принял предложенные ему правила игры, на самом деле это не так. Он был и остался все тем же искусным воином с непоколебимыми понятиями о чести, которые не смогла изменить даже его сложная и полная тайн и опасностей жизнь.

Но теперь выбора у него не оставалось. Чтобы выжить, он должен вести себя как все. Гирканец, пытавшийся победить с помощью коварства, лишь подтвердил эту горькую истину.

И тем не менее на следующий день, когда ему пришлось драться с безоружным новичком, Вожак не сумел перебороть себя и бросил меч, чтобы уравнять шансы соперника. Он все равно победил, но, по крайней мере, не чувствовал себя подлецом. Его поведение не понравилось ни Уру, ни Пагу, зато, как это ни странно, толпа рукоплескала его победе.

Север слегка успокоился: раз не придется ломать себя и менять свои взгляды, можно жить. Дальнейшие дни превратились для него в бесконечную череду боев, победа в каждом из которых поднимала его еще на одну ступеньку в местной иерархии.

Чем дальше Север продвигался вперед, тем более опытные и умелые воины выходили драться с ним. Многие из них понимали: побеждать Вожаку помогает то, что он умело использует ошибки противников. Однако это никого не спа-

сало. Людям зачастую свойственно переоценивать себя, и большинство не сомневалось, что они-то не совершат ни малейшей оплошности и тогда счастливчику придется вступить в настоящий бой, который покажет, кто чего стоит.

Находились, правда, воины, которые, видя непрерывные победы Севера, не рвались в битву, но встречались и такие, кому не терпелось доказать свое превосходство. Они сами выбирали Севера в противники и неизменно платили жизнью за свои заблуждения.

Поначалу Уру был очень недоволен тем, что поединки заканчиваются, едва успев начаться. После того как Вожак отказался использовать оружие в бою с новичком, он даже вызвал Севера к себе:

— Ничего не скажу, что благородно, то благородно, но учти: большинству янайдарцев благородство чуждо.

Зрителям же, как ни странно, необычный боец понравился, быть может, потому, что он привнес в их главное развлечение нечто новое. Нечто такое, чего они не видели прежде. В конце концов Северу перестали докучать требованиями растянуть поединок, чтобы подольше помучить жертву. Более того, его стали использовать как гвоздь программы в балагане: начали выпускать на арену под самый конец представления, после того как заканчивались все бои. И зрители оставались смотреть. И не просто оставались. Если прежде к концу боев янайдарцы начинали расходиться, то теперь трибуны чаще пустовали в начале очеред-

ного дня и, как правило, заполнялись только к его середине, а многие зрители вообще приходили только на бой Севера.

Жизнь пленника, однако, состояла не только из боев, хотя текла на удивление уныло и однообразно. Поединки нередко заканчивались поздно вечером. Возвратившись к себе, он ужинал и почти сразу ложился спать. Зато время между завтраком и обедом оставалось в его распоряжении, и Вожак обычно тратил его на размышления, пытаясь составить обстоятельный план побега, а также осмыслить увиденное в Янайдаре, или городе Призраков, как его еще называли в других странах Хайбории.

Север помнил, как искренне удивился, впервые попав на улицы города, который поразил его своими размерами и неожиданно большим числом жителей. А это означало, что предположения, которые они строили в Логове, оказались совершенно неправильными. Вовсе не йезмиты, выходцы из ущелья Духов, заселили опустевший город. Скорее уж, наоборот: янайдарцы помогли йезмитам восстановить сожженные деревни. По прикидкам Вожака, Янайдар если и был меньше Шадизара, в котором он также побывал лишь единожды, то совсем не намного. А ведь Уру говорил и о полях, и о рудниках. С полями-то все просто и понятно: город большой, жителей необходимо кормить. А вот копи... О том, что в них добывали, Север мог только догадываться.

Огромный до уродливости воин, которого Вожак видел уже в ущелье Духов, а теперь повстре-

чал и здесь, мало интересовал его. В отличие от Уру. В повелителе Янайдара чувствовалась жестокость, от него веяло злом, и в то же время от него исходила огромная сила, а колющий взгляд черных глаз светился умом. Кто он вообще, этот Уру? Север не верил в разговоры о его божественности просто потому, что вообще не верил в существование богов. По крайней мере, ни одна религия хайборийцев не нашла отклика в его душе. Уру, скорее всего, опытный колдун, которому нравится чувствовать себя божеством.

Как бы там ни было, но владычицам в Похиоле есть над чем призадуматься. Похоже, здесь, на юге, происходит много такого, о чем на севере и не подозревают. Впрочем, это уже не его заботы. Он честно служит Логову, но служба его продлится лишь до тех пор, пока их пути совпадают. Как только дороги разминутся, он будет считать себя свободным от всех обязательств. Впрочем, для того чтобы это произошло, он должен выбраться из Янайдара, а эту задачу, судя по всему, решить не так просто.

Эту безрадостную истину Север усвоил в первые же дни. Все двери, что вели в подземелья, как и дверь в его комнату, закрывались только снаружи, так что ни о каких ключах не могло быть и речи. Если он решится на побег, то двери придется выламывать, а на это мог пойти лишь глупец. К тому времени как он выберется в коридор, сюда уже сбежится стража со всего дворца, и ни одному воину, даже опытному, ловкому и умелому, с такой толпой не справиться.

Тем не менее Вожак неустанно искал пути к свободе, ибо понимал: в любой день все может измениться. Ясно, что Уру не поверил ему, но также не подлежало сомнению, что его люди обыщут каждый локоть из тех сорока лиг, что отделяют ущелье Духов от Янайдары. Наверняка они и сейчас занимаются этим, и если обнаружат спрятанные документы, головы Северу не сносить. Это означает, что время работает не на него. К тому же неизвестно еще, что там с Соней... Вожак упрямо тряхнул головой, отгоняя воспоминания о возлюбленной.

Итак, ему необходимо получить разрешение выходить в город. Север уже знал, что не все гладиаторы живут в подземельях. Те, кто выдержал не менее полусотни боев, живут в городских казармах и в свободное от поединков время могут гулять по Янайдару. Казалось бы странно, что никто не пытается убежать, но Север не удивлялся. Он знал, что подавляющему большинству гладиаторов высокого ранга даже нравится такая жизнь. У публики были свои любимцы, и потому те, даже проиграв бой, оставались в живых, чтобы снова и снова собирать зрителей.

Вожак прекрасно понимал, что должен приобщиться к ним. Это был кратчайший путь на свободу. С Пагом у него сложились почти приятельские отношения. Для тюремщика его подопечный стал воистину золотым дном: ставя на него солидные суммы, Паг ежедневно пополнял свой карман. Но ускорить ход событий тюремщик не мог. Оставалось только ждать.

Глава третья

оня долго смотрела вслед бородачам, но возлюбленный так и не подал признаков жизни. Немного успокаивало красавицу лишь то, что его все-таки привязали к коню, а покойников так не возят. Когда отряд латников скрылся из виду, разбойники подняли Соню и тоже привязали к седлу. При этом они суетились, отпускали гнусные замечания, без стеснения обсуждая многочисленные достоинства девушки и то, что каждый из них с удовольствием проделал бы с ней. Они искоса поглядывали на пленницу и отрывисто похотывали, видимо желая показать, что шутят. Глаза их восторженно горели, и в них читались и похоть, и страх.

Соню окружало человек тридцать, остальные уехали раньше. Все на конях, с сетями и арканами, повешенными на луки. «Снаряжение не убрали, значит, ехать им недалеко», — подумала пленница. Конечно, трудно ждать от тупых дикарей аккуратности, но их начальник, туранец, которо-

го Соня разглядела только сейчас, производил впечатление человека опытного и серьезного. Туранцы же, воительница знала это не понаслышке, не терпят расхлябанности. Он слегка покачивался в седле, с легкой ухмылкой прислушиваясь к разговорам, не осуждая и не одобряя их.

Всю дорогу Соня молчала. Она стиснула зубы и уставилась на приплюснутый затылок ехавшего впереди нее разбойника. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, воительница сосредоточенно прикидывала, с каким наслаждением переломила бы ему шею. Она прекрасно понимала, что все эти похотливые взгляды и скабрзные замечания рассчитаны именно на то, чтобы унижить ее, а значит, лучшее, что она может сделать,— просто не обращать на них внимания. Очень скоро разговоры утихли, шутки перестали казаться удачными самим шутникам, и поток пошлостей иссяк.

Как же глупо все получилось! Они-то думали, что самое трудное — проникнуть в замок, найти бумаги и выбраться живыми назад! Оказалось, что это всего лишь начало... Знать бы заранее, что на них начнут охотиться все кому не лень, ушли бы по руслу Безымянной... Да хоть в Зембабве! Там-то уж их наверняка никто не ждал! При мысли о том, что их не только преследовала погоня, но и поджидала засада, Соня разозлилась. Ну, с погоней все понятно. Рано или поздно, йезмиты должны были попытаться настичь беглецов и вернуть похищенное. С Юргом и Ярой тоже все более или менее ясно. Не до конца,

конечно, но все же именно их люди помогли отбиться от йезмитов. Правда, девушка подозревала, что стрела, которая унесла жизнь Мурзю, предназначалась ей, но над вопросом, кому это было нужно, голову пока ломать бессмысленно.

А вот дальше события разворачивались все более и более странно. Никак она не ожидала нарваться на засаду, устроенную широкоплечими коротышками, никак не думала, что у них на это хватит ума. Похоже, стычка в Яме кое-чему научила их. Притащили сети, арканы и вооружились пращами... Поняли, что Севера на расстояние удара подпускать нельзя. Впрочем, быть может, это замысел туранца? Соня задумалась. Эти разбойники ведь не сами пришли сюда. Не устроили же они погоню, когда Север, Гана и Соня покинули Яму. Что же им понадобилось теперь в Иранистане? О боги! Ханторэк! Шадизарка почувствовала, как злость волной поднимается в душе. Они-то с Севером посчитали его просто завистливым дураком...

— Эй, как тебя? — намеренно грубо окликнула она туранца.

Тот обернулся на зов, но так неторопливо, что пленнице захотелось убить его.

— Я чем-то могу помочь? — насмешливо поинтересовался он.

Соня стиснула зубы и заставила себя успокоиться.

— Можешь, если ответишь на вопрос,— наконец сказала она.— Куда ты меня везешь и кто тебя нанял?

— О-о! Это целых два вопроса! — усмехнулся он, а его подручные с готовностью засмеялись.

— Я рада, что среди этого сброда,— она обвела отряд презрительным взглядом,— хоть один умеет считать.

Туранец посмотрел в ее злые глаза и хотя улыбаться не перестал, что-то все-таки изменилось в его лице.

— Ладно,— кивнул он примирительно.— Ханторэк меня нанял. Не вижу смысла скрывать, раз он сам скоро заявится. А едем мы в замок, что я купил для тебя,— ответил он на второй вопрос.— Это здесь неподалеку.

— И ты служишь Ханторэку?! — пренебрежительно фыркнула Соня.— Он же дурак набитый!

— Не мне судить о хозяине,— равнодушно заметил туранец.— Я его совсем не знаю... Пусть дурак,— он пожал плечами,— зато богатый дурак. Верно, парни?! — обернулся он к разбойникам, и те снова захохотали.

Соня смерила их презрительным взглядом и умолкла. Впрочем, все, что хотела, она узнала. Значит, все-таки Ханторэк... Ей хотелось и смеяться, и плакать, и выть от злости. Обвести вокруг пальца йезмитов и даже не подумать о том, на что способен этот негодяй! Воистину, нет вершины, которой не достигнет груженный золотом осел!

Воспоминание о том, как они попали в засаду, вернули мысли девушки в прежнее русло. Янайдарцы... Как ни опасались они встречи с поклонниками Уру, избежать ее не удалось. Да и встреча-то, судя по всему, оказалась не случайной.

Ведь они забрали Севера... Они и ехали за ним! Оставили ее разбойникам из Ямы, а его забрали с собой. Откуда они вообще узнали про Севера?

На миг она задумалась и почти сразу поняла, что если между Янайдаром и крепостью в ущелье Духов существует достаточно быстрая связь, то ничего удивительного в этом нет. Странно, правда, что они не искали бумаги, а забрали Севера, даже не взглянув на нее. Впрочем, судя по тем людям, с которыми они имели дело в замке, йезмиты так же глупы, как и похитившие ее разбойники.

Тогда не мудрено, что они ничего не сообщили своим союзникам ни о документах, ни о ней. Впрочем, ее-то, может, действительно никто не запомнил, потому что из тех, кто ее видел, в живых, скорее всего, никого не осталось.

Впрочем, не это сейчас главное. Севера голыми руками не возьмешь. Он наверняка придумает, как выкрутиться. А ей, Соне, неплохо бы позаботиться о себе.

— Ну и когда приедет наш набитый золотом ишак? — поинтересовалась она.

— Не терпится? — хмыкнул туранец и, не будь ее руки связаны, Соня удавила бы его.— Не знаю,— сказал он уже серьезно.— К закату приедем в замок, утром пошлю гонца, а там...

Он пожал плечами, всем своим видом показывая, что дела хозяина его не заботят. Соня кивнула и успокоилась. Что ж, хорошо хоть, что время у нее еще есть. Несколько дней, пожалуй, даже седмицу, ей ничего не грозит, и она успеет придумать, что делать.

Она совсем было воспряла духом, но тут же вспомнила о Пайре... Этот-то как тут оказался? Уж он-то никак не должен был знать о том, куда они направляются, когда и зачем! Или он как-то связан с Ханторэком?.. Она задумалась. Пожалуй, нет. Скорее уж, с Юргом или Ярой... С кем-то из этих предателей... Ну, она еще во всем разберется. Вернуться бы только в Логово!

Служитель Митры оказался редкостным негодяем. А ведь он понравился ей тогда, при первой встрече в Шадизаре. «Одно слово — митрианец», — подумала она и тут же осеклась. Но ведь от смерти ее спас Мурзио — бродячий жрец учения Митры. М-да... Где Пайр обретается? Кажется, в Ианте? Если ей доведется побывать в этом городе, уж она постарается отыскать жреца. Эту встречу он никогда не забудет.

— Ну вот и приехали!

Голос туранца вывел девушку из задумчивости. Соня и не заметила, как они въехали на мощный растрескавшимися каменными плитами двор и остановились перед большим каменным домом с одинокой башней, возвышавшейся в правом углу. Черепичная крыша носила следы поспешного и не слишком аккуратного ремонта. Почему туранец назвал дом замком, Соня так и не поняла.

Другое дело — услышать такое от Хвама. По сравнению с их гнилыми лачугами этот дом и впрямь дворец. Правда, ограды вокруг дома не было. Видно, давно развалилась, так что двор, строго говоря, превратился в площадку. Как ни стран-

но, но посредине площадки бил чудом сохранившийся фонтан, изливавший пахнущую тухлым болотом воду в заросший тиной бассейн. Весь отряд спешился. Слез с коня и туранец.

— Спустите ее на землю! — скомандовал он и, взяв пару коней под уздцы, направился в сторону от дома.

К Соне подбежали двое и попытались помочь ей.

— Вы! Петухи с навозной кучи! Осторожнее! — закричала она.

Остановившись, туранец обернулся и окинул девушку внимательным взглядом.

— К дому ее, — приказал он, когда ноги Сони коснулись земли. — Отведите пленницу наверх и развяжите, — добавил он и пошел дальше.

Перед Соней отворили дверь, и она ступила в просторный зал. У дальней его стены расположился камин. Посреди зала девушка увидела стол, на котором стояли пара подсвечников, серебряный кувшин с вином и пара кубков. Серая облезлая кошка терлась тощим боком о кувшин, словно вино предназначалось именно ей. От голых стен пахло сыростью, по углам с потолка свисали клочья паутины. Соня обозлилась. И ей придется жить в этом свинарнике, как бы там его ни называл туранец!

— Руки развяжите! — капризно потребовала она, прикидывая в уме, сколько разбойникам понадобится времени, чтобы расседлать всех коней.

Она обвела троих сопровождавших ее коротышек требовательным взглядом и, видя, что те колеблются, добавила:

— Вы что, не слышали, что приказал господин? Развязать и проводить наверх,— повторила она слова туранца.

Один из троих вытянул из ножен кинжал и разрезал веревки, стягивавшие запястья девушки. В тот же миг тяжелый бронзовый подсвечник оказался в руках пленницы, а еще через миг его основание угодило прямехонько в висок доброхоту. Громко охнув, коротышка повалился на пол. Один из его приятелей растерялся, зато второй, взревев, бросился на девушку.

— Тварь рыжая! — заорал он, выхватывая кинжал.

Соня, однако, действовала значительно быстрее. Она знала одно: ей нужно прорваться к коням, а эти трое стоят у нее на пути. Разбойник успел сделать всего шаг, а воительница уже обжала вокруг стола и с разворота метнула каминные щипцы, изогнутые острия которых попали точно в глаза нападавшего. Он нелепо взмахнул руками и повалился навзничь. Видя, что третий противник не опасен, Соня бросилась к выходу. Она уже потянулась к ручке, когда дверь распахнулась... На пороге стоял туранец.

— Привет! — улыбнулась шадизарка, и ее маленький кулачок врезался в нос туранца, смяв его в лепешку.

Туранец охнул и присел, а толпившиеся за его спиной вояки ринулись внутрь. Беглянка отпрянула и заметалась по залу. Рыча, как разъяренная рысь, она пнула одного, залепила в глаз другому, не забывая при этом оглядываться, чтобы отыс-

кать путь к спасению. На окнах решетки, вторая дверь, видимо, ведет наверх... К Нергалу! Она бросилась к выходу, и в этот миг сеть накрыла ее. Соня ударила еще одного из подскочивших коротышек, но уже вяло. Кто-то бросился на пол и схватил девушку за ноги. Она поняла, что попала, и перестала сопротивляться. Двое дюжих громил схватили ее за руки. Туранец подошел и остановился в двух шагах.

— Признаюсь, ты удивила меня,— неожиданно спокойно прогнусавил он, зажимая рукой окровавленное лицо.— Только отвернулся — и два трупа.

— Заткнись! — огрызнулась она.— Я вас всех перебью, уроды.

— Нельзя грозить всем подряд,— возразил туранец.— Угроза просто теряет смысл.

— А тебе, ублюдок туранский, я в следующий раз башку оторву! — пообещала девушка.— Я вообще теперь не буду оставлять обидчиков в живых.

— Ты не перепутала, кто хозяин положения? — удивился туранец.

— Еще грозит, дрянь... — проворчал Хвам, ощущая подбитый глаз.— Пустить ее по кругу, и все дела!

— Нет! — возразил туранец.

— А я не понимаю,— воскликнул Хвам, обращаясь за поддержкой к своим друзьям,— отчего этот ублюдок туранский командует нами?! — повторил он, видно, понравившиеся ему слова пленницы.

— Именно потому, что не ты здесь главный! — ответил туранец, видя, что соплеменники Хвама хоть и ропщут, но открыто своего вожака пока не поддерживают.

Соня стояла неподвижно, стараясь скрыть страх под маской высокомерия, и только презрительно улыбалась.

— Ты даже не помог нам ловить ее, хитрован! — поддержал брата Хобо.

— Гоняться за взбесившейся бабой? — пренебрежительно хмыкнул туранец. — Второй раз получить по морде, лишиться глаз и, быть может, жизни, как ваши незадачливые приятели? — Он кивнул на покойников, лежавших у камина и возле стола. — Благодарю покорно! За это хозяин платит вам! Мое дело командовать!

— Командовать?! — не на шутку разъярился Хвам. — Ты посмотри, как она Дуга по башке подсвечником огрела! Парень охнуть не успел! По кругу ее! — повторил он, и остальные зароптали уже громче.

— Я вам что приказал?! — угрожающе прорычал туранец. — Проводить пленницу вверх и развязать. А вы что сделали? Развязали и чуть не упустили! Да за это вас освежевать мало! — Он выхватил меч. — Убирайтесь отсюда все! Быстро! А то снесу пару голов — быть может, остальные лучше соображать будут!

— Ну смотри, девка, — хмуро пригрозил Хвам, уходя.

— Пошел вон, недомерок проклятый! — огрызнулась она.

Разбойники медленно, один за другим покидали зал. Каждый, прежде чем выйти, оглядывался, но, пожалуй, только в глазах Хвама и Хобо девушка видела едва сдерживаемую ненависть.

— Вот зараза, — прошипел Хобо.

— Наверх ее! — велел туранец, не желавший больше рисковать. Зажимая платком кровоточащий нос, он направился следом.

Соне завязали глаза и повели по винтовой лестнице. Она не считала ступеней, но обрадовалась, когда наконец лестница закончилась. Повязку с глаз сняли, и девушка увидела массивную дубовую дверь с небольшим зарешеченным окошком. Соню впихнули внутрь. Дверь за спиной мгновенно захлопнулась, и ключ провернулся, закрывая замок.

— Ждите меня внизу, — распорядился туранец, и Соня услышала постепенно удалявшиеся шаги. — Я остался только затем, — сказал он пленнице, — чтобы посоветовать тебе не горячиться. Еще одна такая выходка, и я не сумею удержать их... — Он потрогал разбитое лицо. — Да, быть может, и не захочу!

— Все будет нормально! Не вешай нос! — подмигнула она, со злорадством глядя, как он в досаде закусил губу.

— Мое дело предупредить. Мне заплатили деньги за тебя... За живую, — мстительно добавил он, — но я в крайнем случае могу обойтись и задатком.

Он замолчал, выразительно посмотрев на девушку, и до Сони начал наконец доходить смысл

его слов. Да и пыл драки прошел, и она сообразила, что ее положение на самом деле гораздо хуже, чем она думала вначале. Она совершенно не боялась Ханторэка. По правде говоря, она даже не понимала, на что рассчитывает Глаз Логова. Прекрасно зная, как Соня ненавидит его и как мастерски владеет воинским искусством, он мог бы прикинуть, что, очутившись не по своей воле в его постели, девушка просто свернет ему шею. Значит, он еще глупее, чем она считала... Но теперь оказалось, что и она не может похвастать сообразительностью. Иначе не стала бы так злить тюремщиков.

— Наконец-то до тебя дошло,— не без ехидства произнес туранец, видя, как девушка побледнела.— Как теперь себя чувствуешь?

— Отлично! — яростно прошипела она.— Но буду чувствовать себя еще лучше, если ты догадаешься дать мне хоть немного поесть!

— Проголодалась! — хмыкнул он и добавил уже серьезно: — Когда тебе принесут еду, отойди к противоположной от двери стене. Поднос заберешь, когда дверь закроется. И не дразни стражников. Они не слишком умны, зато очень сильные, и боюсь, что второй раз не смогу обуздать их.

— Проваливай! — огрызнулась Соня.

— Вот и договорились.

Оставшись одна, Соня осмотрелась. Квадратная комнатка со стороны локтей в шесть. Не слишком просторно... Впрочем, для одной и не тесно. Низкая лавка, заменявшая кровать, стол, кресло и пара стульев составляли обстановку.

Интересно, зачем ей столько стульев? Не иначе, чтобы принимать Ханторэка...

Она усмехнулась. Кровать ей, кресло ему, а стулья, судя по всему, предназначались двум телохранителям, которые должны наблюдать, чтобы она не повредила чего-нибудь своему хлипкому любовнику!

Соня зло расхохоталась. Ей захотелось, чтобы он немедленно пришел сюда — уж она бы ему устроила... Почувствовав в ладонях нестерпимый зуд, девушка сцепила пальцы и нервно поежилась. За дверью послышались тяжелые шаркающие шаги. Соня отвернулась и быстро отошла к окну, не желая даже смотреть на своих тюремщиков. Шаги затихли, дверь отворилась. Кто-то вошел и что-то поставил на стол.

— Вот так-то лучше,— услышала она знакомый насмешливый голос, и кровь бросилась ей в лицо.

Она стремительно развернулась, подхватила стул и швырнула его в ненавистного туранца. Дверь стремительно захлопнулась.

— Приятного аппетита! — послышалось из коридора, и тюремщики, гогоча, удалились.

Соня без сил опустилась в кресло и закрыла глаза. Немного успокоившись, она подумала, что не худо было бы обследовать комнату, чтобы прикинуть, нельзя ли отсюда как-то выбраться. Она подошла к единственному окну, расположенному как раз напротив двери. Отворив створки, пленница увидела крестообразную решетку. Свежий воздух хлынул ей в лицо, освежая пылавшие ще-

ки. Не задумываясь, Соня взялась за бронзовую перекладину и осторожно подергала ее.

— Не-а! — услышала она донесшийся со двора голос. — Не получится. Крепкая.

Вот дрянь! Девушка едва сдержалась, чтобы не нагрубить в ответ, и, отступив в глубь комнаты, снова села в кресло.

Сколько раз Север объяснял ей, что в мгновения опасности действовать нужно осмотрительно, с холодным сердцем, так ведь нет! В замке она растерялась, из-за чего оба едва не погибли, а теперь, вместо того чтобы притвориться покорной, обмануть всех и, дождавшись удобного момента, сбежать, ринулась напролом, так что теперь за ней будут следить особенно тщательно.

Похоже, ее не выпустят из этой комнаты до приезда Ханторэка, а заявится он неизвестно когда! Но даже это не слишком бы волновало девушку, не тревожась она за Севера, которого латники увезли неизвестно куда. А она, глупая, наделала уйму ошибок, хотя прекрасно знала: отсюда, из-за решетки, помочь ему ничем не сможет.

Пленница еще раз осмотрелась. Ее окружали голые стены. Дверь и окно — единственные выходы наружу, но дверь на замке, а окно закрыто прочной решеткой. Соня опять встала, подошла к окошку и остановилась справа от него. Осторожно выглянув наружу, прикинула высоту — локтей тридцать, а то и все тридцать пять. И ни скатерти, ни портьер, ни постельного белья. Видно, все-таки туранец опасался, что она сплетет из разорванных на ленты простыней веревку и как-

то сумеет спуститься по ней из окна. Хитрый гад... Наверняка сети, арканы и пращи — тоже его придумки. Его или Ханторэка.

На миг ее охватило отчаяние. Что делать? Все оружие, кожаные штаны и замшевую рубаху у нее отобрали, оставив только едва прикрывавшие тело доспехи да невысокие сапоги. Украшения, правда, тоже при ней, но что от них проку?

За окном стемнело, и теперь свет давала только лампа, до краев наполненная свежим маслом. Соня сняла с шеи подаренный Севером медальон и открыла его. Левую его половинку занимало зеркальце, на второй красовался ее портрет, написанный еще летом. С обеих половинок на нее смотрело одно и то же лицо — никаких отличий. Да и что могло измениться всего за несколько лун? Вот только взгляд погрустнел... Всего пару раз за прошедшее с той поры время она пробовала воспользоваться советом возлюбленного — все некогда было. Теперь же ей вдруг это занятие и вовсе показалось бессмысленным. Она впервые осознала, что женщина жива любовью, и поняла правоту Хэлдира. В самом деле, зачем ей бессмертие без любви?

Она вынула рисунок, за которым находился выполненный эмалью портрет Севера. Чистый прямой взгляд проник ей, казалось, в самую душу. Соня едва не задохнулась от невыразимой нежности. Даже портрет любимого, и тот пытается ободрить ее, а сам он...

Соня неожиданно почувствовала, как подбородок ее едва заметно дрогнул. Этого еще не хватало!

Она несколько раз глубоко вздохнула и прикрикнула на себя: «Ну же, Соня, возьми себя в руки!» Девушка еще раз с любовью посмотрела на родное лицо и быстро вернула свой портрет на место. Медальон щелкнул, скрепляя обе половинки.

Пленница задумчиво выпила немного сладкого пальмового вина, съела персик и поняла, что больше не может проглотить ни кусочка. Тогда она пересела на лавку. Как бы там ни было, а нужно выспаться, чтобы отдохнуть, отвлечься от дурных мыслей, а там, глядишь, и придумает что-нибудь стоящее.

Соня вытянулась на струганых досках и закрыла глаза. Прежде ей доводилось проводить ночи и в худших условиях. Главное, что тепло. Она положила щеку на локоть и почувствовала, как вдруг отяжелели веки. Усталость взяла свое, и девушка провалилась в сон, как в омут.

Непроглядная тьма окружала ее со всех сторон, и ни единая мысль не тревожила утомленного сознания. Ни тревог, ни горестных воспоминаний. Так прошла почти вся ночь, и лишь когда солнце начало прощупывать первыми лучами горизонт, что-то неуловимо изменилось.

Тени начали приобретать еще смутные формы. Понемногу расплывчатые силуэты слились в два образа, неотличимых друг от друга, как братья-близнецы. Спящий разум по-прежнему равнодушно наблюдал за ними. Вскоре, однако, Соня заметила, что одна из фигур светлеет, в то время как вторая, словно всасывая сброшенный первой избыток тьмы, наливается мрачной силой.

Сердце девушки забилося учащенно: она увидела... Севера. С сумасшедшей скоростью дни сменялись ночами, а Соня наблюдала, как его везут по широкой, казалось, бесконечной каменистой долине. Она видела, как он встречается с какими-то людьми, сражается, одерживает победы. Она не слышала звуков, а потому изо всех сил пыталась сосредоточиться на образах, чтобы понять, что происходит, но одна картинка, не успев толком проясниться, исчезала, и на ее месте тут же возникала другая.

Соня так и не поняла, когда, в какой миг из небытия начала наплывать тьма. Она вздрогнула и принялась искать взглядом второй силуэт. Повинуясь ее желанию, темное облако сгустилось и оформилось в зловещую черную фигуру, скрытую от взгляда длинным плащом с надвинутым на голову капюшоном.

Однако, сколько девушка ни вглядывалась, лица она так и не увидела. На мгновение ей только почудилось, что в глубине капюшона сверкнули темным пламенем две черные точки, и все. Казалось бы, ничего страшного, и все-таки от странной фигуры веяло первобытным ужасом и мраком небытия.

Едва Соня подумала об этом, как Тень угрожающе двинулась к Северу. Девушка кожей чувствовала исходящую от Тени угрозу, но и Вожак уже заметил противника, однако не испугался, и тогда Тень начала расти... Она наполнялась силой, угрожающе нависая над человеком, чуть ли не вдвое превосходя его ростом.

Соня пыталась и не могла понять, что все это означает. И в тот миг, когда Тень склонилась к своему врагу, девушка вдруг ощутила, что времени катастрофически не хватает. Что нужно что-то делать, только вот что? «Как что? Бежать к нему на помощь!» — подумала она, просыпаясь, и открыла глаза.

В первое мгновение шадизарка не могла понять, где находится. Она лежала на спине, смотрела на потемневший от времени потолок, и по-немногу память о том, что произошло накануне, возвращалась к ней.

Тогда пленница задумалась о своем странном сне и попыталась осмыслить мелькавшие перед ней картинки, а главное — окончание сна. Если отбросить вполне естественную мысль о том, что все привидевшееся ей — лишь бред, плод воспаленного воображения, то получалось так, что кто-то показал ей череду еще не случившихся событий...

Она хорошо помнила самое начало сна — Север сидит на коне. Это она не раз видела и наяву... Правда, Соня хорошо помнила, что Вожак ехал на коне один, но ведь и когда он сражался, она видела только его, а противники оставались вне поля зрения.

Поразмыслив об этом, девушка сообразила, что если неведомый доброжелатель и пытается предостеречь ее от чего-то, то ему вполне достаточно показать Севера и каким-то образом дать ей понять, как скоро над ее любимым нависнет смертельная угроза...

Тут она невольно вспомнила, как Тень, приняв вид человека в плаще, внезапно выросла и действительно *нависла* над Севером! Волна озноба прокатилась по телу Сони: именно тогда ведь к ней пришло ощущение, что времени осталось совсем мало и его может не хватить... И Тень была единственным, кроме Севера, образом, который ей показали!

Показали? Но кто? Кто мог это сделать? Разара? Нет... Соня почему-то не сомневалась, что этого не может быть. Оставалась еще Халима, но в ее попытку помочь девушка верила еще меньше. К тому же, если бы кто-то в Логове и обладал такой возможностью, их наверняка предупредили бы заранее, а никто и словом не обмолвился. Да и Вестница должна была не только наблюдать за всем происходящим и предупреждать об опасности, но и в случае провала ей пришлось бы вернуться в Логово за помощью.

Кто же тогда? Хэлдир! Соня даже удивилась, что не подумала о нем в первую очередь. Впрочем... Ведь и с Хэлдиром они виделись перед отъездом, но и он, как и Разара, не обещал никакой особой поддержки.

Но если и не он, так кто еще? Соня опять задумалась. Как бы то ни было, но она все-таки права: весточка, если это действительно весточка, могла прийти только из Логова или от Хэлдира. От кого же?

Девушка взяла со стола медальон, надела его на шею и совершенно случайно коснулась камня кулона.

«Ну конечно же, Хэлдир!» — мгновенно вспыхнуло в мозгу. Соня знала, что любой магический предмет неразрывно связан с создавшим его магом. По крайней мере, пока тот жив. Каким образом старый хитрец умудрился разузнать об их неприятностях, оставалось непонятным, но в том, что тревожный сон — послание от него, она теперь не сомневалась. Значит, он и Северу может подсказать, что беда близко...

О, Бел! Сердце девушки едва не остановилось. Так ведь Север оставил свой амулет на ларце с картами! Тогда они беспокоились лишь о том, чтобы бумаги, добытые с таким трудом, никто не нашел, а ее камень должен был оберегать их обоих, но только пока они вместе...

Соня медленно села. Кто из них думал тогда о каких-то таинственных незнакомцах, преследовавших Севера, да и ее тоже! Девушка вспомнила о загадочной, необъяснимой смерти родителей и о странных людях, которые охотились за ней самой. Из-за этого ей приходилось постоянно переезжать с места на место, нигде подолгу не задерживаясь, и только в Шадизаре она смогла наконец перевести дух. Поначалу она не поверила в такую удачу и до сих пор не понимает, почему ее вдруг решили оставить в покое.

Насколько Соня могла судить, нечто похожее происходило и с Севером, с той лишь разницей, что Вожак, видимо, знал, кто преследует его и почему. И он тоже постоянно перемещался, а отсиживался в Логове. Теперь же его взяли в плен, а это значит, что он останется на одном

месте надолго. Очень надолго, если только не сумеет сбежать... И Соня сильно сомневалась, что если его увезли в Янайдар, то Уру — или кто там еще! — станет защищать его так же, как защищали стены Логова при покровительстве Ордена!

Чем дольше девушка размышляла, тем больше все это казалось ей правдой... Очень неприятной правдой! Значит, Хэлдир своими средствами попытался предупредить ее о том, что над Севером нависла большая угроза и времени осталось в обрез. А, кстати, сколько?

От волнения во рту пересохло. Соня пересела к столу и налила в кубок вина, отпила глоток и недовольно поморщилась. Сладкий густой напиток ничуть не освежал. Она предпочла бы сейчас свежей холодной воды. Взяв персик, девушка надкусила кожуру и пососала мякоть — и то лучше.

Так сколько же у Севера осталось времени? Она вновь попыталась припомнить свой сон. Сценки боев Вожака (судя по всему — дней) сменялись темными промежутками (ночами). Сколько их пронеслось перед глазами? Она сосредоточилась, но отчетливо припомнила только первую картинку в долине и последнюю, самую тревожную. Все остальные, вмещавшие в себя ежедневные поединки, слились для нее в нескончаемую череду.

То, что их промелькнуло больше десятка, совершенно точно... Пожалуй, даже больше двадцати, но вот насколько больше? Нет, на этот вопрос она не могла ответить. Зато ей стало предельно ясно, почему Хэлдир не выделил хоть какой-нибудь день. Ни один из них просто не имел значе-

ния сам по себе. Только все вместе они давали представление об оставшемся в запасе времени. Так все-таки — сколько?

Соня закрыла глаза и попыталась еще раз припомнить ту первую картинку, что лучше других сохранилась в памяти. Через несколько мгновений это ей удалось, и девушка увидела Севера на дне исполинского каньона. Сколько длилось действо? Ровно столько, сколько понадобилось Соне, чтобы убедиться, что это он. Все остальные оказались пусть не намного, но короче. Словно повинаясь ее воле, картинки закружились перед глазами, а она с замиранием сердца смотрела и только старалась мысленно отмечать — десятый день... Двадцатый...

Картинки замелькали быстрее, и вдруг видение оборвалось. Соня так и не поняла, сколько получилось. Похоже, чуть больше двадцати. Значит, три, самое большее четыре седмицы для того, чтобы сбежать от ямских увальней, отыскать этот проклятый Янайдар и вызволить Севера. М-да...

«А все этот ублюдок — Ханторэк!» — с внезапной яростью подумала девушка. Если бы не нанятые им разбойники, засевшие в зарослях, они, несомненно, оторвались бы и от погони, высланной из Янайдара! Да, Ханторэк явно постарался. Подсказал туранцу, как устроить засаду, чтобы ее не обнаружила сверху Вестница. Небось и про волков рассказал, а уж туранец сообразил, как избавиться от запаха! Соня сжала кулаки и нахмурилась. Попадись ей сейчас Ханторэк, он

навверняка пожалел бы, что в первый же после шадизарской встречи день не забыл о ее существовании!

Девушка упрямо тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. Итак, окно недоступно. Решетку не выломать, не стоит и стараться. Значит, остается дверь. Правда, она заперта, но ведь замок — не решетка. И не беда, что у нее нет ключа. Ведь еду пленнице приносят, значит, дверь открывают не меньше трех раз в день. Главное теперь — не торопиться.

Сначала нужно попытаться выяснить, сколько их явится утром, когда ей принесут завтрак. Потом прикинуть, как разобраться с ними, а это не так просто, если учесть, что оружия у нее нет, а действовать придется тихо и быстро.

Тут девушке пришло в голову, что даже сейчас рядом с дверью может находиться страж, которого она просто не слышит. Если так, то ее задача усложняется. Впрочем, это легко проверить. Соня встала, неслышно подошла к двери, сняла с шеи медальон, открыла его и тихонько просунула зеркальце сквозь решетку окошка. Медленно поворачивая его, она осмотрела сперва правую, а потом левую сторону коридора и вернулась на прежнее место. Хвала Огненному Цветку, опасения ее не оправдались! Налево коридор уходил на два шага и заканчивался тупиком. Справа через те же два шага начиналась уводившая вниз и сворачивавшая за угол лестница. Очень хорошо. Если здесь никто не сторожит, то навверняка и вся лестница не охраняется.

Итак, не торопиться и не наделать новых ошибок. Тем более что после вчерашней выходки к ней неизбежно станут относиться настороженно. По крайней мере, первые несколько дней. Впрочем, так ли глупо она себя вела? По собственному опыту Соня знала, что удачными, как правило, оказываются решения, принимаемые либо спонтанно, под действием некоего озарения, либо тщательно взлелеянные, до тонкостей продуманные. Конечно, второй путь позволяет обойтись почти без риска, зато первый бережет время. Жаль, что на этот раз сорвалось...

Но есть еще два пути: соблазнение и подкуп. Соня задумалась, старательно оценивая оба, и хотя каждый из них казался заманчивее драки, решительно отказалась от первого.

Туранец умен и наверняка проследит за тем, чтобы никто не подходил к ней слишком близко: он бережет ее для Ханторэка. Что же касается подкупа, то тут, пожалуй, можно попробовать. Она наверняка способна заплатить своим тюремщикам вдсятеро против того, что пообещал им прижимистый Глаз Логова.

Пленница слегка воспряла духом, но тут же спохватилась, что все ее деньги остались в Шадизаре, а до него... Камни же, прихваченные у иезмитов, она ни за что не отыщет, не стоит и стараться.

Плохо дело. У нее всего три седмицы и, может быть, еще несколько дней в запасе. Ханторэк приедет не раньше чем дней через десять, значит, не позже чем через седмицу она должна выбраться

отсюда. Еще седмица уйдет на поиски Янайдара, а на то, чтобы вызволить из неволи Севера, останется еще одна.

Впрочем, сперва нужно подумать о себе. Соня вдруг вспомнила, что перед тем, как увести наверх, ей завязали глаза. Конечно, это может оказаться простой игрой, попыткой потрепать ей нервы, испугать, чтобы она опустила руки, смирилась. А может, и нет...

И все-таки Соня надеялась, что к концу седмицы сумеет разузнать все необходимое. Если пару дней она проведет спокойно, выказывая должное смирение, прикидываясь сломленной, то, может быть, туранец начнет выпускать ее на прогулки. Пусть даже связанной и в сопровождении стражи. Она даже может пригрозить ему, что пожалуется Ханторэку на отвратительные условия, в которых ей пришлось дожидаться его приезда. Вряд ли тюремщик захочет гневить хозяина. Даже если ей вновь завяжут глаза, она сможет сделать то, чего со злости не сделала по пути сюда: считать шаги и запоминать, куда ее ведут и где поворачивают. И вот тогда, даже если ее станут водить тайными ходами, она сумеет после отыскать их. Останется только справиться со стражниками. «И непременно с первого раза,— напомнила себе Соня,— потому что второго просто не представится».

Хорошо еще, что хоть Гана спаслась. Если бы и ее подруга разделила судьбу Мурзио, она никогда не простила бы себе этого. Ведь именно она вопреки настояниям Севера вытащила девушку из Ямы, а значит, отвечает за нее. Жаль, конечно,

что погиб зингарец. С неожиданной нежностью Соня вспомнила его наивные, неубедительные попытки обратить их с Севером в свою веру во всеблагое Митру. И ведь он пожертвовал ради нее жизнью... Девушка невольно покачала головой. Похоже, прав Север, отрицая богов и признавая лишь власть Рока над судьбами людей. Хотя и не сумел жрец избежать смерти, но закончил свой жизненный путь не на ритуальном костре, а как подобает мужчине — пожертвовав собой, чтобы спасти ближнего.

Размышления девушки прервали донесшиеся из раскрытого окна звуки. Она быстро встала и, стараясь не показываться в проеме, прислушалась. Разговаривали кто-то из разбойников и туранец, но слов, как ни старалась, Соня разобрать не смогла. Почти сразу она услышала стук копыт по каменным плитам площадки перед домом. Девушка осторожно выглянула и увидела, как один из негодяев вскочил на коня и, махнув на прощание рукой, скрылся среди деревьев.

Все. Отсчет времени начался.

Глава четвертая

Нильнув к шее коня, Гана то и дело озиралась — далеко ли погоня? Она вцепилась в поводья, от страха даже позабыв о том, что конем нужно управлять, но умное животное само безошибочно находило дорогу. Только чуть позже, удостоверившись, что погони нет, девушка осознала, что восьмерка коней всего лишь привычно следует за Вулофом, а Вилва тем временем следит, чтобы никто не отбился и не отстал.

Деревья мелькали с головокружительной скоростью, и теперь беглянка уже больше боялась того, чтобы какой-то из низко нависших сучьев не сшиб ее. Она то и дело вздрагивала и наконец схватилась за гриву коня. Скаун вылетел на небольшую поляну, словно изгородью, обнесенную зарослями акации, и только здесь Вулоф остановился. Вилва забегала по кругу, заворачивая коней, заставляя их остановиться.

Некоторое время Гана продолжала лежать на шее коня, пока не поняла, что путешествие закон-

чилось. По крайней мере, на время. Тогда она выпрямилась в седле и осмотрелась. Семь коней окружили ее, тревожно переступая копытами: видно, они тоже чувствовали, что не все идет как надо.

Вулоф, прихрамывая, подошел к Вилве и лизнул ее в нос. Она ответила тем же и уселась рядом. Девушка еще раз посмотрела по сторонам и только теперь заметила Задиру, которая стояла на седле другого коня и озиралась, удивительно похожая на маленького растерянного человечка.

— Иди ко мне!

Гана протянула руку, крыса тут же прыгнула ей на ладонь, пробежала наверх и, устроившись на плече, возбужденно запищала, требуя сейчас же вернуться и выручить Соню с Севером.

— Ты умом повредила, — побледнев от страха, прошептала девушка. — У нас нет ни малейшей надежды...

— Скажи лучше, что трусишь! — вызывающе посмотрел на нее зверек.

— Конечно, я боюсь! — со вздохом призналась Гана. — Но разве ж в этом дело? Если мы и вернемся, меня тоже сцапают, и только, — закончила она, не в силах даже ответить на вопрос: кого она старается убедить, Задиру или себя?

Крыса возмущенно зафыркала, но сдаваться, похоже, не собиралась. Она обернулась к волкам:

— Ну а вы что молчите, серые?!

— Отдохни... — выдохнул Вулоф и улегся на траве.

Задира возмущенно зацокала и, быстро-быстро перебирая лапками, побежала вниз по платью

девушки, спрыгнула на траву, прыжками пересекла поляну и поднялась на задние лапы перед мордой огромного зверя.

— И ты трусил?! — гневно шевеля усами, вызывающе пропищала она и уперлась когтистыми лапами в бока.

— Вестница... Шалло... Вернутся... — отрывисто проговорил волк. — Скажут — где...

Задира не нашла, что ответить, жалобно пискнула и улеглась между волчьими лапами. Гана растерянно огляделась и не увидела ни одной вороны. Как странно... Этот серый зверюга, он что, умнее ее?

Девушка досадливо закусил губу, спрыгнула на землю и принялась расседлывать коней. Она наконец-то успокоилась, и вот тут ей стало по-настоящему страшно. Она вдруг почувствовала, что осталась совершенно одна, что друзья ее в плену и на ней лежит обязанность, которую никто на нее не возлагал, но которую она тем не менее должна исполнить, потому что никто, кроме нее, не в силах помочь Соне с Севером. Она должна сделать то, что потребовала от нее Задира, — пойти и выручить их. И от этой мысли ей стало совсем плохо.

Гана почувствовала, как мелко-мелко задрожали колени, и, чтобы как-то заглушить страх, достала бурдюк с вином, выдернула затычку и, жадно припав к нему, сделала несколько больших глотков. Ей слегка полегчало, и она, устроившись поудобнее, снова огляделась. Кони преспокойно щипали траву, волки отдыхали, крысы

нигде не было видно. Девушка успокоенно вздохнула — все, что угодно, но не сейчас — и начала потихоньку прихлебывать из бурдюка, чувствуя, как тревоги уходят, а по телу разливается благодатная истома.

Солнце уже клонилось к закату, когда черная тень промелькнула над поляной. Гана вздрогнула, но тут же улыбнулась, узнав Шалло.

— Др-рянь дело! — известила молодая ворона своих друзей, пристроившись на крупе одного из коней.

— *Где ты болталась так долго?! —* вскочив, зацокала Задира.

— Помолчи, кр-рыса, — огрызнулась Шалло. Задира попыталась достойно ответить, но Вулоф глухо заворчал, и она умолкла. — Соня р-рядом, — продолжила Шалло, — но стр-ражей много.

При упоминании о шайке Хвама Гана нервно поежилась и торопливо глотнула вина. Теперь, когда она поняла, как можно жить по-человечески, ей совсем не хотелось возвращаться в Яму.

— Сколько их? — спросила девушка.

— Не знаю, — помявшись, ответила Шалло.

— *Надо было пересчитать,* — оскалилась Задира.

— Не умею, — глухо проворчала Шалло и нахохлилась, а крыса пренебрежительно фыркнула и успокоилась, но тут же вновь оживилась:

— *Нужно немедленно ехать туда и все разве-
дать!*

У Ганы потемнело в глазах. Она уже порядком захмелела и расслабилась, и хотя страх прошел, но мысль о том, что нужно подниматься и ехать

на ночь глядя неизвестно куда, сильно не нрави-
лась ей. К тому же у нее хватало ума понять, что
пользы от ночной разведки, когда и рассмотреть-
то толком ничего нельзя, никакой.

— Нет!.. — коротко рыкнул Вулоф и тут же
пояснил: — Вестница... Рана...

Как только он замолчал, Вилва вскочила и
заметалась вокруг своего друга, присматриваясь
и принюхиваясь. Потом бросилась к его правой
задней лапе и хотела было вылизать рану, но,
как только притронулась к ней, Вулоф болез-
ненно вздрогнул, и ей пришлось отказаться от
своего намерения. Задира тут же подскочила к
девушке и возбужденно заверещала, требуя, что-
бы та осмотрела волка.

— Ты чего р-раскомандовалась?! — прокарка-
ла Шалло и привстала, грозно расправив кры-
лья.

— *Я здесь главная!* — проверещала крыска.

— Ха! Главная! — парировала Шалло. — Кр-
рыса!

— *Вор-рона!* — пропищала в ответ Задира, со-
вершенно непонятно как передразнив Шалло, и
обе умолкли, искоса поглядывая друг на друга.

Тем временем Вилва, отчаявшись помочь сво-
ему другу, подскочила к девушке и, осторожно
прихватив ее за руку чудовищными клыками,
потащила к Вулофу. Гана сообразила, что от нее
ждут помощи, склонилась над волком и осторож-
но расправила шерсть на его лапе. Ее взгляду
открылся кровотокающий разрез чуть меньше ее
мизинца длиной. Рана уходила в глубь мышцы,

но снаружи серьезной не выглядела. Тогда Гана начала осторожно прощупывать лапу вокруг раны, чувствуя, что всякий раз, когда нажимает чуть сильнее, зверь непроизвольно вздрагивает. Девушка знала, что Вулоф не причинит ей вреда, но ей было слегка не по себе. Наконец Гана нащупала уплотнение, но понять, что это такое, не могла.

— Что там? — спросила она, отчаявшись разобратся сама.

— Стрела... — рыкнул зверь. — Вынь...

— Да как же я?... — растерянно прошептала она.

— Ножом! Глупая девка! — каркнула Шалло.

— Ну, ты! Умная птица! — обиженно прикрикнула на нее Гана. — Только говорить научилась и уже хамишь?

— Как ты! — нахально ответила та, но на всякий случай отскочила подальше.

Неизвестно, чем бы закончилась эта дурацкая перепалка, если бы Вилва угрожающе не зарычала. Гана тут же направилась к вещевым мешкам, а Шалло вспорхнула на голову одного из коней и оттуда принялась наблюдать за происходящим.

Гана достала стилет с узким длинным лезвием и, хотя совершенно не представляла, как с его помощью собирается вытащить застрявший глубоко в ране наконечник, зажала его в руке и решительно пошла обратно. Однако стоило ей приблизиться к волку, от решительности не осталось и следа.

— Давай! — приказал Вулоф.

Первым делом Гана подхватила бурдюк и сделала несколько жадных глотков, словно резать собирались ее. Потом взяла нож и аккуратно ввела его в рану. Волк мелко задрожал, когда острое лезвие начало резать мышцу, сдвигая застрявший в ней наконечник. Зверь глухо рычал, его огромная лапа судорожно дергалась, сминая траву, однако ничего у Ганы не получалось. Она даже не сумела понять, в каком положении застрял наконечник. Все у нее перед глазами плыло, и от выпитого для храбрости вина, и от вполне понятного волнения. После недолгой борьбы она сдалась. Ее губы задрожали и, опустившись на траву, она тихонько заплакала от бессилия, обиды и злости на саму себя.

— Не могу-у-у...

Вилва подскочила к ней и угрожающе зарычала, недвусмысленно требуя, чтобы девушка закончила начатое.

— Не могу, — шептала Гана, закрыв глаза, чтобы не видеть страшного оскала.

Волчица обнажила огромные клыки, явно намереваясь заставить девушку сделать то, что от нее требуется.

— Ну, ты! Зубастый комок шерсти! — каркнула Шалло, спланировав на землю. — Сгинь! Я выну!

Вилва не ушла. Она удивленно посмотрела на ворону, но рычать перестала. Задира насупилась, ревниво наблюдая за происходящим. Шалло боком подскакала к Вулофу и, прыгнув ему на спину, осмотрела рану.

— Будет больно! — предупредила она. — Придется потерпеть.

— Терпеть... Ненавижу... — недовольно проворчал волк и замолчал.

Вулоф внимательно посмотрел на девушку.

— Дай!.. — рыкнул он, переведя взгляд на толстый сук, валявшийся на краю поляны.

Неверной походкой девушка сделала пару шагов, еще не понимая, зачем палка понадобилась зверю, нагнулась и подобрала ее, едва при этом не упав. У нее за спиной Шалло что-то недовольно проворчала о пьяных девицах, которым не мешало бы построже следить за собой и не сваливать на бедную ворону всю неприятную работу. Тирада получилась достаточно длинной и обидной, но Гана лишь расхохоталась в ответ, чем вызвала возмущенное попискивание Задиры и недовольный взгляд Вилвы. Взгляда волчицы она, правда, не заметила, зато наконец-то сообразила, что нужно Вулофу.

— Возьми! — сказала она так, словно обращалась к человеку, и протянула ему палку.

Волк открыл огромную пасть с клыками едва ли не в ладонь длиной, и девушка поспешно положила в нее кусок сухого дерева, а затем подхватила бурдюк и сделала еще пару хороших глотков.

— Держи! — хрипло скомандовала Шалло, и Гана беспрекословно подчинилась, крепко зажав в ладонях концы дубины.

Шалло лихо вскочила волку на ногу, вцепилась острыми когтями в толстую шкуру зверя и

с размаху вонзила длинный крепкий клюв в рану. Вулоф глухо зарычал и стиснул челюсти, да так, что сук затрещал и Гане пришлось напрячься, чтобы удержать его. Она уперлась пятками в землю и потянула сук на себя. Задира стремительно вскарабкалась на плечо девушки и возбужденно заверещала:

— Тебе очень больно? Да? Очень? Потерпи!

Крыса продолжала болтать без умолку, но девушка уже не прислушивалась. Она неотрывно смотрела на ворону, которая словно кивала, вонзая клюв все глубже и глубже. Каждое ее движение сопровождалось громким хрустом, и так продолжалось до тех пор, пока Шалло наконец на мгновение не замерла, давая себе передышку перед решающим рывком.

— Терпи, Вулоф! — пищала Задира. — Сейчас все кончится!

Вилва тихонько поскуливала и нетерпеливо переступала передними лапами, но вмешиваться больше не решалась. Кони, возбужденные запахом крови, метались по краю поляны, чувствуя исходящую от Вулофа волну боли. Вдруг Шалло напряглась, а раненый волк еще глубже вонзил в дерево клыки и глухо зарычал.

Расправив крылья, Шалло медленно раскачивалась. Дрожа всем телом, Вулоф жевал палку. Наконец ворона вскинула голову, и все увидели, что в окрашенном кровью клюве зажат наконечник. Не удержав равновесия, ворона каркнула и повалилась на спину в траву. Вулоф взревел, и челюсти его сомкнулись, перекусив полено. Зади-

ра громко заверещала. Не удержавшись, Гана упала, но тут же вскочила на ноги и зябко поежилась, живо представив, что эти зубы могут сделать с человеком, неосторожно вызвавшим гнев зверя. Вилва тут же подскочила к своему другу и принялась зализывать рану.

— Нужно выдавить немного крови, чтобы вымыть грязь,— сказала Гана, немного оправившись, и волчица тут же уступила ей свое место. Девушка осторожно надела на сочившуюся кровью рану.— Не больно?

— Приятно...— откликнулся волк.

Несколько раз Гана сдавила рану в разных направлениях, и всякий раз небольшие сгустки выплескивались наружу. Наконец девушка решила, что если грязь и попала в рану, то наверняка уже вымылась, но, когда обернулась, увидела рядом с собой Вилву с пучком каких-то трав в пасти.

— Разотри... Приложи...— как всегда кратко объяснил Вулоф.

Гана взяла траву и, пока волчица слизывала кровь, принялась разминать. Мясистые стебли брызнули соком, стекавшим к середине ладони, а она продолжала мять, пока трава не превратилась в остро пахнущую однородную густую массу. Вилва отступила на шаг, и девушка принялась залеплять уже переставшую кровоточить рану.

— Все,— наконец сообщила она.

Как только девушка поняла, что свое дело сделала и теперь ее оставят в покое, навалилась усталость. Гана почувствовала, что не в силах

бороться с желанием уснуть, которого до сих пор не замечала. Растянувшись на траве, она закрыла глаза и тут же провалилась в сон.

Вилва куда-то исчезла — видимо, отправилась на охоту. Ворона, крыса и волк остались втроем. Кони успокоились и теперь мирно паслись рядом.

— Ха! — запищала Задира, выскакивая из высокой травы на утопанную площадку перед Вулофом.— *Девчонка-то наша ни на что не годится! Придется все делать самим!*

— Самим! — передразнила ее Шалло и в три прыжка очутилась рядом с крысой.— Да что ты можешь!

— Гана — человек...— весомо заметил Вулоф, укладывая голову на передние лапы.

— *Я тоже!* — фыркнула Задира, встала на задние лапы, передними уперлась в бока и, победно посмотрев на волка, возбужденно зашевелила длинными усами.

— Ха! Человек! — выкрикнула Шалло, легонько ткнула Задиру клювом в затылок, и та шлепнулась на четыре лапы, очумело тряс головой.— На лапах не стоишь! — с издевкой каркнула ворона и на всякий случай вспорхнула на голову волку. Тот скосил на нее глаза, вздохнул и ничего не сказал. Восприняв его молчание как поддержку, Шалло оживилась.— Нам с тобой надо держаться вместе,— доверительно сообщила она Вулофу, настороженно наблюдая, как Задира приходит в себя.— Мы-то с тобой как раз почти люди. По крайней мере, разговариваем,— с гор-

достью добавила она.— Не то что всякие хвастливые крысы...

Вулоф взглянул на Задиру. Та уже очухалась и теперь, привстав, разглядывала коней, словно впервые увидала их.

— *Ненавижу лошадей*,— хмуро сообщила она.— *И вообще всех, кто крупнее меня*.— Она перевела взгляд на Вулофа, и, когда увидела на его голове Шалло, черные бусинки глаз сверкнули в лунном свете: — *Ворон ненавижу больше всех!*

Шалло что-то невнятно проворчала, но предпочла не отвечать. Видимо, чувствовала за собой вину.

— Перестань...— коротко рыкнул Вулоф.

— *Я слишком мала*,— не обратив на него внимания, продолжала жаловаться Задира.— *Все смеются надо мной. Даже эта...*— Она посмотрела на Шалло.

— Ты попроси Гану сшить тебе колпак,— насмешливо посоветовала Шалло.— Будешь выглядеть... взр-ослее.

Задира, однако, насмешки не заметила и, хотя ничего не сказала, задумалась. Вернулась Вилва, придерживая зубами взваленную на спину тушу молодого оленя. Гану будить не стали, решив, что сон ей сейчас полезнее, но сами от еды не отказались.

Первым делом волчица вспорола брюхо зверя, вывалив наружу внутренности, и у Шалло с Задирой начался пир. Одним движением Вилва оторвала заднюю ногу, отнесла ее Вулофу и только после этого принялась за еду сама.

* * *

Вестница возвратилась только под утро. Небо просветлело, хотя земля еще тонула в мягкой полутьме. Ворона плавно спланировала на поляну и тут же с жадностью набросилась на еду. Волки мгновенно проснулись и настороженно смотрели на птицу, ожидая, пока та насытится и поведаст им о том, что удалось разузнать. Сонно хлопая глазами, Задира уселась на задние лапы, Шалло перепорхнула на оленью тушу и уселась на ней, требовательно посматривая на наставницу. Наконец та наелась и начала переливчато ворчать, коротко каркая и тряся головой.

Гану разбудили эти звуки, и теперь она лежала смотрела на Вестницу, не понимая ничего из того, что та рассказывала. Чтобы отвлечься, девушка начала припоминать вчерашний день — самый страшный из всех, что ей довелось пережить с тех пор, как Соня с Севером вытащили ее из Ямы.

Наконец Вестница замолчала, и Гана вопросительно посмотрела на Вулофа:

— О чем она говорила?

Волк, однако, ничего не ответил. Тогда за объяснения взялась Шалло, а Задира постоянно вмешивалась в разговор, перебивая птицу и отчаянно жестикулируя. Так или иначе, но через некоторое время Гана поняла, что Севера увезли в Янайдар и заточили в крепости.

— Что будем делать? — спросила девушка, и ей даже в голову не пришло, что это они должны ждать ее распоряжений.

— *Это ты нам скажи!* — вызывающе запищала Задира, и Гана нахмурилась: а ведь и верно, она же среди них единственный человек! Девушка задумалась.

— Нужно попытаться выяснить, что с ними. По крайней мере, останутся ли они там, куда их привезли вчера.

— Мудр-ро! — каркнула Шалло. — Не ожидала! Вестница молча кивнула, выражая свое согласие.

— Придется разделиться, — воодушевленная успехом, продолжила Гана, — иначе ничего не получится.

— Мудр-ро! — повторила ехидная ворона.

— Вы успеете вернуться к вечеру? — спросила Гана, и Вестница через Шалло передала, что успеют и к середине дня, если не задержатся в самом городе.

— Проводи нас... — сказал Вулоф, и хотя Гана не поняла, к кому он обращается, Шалло тут же изъявила готовность проводить его к Соне. — Потом летите... — закончил он свою мысль.

Без лишних слов они поднялись и пошли. Только тут девушка вспомнила о ране Вулофа, но, обернувшись, увидела, что он почти не хромает, — то ли и впрямь слюна Вилвы заживила рану, то ли трава, которой она ее залепила, помогла. Гана сразу перестала о нем тревожиться. Идти пришлось достаточно долго: когда Шалло села на ветку дерева и предостерегающе каркнула, солнце уже поднялось над вершинами гор.

— Там! — сообщила Шалло.

Вестница тут же поднялась над верхушками деревьев, и молодая ворона потянулась за ней следом.

Гана проводила их взглядом, а когда обе птицы скрылись из виду, вздохнула и медленно двинулась вперед. Она опять испугалась. Только теперь девушка вдруг осознала, что там, куда она направляется, разбойники держат в плену ее подругу. Если они ее узнают — это конец. Нечего даже и мечтать о том, что она сумеет отбиться от них и, освободив Соню, уйти. Девушка отчетливо понимала: если ее сейчас заметит кто-то из этих негодяев, она пропала. Значит, идти нужно медленно и осторожно, чтобы ни на кого не наткнуться.

Обернувшись, она увидела, что волков и след простыл.

Ее забила нервная дрожь: Вулоф с Вилвой бросили ее! Наверное, потому, что появились чужаки! Сейчас они выйдут на нее, и... Она попадет в лапы к Хвamu, и жизнь ее потечет по-прежнему: Яма, топчан за грязной занавеской и раскачивающийся заплеванный потолок над головой. Она зажмурилась, изо всех сил стараясь отогнать страшное видение.

— *Успокойся!* — видимо, почувствовав ее тревогу, пропищала сидевшая у нее на плече Задира. — *Они скоро вернутся. Просто решили осмотреть дом со всех сторон!*

Гана шумно, не скрывая облегчения, выдохнула и открыла глаза. Какая же она трусиха! Девушка подняла руку и благодарно погладила зверюш-

ку по шелковистой шерстке, а та недовольно зафыркала, требуя идти вперед.

Гана вздохнула, но все-таки начала пробираться сквозь чащу. Через пару десятков шагов впереди показался просвет между деревьями, и, спрятавшись за одним из стволов, девушка осторожно отогнула ветку.

Она увидела обширную площадку, мощенную квадратными каменными плитами, посредине которой вырисовывались жалкие остатки фонтана. Слабый утренний ветерок доносил до нее запах болотной воды.

Прямо за площадкой расположился большой каменный дом с высокой двустворчатой дверью. По два широких окна справа и слева от двери, на втором этаже — пять окон. Над левым углом возвышалась башенка, и Гана сразу почувствовала, что именно там держат ее подругу, однако никого в окне не увидела и принялась осматриваться. Скоро она заметила двоих из шайки Хвама и даже узнала их...

От неожиданности она вздрогнула и едва не закричала, когда холодный волчий нос ткнулся ей в руку. Девушка судорожно вздохнула и оглянулась: Вулоф с Вилвой стояли рядом и смотрели на нее, словно ожидая, что она скажет.

— Их всего двое, — шепнула девушка.

— А... эти?... — спокойно спросил Вулоф.

Гана вновь посмотрела вперед, вглядываясь в заросли, выискивая среди них людей, и через мгновение увидела еще одну пару, слева от первой.

— Ну четверо... — пожав плечами, согласилась она и посмотрела на волка. Тот ничего не ответил, но полный ехидства взгляд говорил лучше всяких слов. Гана вновь обернулась к дому. — Проклятие... Шестеро! — прошептала она.

— Много... — по-прежнему спокойно отозвался Вулоф.

Девушка так и не поняла: много их вообще или именно там, куда она смотрела.

— Пошли отсюда, — сказала Гана, когда в окошке башенки мелькнула девичья фигурка, в которой она безошибочно узнала подругу. — Соня на самом верху, и нам нет смысла сидеть здесь.

Никто не стал спорить, и так же тихо, как пришли, никем не замеченные они вернулись на поляну. День прошел в тревожном ожидании. Чтобы как-то занять себя, девушка по одному сводила коней к ручью, помыла каждого и тщательно выскребла пучками сухой травы. При этом она размышляла, как освободить подругу, но ничего путного ей в голову не приходило. Да и в самом деле, что тут поделаешь?

До зарешеченного окна добрых три десятка локтей, вход охраняет шайка Хвама, и тут даже зубы Вулофа не помогут. Вон они как Севера с Соней спеленали! Вспомнить страшно... О том, что предстоит выручать и Севера тоже, она и думать боялась. От одного только слова — Янайдар — ее бросало в холодную дрожь. Скорее бы вернулись Шалло с Вестницей! Быть может, им удалось узнать что-нибудь хорошее? Может, Се-

вер уже сбежал? В душе Гана верила, причем совершенно искренне, что не существует преград, которые не смог бы преодолеть Север Великолепный!

Внезапно вспыхнувшая надежда, однако, быстро погасла. Сами собой всплыли в памяти слова Вожака о том, что путешествие их смертельно опасно. Тогда она подумала, что от нее просто пытаются отделаться и потому пугают. Казалось бы, все, что было дальше, подтверждало ее догадку, и вот теперь она увидела, что ошибалась, а добрый господин сказал ей правду. Бедный Мурзио уже погиб, теперь настал черед и остальных ее спутников...

Вернувшись с очередной добычей Вилва отвлекла Гану от мрачных мыслей. Девушка вздохнула и принялась разделывать тушу, не забыв прежде всего накормить свежим мясом своих четвероногих друзей. Остальное она нарезала тонкими пластами и закоптила на сооруженной из ветвей коптильне. Теперь, по крайней мере, на несколько дней она обеспечила себя, а если повезет, то и Соню, припасами.

Едва она покончила с заготовками, как шорох крыльев известил о том, что птицы вернулись. Спланировав на поляну перед уже разделанной свежей тушей, вороны принялись жадно клевать. Вестница ела молча, не отвлекаясь, в то время как Шалло рвала мясо, глотала сочившиеся кровью куски и одновременно сбивчиво рассказывала об увиденном. Из отрывочного рассказа Гана поняла, что они видели Севера, что Север теперь

дерется на ристалище, а стало быть, никуда его из Янайдары не увезут.

— *Что будем делать?* — приподнялась на задних лапках Задира.

— А что думать? — оторвавшись от еды, каркнула Шалло. — Соня ближе!

Вулоф кивнул и перевел взгляд на Гану.

— Сначала надо выручать Соню, — согласилась девушка. — Уж она обязательно придумает, как вытащить Севера.

Вестница перестала клевать и закаркала, яростно тряся головой и топорща крылья.

— Чего она хочет? — удивленно спросила девушка.

— *Требуется, чтобы сначала мы спасли Севера, а уж потом беспокоились о твоей подруге!* — пропищала Задира и обернулась к Вестнице. — *Ты думай, что говоришь, птица! Кого мы туда отправим?!*

— Вулофа! — подпрыгнула Шалло и замахала крыльями. — Нарядим в плащ! Говорить он умеет! А-ха-ха! — хрипло рассмеялась она и закружилась в каком-то диком танце. — Мы и-дем! В Янайдаре!

— И все-таки нужно выручать Соню, — повторила девушка. — Только она сумеет что-то сделать в Янайдаре.

— *Ты хорошая подруга!* — закивала Задира.

— И мудр-рая, — съехидничала Шалло.

— Кх-х-х-х! — выдавил из себя Вулоф.

Вестница, не обращая внимания ни на издевательство своей воспитанницы, ни на возражения

Ганы, рассерженно заворчала и принялась что-то доказывать на своем, непонятном Гане, языке.

— Что она говорит? — опять спросила девушка.

— *Говорит, что прожила дольше всех нас вместе взятых,* — возмущенно заверещала крыса. — *Стало быть, опытнее, и мы должны ее слушаться.*

Дождавшись, пока Задира замолчит, Шалло боком подскакала к своей наставнице.

— А коней на кого оставим? — спросила она. — Ты долго прожила, да вот ума не нажила! — язвительно добавила молодая нахалка.

Вестница хотела было возразить, но тут Вулоф поднял огромную голову и негромко прорычал:

— Лети в Логово, птица!

Фраза получилась длинной, непривычно складной и словно бы поставила точку в споре. И только Задира не смогла промолчать:

— *В Логово лети! В Логово!*

Вестница развернулась и, похоже, действительно собралась улетать.

— Стой! Стой! — забеспокоилась Гана. — А зачем ей улетать?

— За... Помощью... — пояснил Вулоф.

— За помощью... — недоверчиво покачала головой девушка. — Разве она сумеет рассказать, что случилось?

— Верно... — согласился волк. Похоже, ему эта мысль до сих пор в голову не приходила. — Напиши... — по своему обыкновению кратко подсказал он и посмотрел на девушку.

— Кто? Я? — с тихим ужасом прошептала она.

— А кто же? Я? — приоткрыв клюв и прищурившись, поинтересовалась Шалло.

Досадливо закусив губу, девушка порылась в одном мешке, потом в другом, пока не отыскала перо, баночку с несмываемой краской и пачку нарезанного маленькими квадратиками пергамента. Писать Гана умела, хотя и плохо. Она обмакнула перо в краску, изрисовала один из листочков корявыми буквами, проверяя свои навыки, тщательно продумала послание и принялась за дело.

«Документы получены, но из-за погони спрятаны. Север в плену, в Янайдаре. Соня в плену рядом с Янайдаром. Схвачена разбойниками из Ямы. Писано Ганой, неизвестно какого дня второй или третьей луны осени».

Гана перечитала написанное и осталась довольна. Вроде бы ничего не упустила. Тогда она прочла послание вслух.

— Сойдет... — одобрил Вулоф, а Шалло сверкнула черным глазом и склонила голову набок.

— Неизвестно какого дня... Здор-рово! — язвительно прокаркала она. — Нр-ра-авится!

— Ну ты, ворона! — Гана досадливо закусила губу. — Пиши сама, раз такая умная!

— Клыну! — угрожающе растопырив крылья, предупредила Шалло. Она явно не собиралась сносить от Ганы то, что девушка терпела от нее.

— *Кушу!* — пискнула Задира, неожиданно поддержав птицу.

— Хватит... — рыкнул Вулоф и обернулся к Гане: — Привязывай...

Обе скандалистки мгновенно умолкли. Гана достала моток суровых льняных ниток и, обернув клочок пергамента вокруг вороньей лапки, тщательно обмотала получившуюся трубочку нитью и завязала узлом.

— Поешь,— сказала она, но ворона лишь взглянула на девушку, быстро вспорхнула и полетела напрямик на север.

Гана смотрела ей вслед и думала о том, что птице придется теперь лететь много дней подряд, изредка останавливаясь, лишь затем чтобы отыскать еду. И все это несмотря на снег и дождь, ведь на севере уже в разгаре осень... А может, и зима!

— Наконец-то убралась, зануда! — пробурчала Шалло.

* * *

День прошел в скучном ожидании. Все, что хотела узнать, Соня узнала, но легче ей от этого не стало. Один, вооруженный мечом и кинжалом, держал поднос с едой. Двое сопровождали его, и у них помимо клинков были еще и сети. Девушка поняла, что недооценила туранца. Будь у нее хоть какое-то оружие, хотя бы пара кухонных ножей, она бы не беспокоилась. А так... Впрочем, если удастся подойти поближе до того, как он поставит поднос, она вполне успеет выхватить кинжал и расправиться с одним из охранников. Соня ни на миг не усомнилась в этом. С сетями или без, деревенские и есть деревенские. Все зависит от того, где каждый из них остановится.

Что ж, она ведь и не рассчитывала, что выберется отсюда быстро. Придется потихоньку приучать их к себе, всякий раз, когда они будут приходить, хоть еще на полшага приближаться к двери. Начала она уже сегодня, перед ужином, встретив своих тюремщиков обворожительной улыбкой. Те восприняли это как должное. Поставили поднос, забрали старый, развернулись и гордые собой ушли.

Болваны! Соня чуть не расхохоталась. Покорители женских сердец!

Снаружи послышался странный шорох, девушка насторожилась и обернулась к окну. Ночь уже вступила в свои права, погрузив землю во тьму. Услышав тот же шорох во второй раз, Соня подумала, что это не случайно, быстро наклонилась к лампе и задула огонь. Стало совсем темно, и что-то тут же проскрежетало по каменному подоконнику.

— Долго соображаешь,— услышала девушка знакомый хриплый голос и принялась озираться, отыскивая в темной комнате черную ворону. Наконец, отчаявшись, она тихо позвала:

— Где ты, птица моя дорогая?

Вновь послышался шорох, и опять Соня никого не увидела, только по звуку сумев определить направление, замерла. Ее плеча коснулись цепкие птичьи лапы. В следующий миг Шалло прижалась телом к щеке хозяйки.

— Хорошая моя,— приговаривала Соня, поглаживая шелковистые перья.— Ну как вы там? Рассказывай...

— Все живы. Вестницу отправили с письмом в Логово,— начала Шалло кратко излагать самое главное.— Вожак в плену, в Янайдар-ре. Ср-ражается.

— То есть как это? — не поняла Соня.

— Гана сказала, что он тепер-рь — гладиатор-р...

— Вот как...— задумчиво проговорила Соня.— Далеко это?

— Не очень,— уклончиво ответила ворона, и Соня не стала уточнять.

Она задумалась. Друзья не забыли о ней, и, значит, осуществить задуманное будет проще. Теперь у нее есть надежда выбраться отсюда значительно раньше, чем она рассчитывала. Соня помнила, что все веревки и отмычки пришлось спрятать вместе с драгоценностями и документами в каменном лабиринте. До них сейчас не добраться. Зато среди вещей кое-что осталось.

— Мне понадобится пила, чтобы перепилить решетку. Пусть Гана найдет ее,— сказала она.— Ты сможешь принести?

— Конечно,— проворчала Шалло и потопталась, собираясь улетать.

— Свет зажигать не стану — пусть думают, что я сплю,— пояснила Соня и насторожилась.— А почему ты не прилетала, пока я не задула лампу?

— Внизу двое,— ответила Шалло.

— А далеко лагерь? — поинтересовалась девушка.

— Рядом,— каркнула ворона, не понимая, зачем хозяйке понадобилось это знать.

Соня задумалась. Ночь стояла безлунная, и, чтобы выполнить ее просьбу, Гане придется развести костер, который могут заметить. Нет, лучше переждать еще день, а этой ночью заняться чем-нибудь другим...

Хотя бы исследовать коридор и ведущую вниз лестницу. Как ни странно, но только сейчас ей пришло в голову, что, быть может, глаза ей завязывали вовсе не для того, чтобы скрыть потайной ход, а наоборот, чтобы она не увидела, что его нет. А если это обычный дом, и по лестнице запросто можно пробраться на второй и третий этажи? Тогда не нужно возиться с решеткой. С замком-то справиться легче, а уж там проскользнуть мимо полусонных стражников — вообще пустяк.

— Забудь про пилу,— сказала она.— Принеси мне Задиру. Сумеешь?

— Зачем? — каркнула Шалло, и Соня поняла, что Шалло не понравилась ее просьба.

— Я пушу ее за дверь.— Соня кивнула на зарешеченное окошко.— Пусть разведает путь. Как в замке, помнишь? Ну, лети!

Сказав это, девушка бережно сняла птицу с плеча и просунула ее сквозь прутья оконной решетки. Взмахнув крыльями, Шалло растворилась в ночной тьме.

* * *

— Куда она запропастилась?

Задира возбужденно пошевелила усами и вновь принялась за еду.

— Да успокойся ты,— улыбнулась Гана.— Ничего с нашей вороной не случится.

— *Да я о ней вообще не думаю!*— возмущенно пискнула Задира.— *Я о хозяйке беспокоюсь.*

— Вот как? — слышался голос Шалло.— Значит, я тебя не интер-ресую!

— *Ты где была?*— оторвавшись от еды, подскочила к ней Задира, но Шалло, словно не видя ее, повернулась к девушке.

— С Соней все в порядке,— объявила она, и в ночной тишине слышался облегченный волчий вздох, хотя до сих пор ни Вулофа, ни Вилвы даже не было видно. Задире, однако, совсем не понравилось, что ее не замечают.

— *Я задала вопрос!*— гневно заверещала она и, схватившись когтистой лапой за кончик клюва вороны, развернула ее голову к себе.

— Тебя велели пр-ритащить, звер-рюшка,— ответила та и, перепорхнув к туше, занялась едой.

— *Ну так неси!*— восторженно всплеснула лапками Задира.

Сердце зверька радостно забилося. Сейчас и она воспарит в высоком небе. Ей даже крылья для этого не понадобятся! Ворона рвала клювом мясо и искоса поглядывала на крысу.

— Так ты полетишь наконец или нет? — теряя терпение, спросила Гана.

— Полечу! — с готовностью откликнулась Шалло, словно ждала именно этого вопроса.— Но не раньше, чем кр-рыса извинится!

— *Не дождешься!*— оскалилась Задира.

Обе при этом посмотрели на девушку, словно приглашая ее разрешить их спор.

— Как же вы обе мне надоели, зануды! — простонала Гана.

— Хватит! — глухо рыкнул Вулоф, и спорщицы мгновенно утомонились.

— Ты готова? — спросила, подскочив к Задире, Шалло.

— *Давно!*— огрызнулась та.

— Тогда летим! — каркнула ворона, взмахнула крыльями, подхватила Задиру и начала быстро набирать высоту.

В первый миг у крысы от неожиданности просто перехватило дыхание. Как замороженная смотрела она вниз, на удалявшуюся землю, на кроны деревьев, которые незаметно превратились в сплошной темный ковер. Тогда она перевела взгляд на небо. Молодой месяц проклюнулся сквозь облака и раскрасил мир густой чернью и серебром. Задире показалось, что они летят считанные мгновения. Она видела бескрайний лес, а прямо впереди — огромную прогалину с расположившимся на ней домом. Домом, где ждала ее хозяйка. Казалось, он совсем рядом, а Шалло все продолжала набирать высоту. И тут Задира испугалась. Она увидела, как раскачивается далекая линия горизонта, и почувствовала, что поздний ужин был явно ни к чему.

— *Зачем ты так высоко поднимаешься?!* — завизжала она.— *Спускайся!*

— Если спущусь,— отозвалась Шалло,— нас заметит стр-ража!

Объяснение показалось разумным. В маленькую крысиную головку не пришла даже такая простая мысль, что вряд ли кто способен заметить в ночном небе черную ворону с черной крысой в лапах. Но смелости это Задира не прибавило.

— *Спускайся! Мне больно! Отпусти меня!* — заверещала она. — *Мне больно!*

— Отпускаю, — тут же согласилась Шалло.

И маленький зверек кубарем полетел вниз. Мир закружился, и через мгновение Задира перестала понимать, кто она, где находится и что с ней происходит. Шалло сложила крылья и ринулась вдогонку, быстро сокращая расстояние. Когда до земли оставалось не больше сотни локтей, ее цепкие лапы подхватили крысу. Шалло расправила крылья и спланировала на камень подоконника. Здесь она вновь выпустила Задиру, а сама устроилась рядом, следя за тем, чтобы та не свалилась вниз. Жалобно поскуливая, крыса подползла на дрожащих лапках к краю подоконника и свесилась наружу.

* * *

Двое разбойников остановились у стены под самым окном Сони и с наслаждением вспоминали спокойные деньки, что наступают в родной Яме, когда начинается зима и на землю ложится толстое снежное покрывало. Внезапно один из них насторожился.

— Ты чего? — поинтересовался второй, оборвав фразу на полуслове.

— Слушай!.. — ответил второй шепотом и, задев голову, устался на окно пленницы.

Его приятель замер, прислушиваясь, но ничего, кроме стрекота сверчков в листве деревьев да негромкого царапания, не услышал. Внезапно его осенило.

— Кот! — ухмыльнулся он. — Опять на крышу залез.

Он поднял голову, всматриваясь в темноту. Тут же наверху что-то булькнуло, и лицо ему залепило клейкой густой дурно пахнущей массой.

— Что это? — Сплюнув, он попытался прочистить глаза.

Его приятель раскатисто расхохотался.

— Опять кошка дряни какой-то нажралась! — с готовностью пояснил он.

— Вот дерьмо! — взревел его приятель и помчался к протухшему фонтанчику.

— Это точно! — хохотал второй, радуясь, что ночь началась так удачно, а завтра будет что рассказать друзьям.

* * *

Соня стояла у окна и с удивлением смотрела, как неподвижно лежит, свесив наружу голову, Задира. Видно, полет с непривычки дался ей непросто. Наконец зверек поднялся и на подгибающихся лапках направился в комнату. Не обращая внимания на Шалло, которая все время отворачивалась, стараясь не встречаться с ней взглядом, Соня подхватила Задиру и перенесла ее на стол.

затем затворила окно, зажгла лампу, налила в тарелку немного воды, и крыса мгновенно начала жадно лакать.

— Так что случилось? — спросила девушка.

— *Она бросила меня!* — отдышавшись, зло пропищала Задира.

— Ур-ронила, — спокойно поправила ее Шалло.

— *Бросила!* — взвизгнула Задира.

— Сама попр-росила, — согласилась ворона.

— Перестаньте, — остановила их Соня, когда поняла, что конца спора не предвидится. — А ты не смей ее больше бросать, а то не поймаешь...

— Ха!

— Я не шучу, — нахмурилась Соня, и на этот раз Шалло промолчала.

Задира уже полностью пришла в себя и теперь лихорадочно набивала опустевший живот, один за другим отправляя в рот куски мяса с тарелки хозяйки.

— Говор-рила тебе: не наедайся пер-ред полетом... — прокаркала Шалло, — а ты снова. Полетим назад, опять дур-рно станет.

Задира искоса посмотрела на Шалло и хотя ничего не ответила, но есть перестала.

— Если ты готова, идем. — Соня подставила руку, и зверюшка прыгнула на ее ладонь. — Посмотри, куда ведут лестница и коридор. Разведай все, что сможешь. Главное — постарайся отыскать выход.

Она поднесла Задиру к зарешеченному окошку. Та прыгнула, проскользнула между прутьями решетки и скрылась. Однако не успела Соня вер-

нуться к столу, как крыса с громким писком прыгнула обратно, словно повстречала нечто невероятно страшное.

— *Там кошка! Кошка!* — отчаянно вопила она.

Шалло нахохлилась, а Соня похолодела. Она тут же вспомнила, что в первый же день видела кошку внизу, в зале.

Как же она забыла о ней?! Впрочем, немудрено. Видела она ее мельком. К тому же почти сразу началась драка, и тут уж стало не до кошки. Хорошо, что все обошлось...

— Где ты ее встретила?

— *На лестнице,* — вздрогнула Задира.

— Кроме нее никого не почувствовала?

— *Н-не знаю...* — Крыса затрясла головой, словно пытаясь избавиться от наваждения. — *Мне казалось, она повсюду!*

— А она вообще-то была? — повернулась к ней Шалло.

— *А ты проверь!* — огрызнулась крыса.

— Перестаньте, — остановила Соня готовую было опять вспыхнуть ссору и задумалась.

Да, жаль, что не удалось. Девушка почему-то не сомневалась, что кошка появилась в доме не случайно. Что она — лишь одно из звеньев той же цепи, что и сети, и все прочее. Ай да Ханторэк! Если чего-то очень сильно хотеть, даже такой, как он, дурак начинает неплохо соображать.

— Летите, — наконец сказала она и обернулась к Шалло. — Ты помнишь, что должна передать Гане?

— Др-ра! — каркнула та.

— Хорошо,— кивнула Соня.— Добавь еще, чтобы постаралась найти какую-нибудь веревку — мне надо спуститься отсюда, но главное — пила. Я жду тебя сразу после захода солнца. Гана пусть дожидается в лесу с парой коней, но к дому близко не подходит.

С этими словами она снова задула огонь и отнесла Задиру к окну. Вновь переход от света к тени ослепил девушку, и только по облакавшему лицо ветерку, поднятому крыльями взлетающей Шалло, она поняла, что опять осталась одна.

В первый миг Соня испытала горькое чувство вины за то, что подвергла Задиру смертельной опасности. Она не имела права забывать о кошке! Хвала Лепестку — все обошлось... Да, кошка явно не случайно оказалась в доме. А если завтра туранец поинтересуется, что за шум он слышал у нее в комнате в самом начале ночи? Соня задумалась. Плохо дело. Если он догадается, что кошка пыталась поймать добычу, то велит усилить наблюдение, и тогда побег может сорваться.

Она вновь зажгла свет, разделила жаркое на маленькие кусочки и просунула один из них сквозь прутья решетки. Не успела она отпустить мясо, как кошка кинулась на дверь и чуть ли не выхватила еду из руки. Из коридора послышалось довольное ворчание. Значит, они нарочно держат зверька полуголодным и не выпускают из дому... Ну и ладно. Пока тарелка не опустела, Соня отправляла за дверь кусок за куском, всякий раз заставляя кошку прыгать и выхватывать

кусок из рук. Теперь, если ее спросят, кто шумел, она знает, что ответить.

* * *

Минул еще один день, и все повторилось. Едва сумерки перешли в ночную темноту, Соня загасила лампу и сразу же услышала знакомый скрежет когтей по камню. Она не стала зажигать свет, а, прикрыв глаза, предпочла дожидаться, пока они не привыкнут к темноте.

Теперь ей не придется тратить на это время, когда его, быть может, не останется. Вновь открыв глаза, девушка уже ясно различала все находившиеся в комнате предметы. Шалло тут же подскочила к ней и потерлась головой о протянутую руку. К телу ее замысловатой нитяной упряжкой Гана привязала пилку с удобной буковой рукоятью, которую по заказу Сони изготовил Гуднар. По ее же просьбе он заточил один из краев, превратив тем самым пилу в некое подобие ножа.

— Не тяжело было? — поинтересовалась Соня.

— Ха! — хвастливо ответила ворона.

— Ну ладно, ладно,— торопливо согласилась девушка, опасаясь, что Шалло пустится в рассуждения.— Теперь помолчи, пожалуйста.

Она подошла к окну и прикинула, какой из четырех прутьев лучше всего выпилить, чтобы выбраться через окно. О дверном замке она уже давно и думать забыла: если в коридоре бродит кошка, то вполне могут находиться и люди, а вот за окном, что ни говори, свобода. Там ее ждут

Гана и Вулоф с Вилвой, которые, если понадобится, придут на помощь.

На ее счастье, решетка перегораживала оконный проем таким образом, что вполне достаточно было выпилить лишь половину любой из двух перекрещенных перекладин, и она без особого труда выберется наружу. Пленница остановила свой выбор на правой боковой и принялась за дело. Зубья были очень мелкими и острыми, а потому бронза решетки пилилась с едва слышным шорохом. Когда пила вошла в прут наполовину, Соня полила на металл немного масла из светильника и продолжила работу, еще раз помянув добрым словом кузнеца, сработавшего прекрасный инструмент. Каленая сталь вгрызалась в мягкую бронзу едва ли не так же легко, как нож режет масло.

Девушка не успела даже устать, когда прут толщиной в палец оказался перепилен. Соня положила пилу на подоконник и, решив передохнуть, случайно задела решетку. Прут свободно ходил в своем гнезде, хотя вынуть его не удавалось: оставшийся кусок решетки не позволял освободить отпиленную часть. Соня осмотрелась. Взгляд ее остановился на табурете, который она сломала, запустив им в дверь, а потом собрала. Сесть на него она так и не решилась, а выставила его на середину комнаты в надежде, что туранец когда-нибудь заявится в гости.

Теперь отломанная ножка вполне может пригодиться. Девушка просунула деревяшку между прутьями и налегла на перепиленный прут. Ре-

зультат превзошел все ожидания. Изогнувшись совсем чуть-чуть, стержень легко выскользнул из гнезда. В камень он уходил на полмизинца. Чтобы оставшаяся часть решетки выдержала ее вес, большего и не требовалось.

Соня оглянулась на Шалло и тут вспомнила, что веревку ворона не принесла. Впрочем, девушка и не слишком надеялась, что подруге удастся отыскать что-то подходящее. Ничего. Она знала, что делать. Без малейшего сожаления Соня собрала волосы на затылке и, усмехнувшись, срезала их отточенной стороной пилки. Теперь в ее распоряжении был толстый — ладонь с трудом охватывала его — пук волос. Плести такую волосяную веревку, чтобы она не подвела, девушка умела, а потому сразу же приступила к делу. Аккуратно отделяя тонкие пряди, она вплетала их в нетолстую, но прочную косу, не дожидаясь, пока предыдущий кусочек закончится. Ловкие пальцы двигались быстро, и вскоре работа была закончена.

Соня проверила на прочность каждый локоть изготовленной ею веревки, привязала ее конец к решетке и выглянула из окна. Как раз вовремя. Совершавшие непрерывный обход вокруг дома разбойники у нее на глазах скрылись за углом. Соня вскочила на подоконник, присела, плавно выскользнула наружу и замерла на мгновение, ожидая предстоящий спуск.

Нижний край веревки свисал на уровне середины второго этажа — только-только, чтобы спрыгнув, не переломать себе ноги. Наконец, дер-

жась одной рукой за веревку, а второй — за решетку, беглянка начала осторожно спускаться. Локоть, другой, третий, и нога ее коснулась верхнего края окна второго этажа. Соня сместилась чуть влево, к углу дома, чтобы не маячить посередине оконного проема, и продолжила спуск. Вскоре веревка кончилась. Хвала Лепестку, все в доме спали, ведь случись кому глянуть в окно, и она пропала. Соня заторопилась. Встав на подоконник, беглянка намотала веревку на руку и стала выбирать, куда бы спрыгнуть. Часто взмахивая крыльями, Шалло зависла рядом с девушкой.

— Спускайся! Не бойся! Я рядом! — прокаркала она. — Здесь невысоко!

— Тому, кто с крыльями, может, и невысоко, — проворчала девушка, осматриваясь. — Зато тому, кто ходит по земле, вполне достаточно, — добавила она и прыгнула.

Приземлилась Соня мягко, как и рассчитывала — на середину плиты. Быстро огляделась и побежала к зарослям.

— Ах, Соня! — Нежные руки Ганы обвили вокруг шеи подруги. — Наконец-то все позади!

— Все только начинается, — довольно усмехнувшись, сказал кто-то сзади.

Девушки резко обернулись. Огромная черная тень выросла за спиной разбойника, но тот так и не увидел ее. Могучая лапа ударила коротышку в висок, и человек без чувств повалился на землю.

— Нужно его добить, — заметила Гана, к которой, казалось, с возвращением подруги, верну-

лась и уверенность в том, что все будет хорошо. — Как бы он нас не выдал, когда очухается.

— Перестань! — Соня поморщилась. — Когда он придет в себя, нас здесь уже давно не будет.

Гана нахмурилась. Понимая, что подруга ее права, она все-таки ничего не могла с собой поделать: злость на бывших односельчан все еще жила в ее душе. Девушка подскочила к бесчувственному телу и пару раз хорошенько пнула его.

— Ты чего? — удивилась шадизарка.

— Ненавижу! — сквозь зубы процедила Гана.

— Так он же ничего не чувствует!

— Пусть, — пожала плечами девушка. — Прочухается — почувствует, — пообещала она.

— Идем... — вмешался в их разговор Вулоф. — Пора...

Волк, как всегда, говорил кратко и по делу. Вспомнив, что не время и не место расслабляться, девушки быстро углубились в чашу, где их ждали кони. Скакун Сони узнал хозяйку и ткнулся ей мордой в щеку.

— Ах ты мой хороший! — Соня ласково потрепала коня по холке, вскочила в седло и обернулась к подруге. — Поехали.

Она направила скакуна шагом, а Задира тут же забралась ей на плечо и восторженно запищала, ластясь к хозяйке. Они какое-то время неспешно удалялись от дома и только позже заставили коней перейти на рысь, а когда прибыли на место, Соня прикинула, что их отделяет от замка, как называл его туранец, чуть больше лиги — вполне достаточное расстояние для того,

чтобы не опасаться погони. Даже если ее побег уже обнаружен, то беспокоиться не о чем. Ночью поисками беглянки заниматься бессмысленно, а к утру трава уже поднимется, и все следы исчезнут.

Не успела Соня оглядеться, как Гана разожгла костер. Соня нахмурилась: нельзя поступать так опрометчиво, однако все обошлось. Обступившие со всех сторон поляну высокие кусты росли столь густо, что сквозь них ничего нельзя было рассмотреть, даже огонь.

— Ну вот опасность и миновала, — радостно улыбнулась Гана, доставая припасы и раскладывая их на плоском камне у костра. Она чуть ли не плясала от восторга, и все же Соня сочла нужным возразить:

— Опасность мне и не грозила, зато теперь ее не избежать.

Улыбка медленно сползла с лица Ганы.

— Что ты хочешь сказать? — пролепетала она, чувствуя, как вернувшаяся было уверенность в своих силах покидает ее, а мир вновь становится полным угроз.

— Я хочу сказать, что если Север стал рабом в Янайдаре, то выручать его придется нам с тобой, и дело это непростое.

— Но что мы можем? — горестно прошептала Гана.

Ей стало страшно. Она представила, что будет с ними, когда они пожалуют в Янайдар, если даже такой человек, как Вожак, вынужден смириться со своей участью.

— Сможем, — заверила ее Соня, — но только если возьмемся за дело с умом.

Гана не стала спорить, только тяжело вздохнула:

— Как?

— Не знаю. — Соня спокойно пожала плечами. — Да и не время сейчас ломать голову над этим. Север учил меня, что нельзя делать несколько дел сразу, а я сейчас ни о чем, кроме еды, и думать не могу.

Она принялась за холодное мясо, отрывая маленькие кусочки для Шалло и Задиры. Волки улеглись тут же — справа и слева от девушки. Она обнимала их за мощные шеи, гладила густую шерсть, а те блаженно жмурились, понимая, что так хозяйка выражает свою благодарность.

— Ты права, подружка! — радостно согласилась Гана, набросившись на копченую оленину. — Когда начинает бурчать в животе, все тревоги обращаются в ничто! — добавила она со свойственной ей простодушной прямолинейностью.

— У нее в животе бур-рчит, а хозяин там в неволе мается! — прокаркала Шалло.

— Перестань! — одернула ее Соня. — Ты ведь была в Янайдаре? Там наверняка столько стражи, дверей и замков, что одной пилкой не отделаешься! — Прежде чем говорить снова, Соня мгновение помолчала. — А ты, раз уж тебе не сидится на месте, как только рассветет, отправляйся в лабиринт, где мы потеряли столько драгоценного времени, отыщи наш клад и разведай, как оттуда можно выйти... На северную сторону, — подумав,

добавила она и пояснила: — Что бы мы ни реши-
ли, нам понадобятся деньги. Много денег! А сей-
час лучше Расскажи-ка, да поподробнее, обо всем,
что ты видела в Янайдаре. Я хочу знать обо всем,
что только тебе удастся вспомнить: пути к горо-
ду, крепостных воротах, если они есть, высоте
стен, расположении улиц и места, где находится
Север, где он сражается, сколько там стражи...
Словом — обо всем, что ты видела.

Рассказ Шалло затянулся. В какой-то миг, не
удовлетворившись словами вороны, Соня достала
чистый пергамент и, следуя указаниям птицы,
начала рисовать. Сперва карту западной части
Иранистана, где брала начало долина, ведущая к
Янайдару, затем — самого ущелья и, наконец, план
города.

Перевалило далеко за полночь, когда они ра-
зобрались со всеми вопросами. Гана давно спала,
устроившись тут же рядышком. Волки дремали,
блаженно жмурясь. Задира маленьким черным
комочком свернулась на спине Вулофа. Наконец
Соня вспомнила, что пора и ей тоже подумать о
сне. Шалло взлетела на ветку ближайшего дерева
и мгновенно погрузилась в сладкую дрему. Соня
легла рядом с подругой и некоторое время смот-
рела на умирающее пламя костра, но вскоре мыс-
ли ее начали путаться, а глаза сами собой закры-
лись.

* * *

Когда вернулась Шалло, полдень давно мино-
вал. Она коротко рассказала о том, что нашла

клад, что никто его не тронул, но, вполне воз-
можно, до него скоро доберутся: среди скал, явно
вынюхивая что-то, рыщут отряды янайдарцев.
Соня тут же поняла, что ищут они тайник, кото-
рый они с Севером устроили в скалах. Плохо
дело.

Она отослала Шалло отдыхать, а сама задума-
лась. Действовать необходимо немедленно, то есть
ближайшей ночью, если, конечно, на ночь янай-
дарцы покинут скалы. Если же нет — беда. Иг-
рать в прятки с сотней конных латников ей со-
всем не хотелось. Впрочем, стоит ли понапрасну
пугать себя? Придет ночь — все станет ясно.

Шалло отыскала три выхода, но от того, через
который они покинули лабиринт, к цели шла
наиболее короткая дорога. Соня сильно сомнева-
лась, что ей понадобятся шелковые веревки, но
решила про себя, что если забирать, то забирать
все. Судя по тому, как ищут клад, Север не сказал
о нем ничего, а значит, она не должна оставить
следов тайника.

Ворона проснулась задолго до наступления но-
чи, наскоро перекусила и отправилась на развед-
ку. Они договорились, что Соня в сопровождении
Вулофа с Вилвой и двух коней остановится на
краю леса и будет ждать ее сигнала. Гана осталась
во временном лагере. На самом же деле Соню
сопровождал только Вулоф. Вилва же, чтобы убе-
диться, что опасность им не грозит, принялась
обшаривать лес. Вернулась она одновременно с
Шалло, сообщившей, что латники наконец-то
убрались.

Шадизарка предпочла не зажигать факел, полностью положившись на Вулофа с Вилвой и Шалло. Солнце еще не спряталось за вершинами гор, когда они въехали в расщелину между скалами. Сразу стемнело, будто день мгновенно сменился глубокой ночью. Сама Соня не сумела бы отыскать клад. Она лишь помнила, что место это расположено сравнительно недалеко от выхода.

Так оно и оказалось, но к тому времени, когда отряд достиг тайника, дно каменного мешка окутала непроглядная тьма. Сидя на плече девушки, Задира пропищала, что узнает эту скалу. Соня, однако, едва могла разглядеть пальцы вытянутой руки. Значит, нужно торопиться, пока видно хоть что-то.

Грудю наваленных обломков девушка сумела узнать, только когда наткнулась на нее, и сразу принялась разгребать камни. Аккуратно и быстро она раскидала завал и первым делом закрепила на поясе свою сумку с драгоценностями и сумку Севера с документами. Только после этого она погрузила на коней мешок с арбалетом и стрелами к нему, остатки шелковых веревок, свои отмычки и прочие приспособления. Соня быстро закидала образовавшуюся яму камнями и вскочила в седло.

Назад уходили очень и очень осторожно. Было бы непростительно совершить оплошность сейчас, не перепрытав карты в такое место, где их не станут искать. Время от времени Соня поднимала голову, но неизменно видела спокойно парившую

в густой синеве Шалло, а это означало, что опасности нет никакой. И тогда на несколько мгновений на душе становилось легче. У самого выхода девушка остановилась и подождала, пока Вилва пересечет открытое пространство и углубится в лес.

Ни одно из опасений так и не оправдалось. Однако, несмотря на это, спокойно Соня почувствовала себя, только когда пробралась сквозь колючие заросли и увидела пылающий костер и Гану рядом с ним. Подруга уже приготовила добытого волками оленя и теперь терпеливо дожидалась возвращения Сони.

Она спокойно кивнула, увидев мешки с поклажей, но, когда Соня развязала поясную сумку и камни засверкали, заискрились в дрожащем пламени костра, едва не задохнулась от изумления. Никогда в жизни не видела Гана ничего подобного и теперь брала осторожно, по одному, то сапфир, то рубин, то аметист, то пропускала между пальцами нитку крупного жемчуга. Камни казались ей огромными, едва ли не как галька, что валялась под ногами на берегу ручья, где она брала воду.

— Сколько же это может стоить? — с благоговением прошептала она.

Соня, все это время наблюдавшая за подругой, умиляясь ее детской наивности, улыбнулась.

— Все, что есть в Яме, не стоит и десятой части самого мелкого из этих камней, — ответила она, и Гана кивнула, соглашаясь. Иначе и быть не могло.

— И что же мы станем делать с таким богатством?

— Завтра обменяем камни на золото.— Соня развернула карту, которой снабдила их Разара.— Если я не ошибаюсь, мы находимся где-то здесь...— Она ткнула пальцем в кромку леса, почти соприкасающуюся с участком, обозначенным как Плато Выветренных Скал.— В трех лигах на северо-востоке, судя по карте, должен находиться город...— Костер уже почти прогорел, и, чтобы лучше видеть, она поднесла карту к глазам.— Ага — Шаргуш. На пути к ущелью Духов мы обогнули его с востока, теперь находимся чуть западнее.— Прикрыв ладонью рот, шадизарка сладко зевнула.— Спать пора,— сообщила она.— Завтра нам еще предстоит найти подходящее место и спрятать документы, а к полудню добраться до Шаргуша, сбить камни и вернуться обратно. Да, чуть не забыла. Стоит осторожно наведаться к твоим друзьям из Ямы, посмотреть, чем они заняты. Мне совсем не хочется еще раз попасться в их дурацкие сети.— Она задумалась.— Этим с самого утра займется Шалло.

* * *

Раздевшись донага, Соня сидела на камне и старалась не шевелиться.

— И как ты не пожалела свои чудесные волосы? — удивлялась Гана, расчесывая подругу и пытаясь прикинуть, какую можно сделать прическу.

— А что мне оставалось делать? — Соня равнодушно пожала плечами.— Ты же не прислала веревок.

— Да не осталось их у нас!

— Ну, могла бы нарезать на полосы один из мешков или просто срезать поводья — мне бы за глаза хватило.

— И как я не догадалась? — огорчилась Гана.

— Да ладно! — отмахнулась Соня.— Это моя вина. Я ведь могла бы подсказать Шалло, где взять веревки, но думала о другом. К тому же я знала, что всегда могу использовать свои доспехи. А когда настала пора, вдруг подумала: что стану делать нагишом? И решила распрощаться с волосами... Нергал с ними — отрастут! Все равно пришлось бы их сейчас срезать!

— Но почему?

— Одна из нас непременно должна переодеться мужчиной, иначе нам камни не сбить. Мы же с тобой в Иранистане.— Она вновь пожала плечами.— Режь. Мне нужна мужская прическа.

Гана вздохнула, взяла в правую руку кинжал и, выбирая левой одинаковые по толщине прядки, начала одну за другой подрезать их, стараясь придерживаться одинаковой длины. Ее руки ловко сновали по волосам подруги, и вскоре работа оказалась законченной. Соня отряхнула грудь и плечи и побежала мыться к ручью. Именно там ее и заметила возвращавшаяся из «замка» Шалло.

— Они убиты,— прокаркала ворона, усевшись на камне.

— Все? — только и спросила Соня. Она никак не ожидала такого поворота.

— На улице — две лапы, — ответила Шалло. — В дом я не залетала.

— Правильно. — Соня рассеянно кивнула и задумалась о том, что же произошло. — Когда они умерли?

— Еще не остыли, — кратко ответила Шалло.

— А ты не заметила живых людей?

— Нет, — мотнула головой ворона.

Соня вновь задумалась, и внезапно ей пришла в голову неожиданная мысль.

— Полетай-ка еще немного, — попросила она. — Наведайся к Янайдару. Не возвращаются ли туда латники? После этого лети в сторону Шаргуша — может, увидишь кого-то из разбойников... Если, конечно, кто-то уцелел... Затем отправляйся к дому. Мы приедем туда.

Шалло взмахнула крыльями и через мгновение скрылась из виду. Соня еще некоторое время постояла, потом закончила мыться и вернулась на поляну.

— Что так долго? — удивилась Гана, но, когда услышала рассказ о случившемся, помрачнела.

Она не питала к бывшим односельчанам теплых чувств, но и об их смерти никогда не мечтала — это, пожалуй, слишком. Завтрак прошел в полном молчании. Однако, прежде чем отправляться, Соне предстояло сделать еще кое-что. Набрав в костре золы и не прогоревших углей, Соня тщательно растерла их в порошок и приня-

лась понемногу подливать масло, пока не получилась густая однородная масса.

— Мажь волосы, — сказала она, протягивая склянку подруге.

Та вздохнула и принялась за дело. Соня понимала, что это не настоящая краска для волос, но выбора-то все равно не было. Гана закончила работу. Соня посмотрела в зеркальце и осталась довольна. Если она не будет трогать волосы руками и не сотрет непрочный слой жирной сажи, то никто не обратит внимания на несколько странный оттенок ее волос.

Девушка порылась в тюке с привезенной ночью одеждой и достала запасные кожаные штаны, замшевую рубашу — ведь ее собственные забрали разбойники — и плащ, который она неизвестно зачем взяла с собой.

Теперь вот и он понадобился: ей предстояло перевоплотиться в мужчину, а скрыть округлые женские формы не так просто. Разрезав плащ Севера на широкие полосы, она с помощью Ганы перетянула себе грудь, надела штаны и рубашку, а сверху — плащ с откинутым на спину капюшоном, застегнула пояс, подвесила на него меч и кинжал.

— Ну как? — спросила она, обернувшись к подруге.

Та пожала плечами:

— Сойдет. Фигуры всякие бывают, но стоит только посмотреть на лицо и...

— Значит, придется немного порисовать, — усмехнулась Соня, достала из мешка шкатулку, о

содержимом которой Гана могла лишь догадываться, и вернулась к зеркальцу.

Для начала она закрасила брови, так что те стали широкими и почти сошлись на переносице, затем покрыла особым составом губы, и они утратили нежный коралловый оттенок, побледнев и приобретя чуть лиловый оттенок. После этого девушка достала пузырек и кисточкой нарисовала вдоль лба полоски. Когда состав подсохнет, он, сжавшись, превратит гладкую кожу в морщинистую. Соня внимательно посмотрела в зеркальце и потянулась за баночкой с притираниями. Так... Никакого румянца. Девушка снова взглянула в зеркало и обернулась к подруге.

— Ну как? — повторила она вопрос.

— Уродина, — скорчив брезгливую гримаску, откровенно призналась Гана.

— Я тебя не о том спрашиваю! — хриплым низким голосом рявкнула Соня, и Гана, восхищенная, расхохоталась, а когда успокоилась, окинула подругу придирчивым взглядом.

— Ну, не знаю, насколько ты тянешь на мужчину, — честно призналась девушка, — но в том, что ни один к тебе теперь не потянется, не сомневаюсь, — усмехнулась она.

— Ну что ж, и на том спасибо, — хмыкнула в ответ Соня. — Остается только надеяться, что во мне не признают женщину.

Соня открыла шкатулку, проверила бумаги, положила к ним амулет Севера, упаковала все в водонепроницаемый мешок и спрятала в камнях на дне ручья. Вот так-то лучше. Вряд ли кому-то

придет в голову шарить по дну затерявшегося в лесу источника. Девушка повернулась к Вулофу.

— Запомни это место хорошенько, — сказала она, и сидевшая у нее на плече Задира возмущенно запищала. — Ну конечно же, и ты должна запомнить, — улыбнулась Соня и погладила шелковистую шкурку мгновенно успокоившегося зверька.

Она вернулась на поляну, где ее ожидали Гана с Вилвой, и вскочила в седло.

— Поехали! — «пробасила» девушка.

— Куда?

— Вернемся к дому, нужно посмотреть, — коротко ответила шадизарка.

— Да зачем же это тебе? — всплеснула руками Гана, которой очень не хотелось смотреть на мертвых односельчан.

— Хочу знать, что произошло, — объяснила Соня, разворачивая коня.

— Это-то понятно, только зачем?

— Знание лишним не бывает. Особенно, когда оно касается нас. Впрочем, это все равно по пути. Что тебе не нравится?

— Что не нравится... — проворчала Гана. — Мне просто страшно... Как ты не понимаешь? Ведь я всех их знала...

— Ну ладно. — Соня понизила голос. — Можешь не заходить в дом. Но ехать все равно придется.

Она ударила коня пятками, и тот рванулся вперед. Гана вздохнула и направила своего скакуна следом. Остальных волки погнались за ними. На

то, чтобы преодолеть разделявшую лагерь и дом лигу, у них ушло совсем немного времени. Издалека потянуло болотцем, Соня поняла, что они приехали, и натянула поводья. Гана с готовностью остановилась рядом, а Вулоф с Вилвой побежали вперед. Волки быстро пересекли усеянное трупам открытое пространство и юркнули в дверь. Мгновения растянулись, и даже Задира притихла.

Над головами раздался шорох крыльев, и Шалло спланировала на плечо девушки.

— Ты права! — каркнула ворона. — Они на пути к Шар-ргушу. Их всего шесть лап. С ними еще две лапы и два свободных коня. В стор-рону Янайдар-ра уходит отр-ряд латников в две лапы лап.

— Две лапы лап... — задумалась Соня, пытаясь сообразить, сколько же людей увидела птица. — То есть десять лап, или полсотни, — сосчитала она наконец. — Похоже, я вовремя бежала.

— Так ты думаешь!.. — ужаснулась Гана настолько, что даже побоялась закончить мысль.

— Ясно как день, — кивнула шадизарка, — что им нужны карты. Так что не сомневайся — приезжали они за мной.

В дверях появился Вулоф.

— Пусто!.. — глухо прорычал он.

— Едем! — так же коротко откликнулась Соня, разворачивая коня.

Они поскакали через лес. Некоторое время подруги молчали. Соня напряженно думала о том, что делать дальше. Даже добудь она деньги,

это еще не значит, что освободить Севера станет намного проще. Деньги, конечно, не помешают, даже наоборот, но не худо бы и план хоть какой-нибудь придумать. А вот с этим было совсем плохо: ни одной дельной мысли в голову не приходило.

Покачиваясь в седле, Гана думала о своем. Конечно же, и ее беспокоила судьба Вожака, но сейчас гораздо больше занимало другое. Попав на юг, она впервые поняла, как низко может цениться человеческая жизнь. В ее родной Яме все тоже подчинялись только грубой силе, но до смертоубийства почти никогда не доходило. И даже в тех редких случаях, когда кто-то погибал, ей не доводилось видеть ни убийцу, ни убитого. Здесь же, едва они пересекли границу Турана, она увидела столько смертей, что не на шутку испугалась.

Соня же продолжала размышлять о случившемся, прикидывая, как оно может повлиять на их будущее. То, что разбойникам разрешили уйти, говорит, скорее всего, о том, что они сумели договориться с латниками. На первый взгляд, это могло показаться странным, но только на первый. Если янайдарцы увидели перепиленную решетку и поверили, что девушка бежала, то и причины для ссоры с деревенскими недомерками у них не осталось.

Теперь нужно разобраться, что это дает ей... О чем может говорить то, что пленница бежала, причем ей явно кто-то помог? Не о том ли, что бумаги для янайдарцев потеряны навсегда? Ко-

нечно, они могут рассуждать иначе, но все-таки ее предположение наиболее вероятно. Если они думают, что Север похитил карты, а Соню считают его подругой, то после бегства девушки держать его в Янайдаре попросту бессмысленно. По крайней мере, ничего интересного он сообщить им не сможет. Правда, они могут ценить его как раба, бойца, гладиатора... Но ведь рабов продают и покупают...

При этой мысли Соня почувствовала, как по спине пробежал озноб, а ладони зачесались. Если свободу возлюбленного удастся обменять на золото, вырученное за камни йезмитов, то лучшей развязки она себе и представить не может! Девушке захотелось пустить коней вскачь, чтобы поскорее оказаться в городе, но она заставила себя сдержаться. Не к чему торопить события. Все должно идти своим чередом. Это простое правило она усвоила давным-давно и теперь не собиралась от него отступать. Тем более что ей придется ехать в Янайдар, и эту поездку никак не назовешь безопасной прогулкой. Тут нужно все тщательно обдумать.

Впрочем, ехать пришлось бы так или иначе, но теперь стало окончательно ясно, что если она собирается выкупить Севера, то ехать надо открыто. Это первое. Теперь дальше. Она ни в коем случае не должна оставаться в мужском обличье, как сейчас: неизвестно, как долго ей предстоит пробыть в городе, и если за это время обман раскроется, назад она наверняка не выберется. И в то же время ее не должны узнать. Причем ни

у кого не должно даже мысли возникнуть, что она и бежавшая пленница — один и тот же человек.

— Послушай, Соня! — внезапно встрепенулась Гана. — Ведь твои похитители отправились в Шаргуш! — воскликнула она, и в ее голосе Соня явно распознала ужас.

— Ну и что? — как можно спокойнее спросила она.

— Как что?! — возмутилась девушка. — Ведь меня же узнают!

— Не беспокойся, не узнают. Они никогда не видели тебя чистой, — рассмеялась Соня, но Гану это вовсе не успокоило, и девушке пришлось объяснить ей все до конца. — Помнишь обновки, что так не понравились нам в Шадизаре? Придется тебе сегодня пощеголять в своей, — усмехнулась она, от души радуясь тому, что самой ей не придется надевать ненавистный мешок. Даже уродливая маска, в которую превратилось ее лицо, казалась Соне лучше.

Гана же ошеломленно посмотрела на подругу.

— Как же ты можешь... — процедила она сквозь зубы и отвернулась.

— Ну перестань, — попросила Соня уже серьезно, — ведь это всего на полдня. Кто же виноват, что нам надо ехать в город? Давай-ка надевай прямо сейчас, — добавила она. — Хоть привыкнешь немного.

Она порылась в седельной сумке, достала ужасный наряд, и Гана поняла, что придется смириться. Протянув руку, она взяла накидку с плотной

сеткой, подумала пару мгновений и надела ее одним быстрым движением. Осторожно поправив складки, будто боялась испачкаться, она сердито спросила:

— Ну как? Не слишком уродливо?

— Если ты про лицо,— не удержавшись, улыбнулась Соня,— так его не видно.

Гана возмущенно фыркнула, взглянула на подругу сквозь узкие прорезы для глаз и неожиданно расхохоталась. Глядя на нее, Соня тоже засмеялась. Шалло и Задира растерянно крутили головами, пытаясь понять, что же так развеселило хозяйку и ее подругу?

— Как мне вести себя... в этом?

— Никак,— не раздумывая, ответила Соня.— Просто молчи и посылай всех жестами ко мне... На крайний случай запомни, что ты моя рабыня, купила я тебя в Аншане, откуда мы и едем в Шаргуш... А куда дальше, ты и знать не должна. Ну как?

— Хорошо, что ты не мужчина,— донеслось из-под накидки.

Шаргуш оказался настолько небольшим городком, что Соня даже удивилась, почему его обозначили на карте. Они пересекли всего четыре улицы и уже достигли центра и расположенной там торговой площади.

Понимая, что не стоит продавать слишком много камней сразу, Соня заранее разложила драгоценности по многочисленным мешочкам, а несколько самых мелких и дешевых камешков просто оставила в кошельке.

Остановившись на краю площади, она приподнялась на стременах и окинула майдан долгим взглядом. На дальнем краю площади разместились продавцы коней и верблюдов, но животные Соню не интересовали. Она искала лавки золотых дел мастеров. По опыту девушка знала, что они, скорее всего, находятся рядом с торговыми местами оружейников, а их-то она увидела почти сразу.

Обрадовавшись, что не придется ехать мимо вздорных верблюдов, Соня направилась в объезд площади, по левой ее стороне, а по дороге, окинув палатки ювелиров быстрым внимательным взглядом, успела оценить достаток каждого торговца.

Войдя в самую бедную лавку, она увидела худощавого зингарца, который стремительно поднялся ей навстречу.

— Что угодно господину? — почтительно остановившись в паре шагов от Сони, поинтересовался хозяин.

Посетитель, однако, не спешил с ответом. Он прошелся по лавке, рассматривая выставленные на продажу украшения, среди которых попадались и вполне приличные вещи, но ничего достойного внимания, похоже, не увидел.

— Сдается мне, что я попал не совсем туда,— хриловатым, словно с похмелья, голосом недовольно проворчала Соня, разворачиваясь, чтобы уйти.

— О господин мой,— согнулся в поклоне зингарец,— прошу тебя, не торопись и позволь объ-

яснить. Моя лавка действительно невзрачна, да и товара в ней на первый взгляд немного, но так уж приходится вести себя в Иранистане, если не хочешь лишиться всего сразу. Только скажи, и я исполню любое твое желание... Так что тебя интересует?

— Золото,— просто ответила Соня.

— Прости? — На миг на морщинистом лице зингарца отразилось удивление, но он тут же сообразил, что имеет в виду покупатель.— Кажется, я понимаю. Господин желает что-то продать? — Он вопросительно посмотрел на неразговорчивого незнакомца.— В таком случае ты не найдешь лучшего и более щедрого скупщика, чем старый Хаун. Но я должен, конечно, посмотреть товар.

Он жестом пригласил посетителя к столу.

— Ну что ж, может, оно и так,— кивнула Соня.— Посмотрим.

Она шагнула к прилавку и, достав из-за пояса кошель, высыпала его содержимое, затем быстро собрала монеты, оставив лишь с десяток мелких камешков. Зингарец взял самый крупный и небрежно повертел перед пламенем свечи, посмотрел на просвет, оценил чистоту и наконец положил его обратно, так и не притронувшись к остальным.

— Не могу тебя порадовать, уважаемый,— с деланным равнодушием заявил он.— Стоят твои камни не слишком много.

— Я знаю их цену,— отозвался незнакомец и, внимательно посмотрев на зингарца, добавил: —

Меня интересует, сколько за них даст самый щедрый скупщик Шаргуша.

Последние слова заставили ювелира вздрогнуть, ибо он понял: посетитель показал не все драгоценности. Он задумчиво поскреб нос. Возможность облапошить незнакомца уже не казалась столь заманчивой, как мгновение назад.

— Камни неравноценны...— задумчиво начал он, и Соня кивнула,— но, поскольку продаются вместе, я думаю, что десять туранских золотых за камень — хорошая цена.— Он вопросительно посмотрел на посетителя, и тот снова кивнул, соглашаясь.— Значит, всего получается сотня.

Хаун юркнул за прилавок и достал тяжелый кошель. Соня взяла его, распустила тесьму и проверила содержимое — вроде бы купец не обманул.

— Можешь не сомневаться, господин,— с улыбкой заметил зингарец.— Старый Хаун всегда честен, и когда торгует, и когда обманывает.

— То есть? — удивилась Соня.

— Я могу занижить цену, но никогда не подсушу фальшивое золото.

— Ну что ж,— улыбнулась девушка,— это меня устраивает. Камни, правда, стоят почти вдвое дороже...

— О господин! Ты просто не представляешь, со сколькими людьми бедный торговец вынужден делиться своими прибылями,— начал было он, но Соня не дала ему договорить.

— Я прекрасно знаю, с кем вынужден делиться бедный торговец,— с усмешкой заметила

она,— и потому меня устраивает твоя цена. Теперь ответь мне: что ты скажешь об этом?

С этими словами она бросила на стол связку нитей великолепного жемчуга, и глаза ювелира алчно заблестели. Он понял, что не ошибся в предположениях. Мешочки с камнями один за другим появлялись из карманов незнакомца, словно по волшебству, и столь же быстро, как только называлась цена, исчезали под прилавком. Гора мешочков с золотом росла еще быстрее. Наконец Соня поняла, что теперь, если, конечно, ее задумка удастся, золота должно хватить с избытком. К тому же у нее остался последний мешочек с самыми крупными камнями, и она решила пока придержать их.

Вырученное золото несли к выходу трое: сама Соня, Хаун и его сын. Когда деньги перекочевали в седельные сумки, ювелир хитро прищурился:

— Если еще когда-нибудь тебе понадобятся деньги, милости прошу.— Он склонился в легком полупоклоне.— На прощание хочу добавить,— понизив голос, сказал он,— ты правильно сделал, господин, что покрасил волосы. В Иранистане не любят безбородых, а еще больше — рыжих и уж совсем не переносят рыжих безбородых.— Он окинул посетителя долгим взглядом.— Хочу предостеречь тебя: на солнце рыжина просвечивает сквозь краску.

— Знаю.— Соня махнула рукой с таким видом, словно не придавала этому особого значения.— Если родился в Ванахейме, уже ничего не поправишь.

— Это верно,— согласился зингарец,— но если ты, господин, скажешь, что собираешься купить, то я, быть может, сумею порекомендовать тебе продавца, которого не интересует цвет волос.

— Ну что ж,— Соня задумалась.— Мне нужны каретник и оружейник.

— Прекрасно! — просиял Хаун.— Пошлю с тобой сынишку. Заплатишь ему золотой, и он проведет тебя и к тому, и к другому.

— Да ты, я смотрю, не упустишь своего ни в большом, ни в малом! — ухмыльнулась Соня, подбросив монету, которую паренек поймал на лету и тут же спрятал за щеку.

— А как же! — ответил зингарец.— Иначе не станешь хорошим купцом!

* * *

День близился к концу, когда проголодавшиеся и усталые девушки вернулись на свою поляну. По дороге Гана стянула с себя опостылевший наряд иранистанки и наконец-то вздохнула свободно.

— Сколько же ты выручила за камни? — спросила она, спрыгивая с подножки открытой кареты.

— Ты же видишь! — кивнула Соня на три плотно набитых мешка.

— А этого хватит? — не унималась Гана.

— На любом невольничьем рынке на эти деньги можно приобрести не одну сотню рабов.

— Но не таких, как Вожак.

— Не таких,— согласилась Соня,— но ведь нам-то и нужен он один! — ответила она и пошла умываться.

Целый день она мучилась, изнывая оттого, что из-за толстого слоя притираний безумно чешется кожа.

В конце концов ей начало казаться, что она не мылась несколько лун и что от нее пахнет потом и протухшей смесью румян и белил.

Соня долго с наслаждением плескалась в холодной воде, а когда вернулась наконец-то к костру, Гане почудилось, что подруга стала моложе и еще красивее.

Когда все насытились и поудобнее устроились у догорающего огня, Гана вновь принялась допытываться:

— Ну и что ты теперь собираешься делать?

Соня пригубила вино и задумчиво посмотрела на зажигавшиеся в небе звезды. Конечно, Гана понимала, что, вырвавшись из плена, Соня теперь постарается вызволить Севера, но до сих пор они ни словом не обмолвились о том, что для этого нужно. Теперь, судя по всему, приготовления закончились, а стало быть, она имеет вполне законное право удовлетворить свое любопытство. Тем более что ей наверняка придется помогать подруге.

— Поеду в Янайдар,— пожав плечами, ответила Соня, сознавая, что ответ ее слишком краток и ничего не объясняет.

— О, боги! — всплеснула руками Гана.— А я-то голову ломаю, думаю — куда подружка собра-

лась? Денег наменяла! Оказывается, в Янайдар! Да как ты попадешь туда?!

— Как, как...— Соня на миг задумалась, словно этот вопрос впервые пришел ей на ум, и звери уставились на нее светящимися в темноте глазами, как и Гана ожидая ответа.— Через ворота, конечно,— сказала она наконец.

— Через ворота! — отозвалась Гана, всем своим видом показывая, что с жизнью можно расстаться и гораздо проще.

— Смело! — каркнула Шалло, подумав.

— *Не смело, а глупо!* — возмущенно запищала Задира и посмотрела на Вулофа.

— Глупо...— подтвердил тот.— Но и смело...

— Ну вот и обсудили! — рассмеялась Соня, но тут же посерьезнела.— Я не предлагаю вам забыть о мрачных слухах. Просто не надо им безоговорочно верить. Есть город, в котором живут поклонники Уру. Говорят, они опустошают окрестные города и села, отлавливают неосторожных путников. Казалось бы, все должны бояться подходить к нему близко. Однако же в долине, ведущей к воротам, установлены сторожевые столбы, да и сами ворота надежно охраняются. Спрашивается, от кого?

— Ну и от кого же?

— Этого я не знаю.— Соня качнула головой.— Зато уверена, что, если ворота охраняются, значит, через них ходят не только свои.

— Ага,— нахмурилась Гана.— Не сомневаюсь, что тебя там ждут с распростертыми объятиями. Деньги не забудь прихватить — бородачам они наверняка пригодятся.

— Зачем же так? — удивилась Соня. — Думаешь, для чего я купила карету? Там есть где спрятать деньги... Ну и еще кое-что.

— Вот и хорошо, — согласилась Гана. — А ты сама? Или опять собираешься переодеться мужчиной?

— На этот раз нет. Если обман откроется, мне придется худо, а ведь я, возможно, пробуду там несколько дней.

— Я не отпущу тебя одну, — побледнев, прошептала Гана.

— Ты хочешь поехать со мной... — Соня обрадовалась тому, что ей не нужно просить подругу. — Но ведь это очень опасно.

— Но, надеюсь, я нужна тебе? — с тревогой спросила Гана.

— Очень нужна, — ответила Соня. — Я просто боялась попросить тебя.

— Ну так я вызвалась сама! И все-таки я не совсем понимаю... Ведь для того чтобы выручить господина, мы должны, по крайней мере, сами находиться в безопасности.

— Все верно, — согласилась Соня. — А для этого нам придется сильно постареть.

— Постареть? — изумилась Гана.

— Именно, — кивнула Соня. — Старуха никому не нужна ни как женщина, ни как работница.

— Что ж, наверное, ты права. Только вот что мы скажем? Кто мы такие и зачем пожаловали в Янайдар?

— Ну это-то как раз не сложно. Я ведь прожила несколько лет в Шадизаре и как-то раз услы-

шала одну историю. Якобы существовал во времена Конана Великого в Карпашских горах тайный город поклонников Затха — Кара-Зуд. И правила им могущественная колдунья, что жила в Черной Крепости по другую от Кара-Зуда сторону пропасти. Ну, Конан, естественно, колдунью прихлопнул, а крепость разрушил. Но вот город якобы уцелел и до сих пор существует.

— А нам-то какая от этого польза?

— Прямая. Нас послали жрицы Затха, впервые нашедшие выход наружу. В городе почти не осталось мужчин, и мы отчаянно нуждаемся в воинах. Точнее даже не столько в воинах, сколько в человеке, который сумел бы собрать и обучить войско, хотя бы и небольшое, ведь до сих пор нам самим приходится защищать себя.

— Кто же нам угрожает?

— Жители Кара-Зуда, конечно. Они не желают подчиняться жрицам. Мы могли бы их уничтожить, но тогда сами просто померли бы с голоду, ведь выход на равнину мы нашли совсем недавно. Зато теперь сможем подчинить себе непокорных. И если Янайдар поддержит нас сейчас, то через год получит верного союзника. Ну как?

— Меня-то ты убедила. — Гана пожала плечами. — Можешь не сомневаться. Другое дело — поверят ли в твою историю в Янайдаре? Ты ведь даже не знаешь, сохранился ли на самом деле город!

— Не знаю, — откровенно призналась Соня. — Но какая разница? Скажу только одно: что бы мы с тобой ни придумали, нам точно так же могут не

поверить. Нет ничего проще, как засыпаться на вранье. Кара-Зуд, по крайней мере, существовал. Хотя бы в этом лгать не придется.

— Хорошо, а как мы доберемся до Севера?

— Ну, это самое простое. Пойдем на ристалище. Ты не забыла, что нам нужен воин? А где искать его, как не среди гладиаторов?

— А если нам его не продадут?

— Ну есть же там какой-то правитель? — удивилась девушка. — Обратимся к нему.

— А как ты к нему попадешь?

— Об этом не беспокойся. — Соня улыбнулась наивности своей подруги. — Когда нас задержат в воротах, то первым делом приведут именно к нему. Вот тут нам и предстоит сыграть свои роли, причем безукоризненно, ведь, если первая встреча не пройдет гладко, об остальном можно просто забыть.

— Соня, я не смогу. — Гана покачала головой. — Я боюсь, и они сразу почувствуют мой страх.

— Перестань! — отмахнулась воительница. — Завтра я тебя так разукрашу, что это они тебя испугаются!

— Да я не о том, Соня! — вскричала девушка. — Я еще могу терпеть страх молча, но, если мне придется говорить, и голос задрожит, я непременно ляпну какую-нибудь глупость!

— А ведь и верно! — На мгновение Соня задумалась. — Ты неверишь, но я, кажется, могу тебе кое-чем помочь. — Она достала из мешка небольшую шкатулку, открыла крышечку. Внутри лежал коричневато-серый порошок. Соня достала

щепотку, взяла подругу за руку и высыпала порошок ей в ладонь. — Ну-ка нюхни.

Гана наклонила голову и осторожно принялась. В нос ударил резковатый, терпкий, не лишенный приятности запах.

— Что это? — удивленно спросила она.

— Втяни носом, узнаешь, — не отвечая, посоветовала Соня.

Гана помялась немного, потом решила: выдохнула воздух, ткнулась носом в ладонь и изо всех сил втянула в себя порошок. В первое мгновение она ничего не поняла, потом глаза ее широко открылись, словно она увидела за спиной подруги нечто ужасное, лицо исказила немыслимая гримаса, и девушка оглушительно чихнула.

— А-а-чхи! А-а-чхи! А-а-чхи! А-а-чхи!

Гана чихала и не могла остановиться. Она прижимала руки к груди, к щекам, закрывала ладонями рот, но все ее усилия ни к чему не приводили. При этом она, словно нарочно, поворачивалась к Соне, пока та не сообразила укрыться за кустами.

Наконец действие снадобья закончилось, и Соня вернулась. Гана сидела насупившись и смотрела на подругу исподлобья.

— Могла бы и предупредить, — буркнула она и осторожно потрогала покрасневший носик.

— Честное слово, милая, — начала оправдываться Соня, — я ведь и сама не знала, что он так сильно на тебя подействует. Видела, как мужчины его нюхают. Ну, чихнут пару раз, и все.

— Пару раз...— недовольно проворчала Гана.— Я думала, у меня башка отлетит!

— Зато, если к тебе пристанут с вопросами, достаточно нюхнуть разок, чтобы отделаться от любопытствующих.

— Но я же не могу все время чихать,— совершенно справедливо заметила девушка.

— Тогда смейся,— пожав плечами, ответила Соня.— А когда пообвыкнешься, сможешь и говорить. Но если почувствуешь, что тебе нечего сказать, нюхай порошок!

Глава пятая

тром, после завтрака, девушки, греясь на солнце, растянулись на траве. Наслаждаясь передышкой, Соня блаженно жмурилась.

— Как это прекрасно: лежать вот так, ни о чем не думать и смотреть в чистое синее небо.

— А я смотрю в небо, только когда хочу чихнуть,— отозвалась Гана, закатила глаза, несколько раз резко вдохнула и чихнула так громко, что даже прослезилась.

— Привыкаешь? — рассмеялась Соня.

Подруга ее, однако, осталась серьезной:

— Ты и вправду веришь, что наш замысел удастся?

— Не знаю,— честно призналась шадизарка.— Надеюсь, что получится. Должно.— Она серьезно посмотрела на подругу, но, видя, что та не верит ей, заговорила снова: — Подумай сама о том, что нам предстоит сделать. Мы собираемся всего-навсего приехать в Янайдар, чтобы купить там раба.

В этом нет ничего необычного. Зачем кому бы то ни было понадобился новый раб, никогда и никого не интересует. С этим ты согласна? — Гана подумала и кивнула. — Хорошо, — продолжила Соня. — Теперь наша с тобой внешность. Мы отправляемся вдвоем и должны внимательно следить друг за другом. Как только в нашем облике будет что-то не так — неважно, в твоем или моем — мы должны тут же удалиться и все исправить. Именно поэтому я так рада, что ты идешь со мной. Главное — ни в коем случае не разлучаться. Поэтому запомни: ты мой казначей и советница и должна постоянно находиться при мне. Я глава Клана Боевых Пауков, и мне нужен помощник — мужчина. Предоставь говорить мне. Чихай и смейся, в крайнем случае отделивайся ничего не значащими фразами. Можешь сказать глуховатой. Если справишься со своей ролью, никто нас не раскусит. — Она вопросительно посмотрела на подругу, и та вновь кивнула, соглашаясь. — Теперь сам Янайдар, — вновь заговорила воительница. — Все, что мы о нем знаем, говорит о том, что это опасное место.

— Вот-вот! — воскликнула Гана, и Соня подумала, что больше всего подруга боится самого города. — Все говорят, что к Янайдару лучше не приближаться!

— Большинство слухов, порожденных неизвестностью, оказываются сильно преувеличенными, а ведь о Янайдаре никто толком ничего не знает.

— Не понимаю тебя. — Гана пожала плечами. — Никто ничего толком не знает о Янайдаре — это верно, но ведь и мы тоже ничего не знаем! —

воскликнула она. — Так с чего ты взяла, что слухи не верны?!

— Я думаю... — Соня наморщила лоб и закусила пухлую губу, а ее подруга пристально смотрела на нее, напряженно ожидая ответа. — Я думаю, что эти слухи были верны... Когда-то давно. — Девушка подняла руку, упреждая возражения. — Подумай сама: когда-то, очень давно, многие сотни лет назад, Янайдар считался вымершим городом, где обитали лишь призраки самого Уру и его приспешников. Возможно, это правда, возможно, нет. Но однажды все изменилось, и в городе появились живые люди. Возможно, правы те, кто говорит, что первыми переселенцами оказались беженцы из ущелья Духов. Кто бы до них ни жил в Янайдаре, они приняли братьев по вере. Теперь представь себе огромный город, заселенный горсткой йезмитов. Наверняка среди них оказались деятельные люди. Они начали искать единомышленников и захватывать рабов. Вот тогда-то и поползли мрачные слухи. Вполне естественно, люди начали избегать Янайдара.

— А с чего ты взяла, что там уже не опасно? — уже спокойнее спросила Гана.

— А ты вспомни, что рассказывала о Янайдаре Шалло. Это большой город, в котором полно людей. Они уже не могут жить грабежом: окрестности-то пусты. Допускаю, что они до сих пор не гнушаются захватывать случайно попавшихся одиночек, но не более того.

— Вот-вот, — согласилась Гана. — Таких одиночек, как мы с тобой.

— Опасность, конечно, есть,— вздохнула Соня.— Но не думаю, что очень серьезная.

— Не думаю...— проворчала Гана.— Вот отберут карету, коней и деньги... Что будем тогда делать, даже если сами останемся на свободе?

— Именно поэтому я не стала продавать все камни, а самые дорогие оставила, хотя и надеюсь, что они не пригодятся. Помнишь, Шалло рассказывала об огромном майдане рядом с амфитеатром? Значит, город все-таки посещают торговцы. А если так, должны существовать и законы, которые их защищают. Без этого просто нельзя.

Гана вздохнула, но на этот раз ничего не сказала. Она соглашалась с подругой, понимала, что, очень может быть, так оно все и есть, но ненавистный страх не отпускал ее — она боялась. И боялась, пожалуй, ничуть не меньше, чем в начале разговора. Что бы там ни говорила Соня, а Янайдар не обычный город, да и затея с переодеванием ей совсем не нравилась.

— Сколько мы там пробудем? — хмуро поинтересовалась она.

Соня задумалась.

— Думаю, дня три,— ответила наконец она.

— Три дня! — воскликнула Гана.— Это безумие!

— А что ты так удивляешься? — хмыкнула шадизарка.— Или уже передумала? — вкрадчиво поинтересовалась она, но Гана лишь нахмурилась и поджала губы.— Подумай сама,— продолжала объяснять Соня.— Мы ведь не можем приехать и попросить продать нам Севера. Если только запо-

дозрят, что мы явились именно за ним, вот тогда неприятностей не избежать наверняка. Значит, нам ничего не остается, как терпеливо ждать, когда нам его покажут.

— А ты уверена, что нам его покажут?

— А как же? Даже в Туране не во всех городах есть ристалища, так что не беспокойся — местный владыка наверняка пожелает похвастаться редкостным зрелищем.

— А если он вообще не пожелает никого продавать?

— Ну что ж,— Соня пожала плечами.— Выразим сожаление и придумаем что-нибудь другое. Но это вряд ли. Деньги нужны всем, и если он поймет, что мы можем хорошо заплатить, то вряд ли станет упрячиться.

Гана умолкла и некоторое время обдумывала услышанное.

— И все-таки я боюсь,— наконец сказала она,— что наш обман раскроется. Что ни говори, но одно дело замазать лицо притираниями, а волосы — сажей, и совсем другое превратиться в согнутую годами старушку.

— Об этом не беспокойся,— усмехнулась Соня.

— Что ты имеешь в виду?

— Скоро увидишь,— загадочно пообещала вчительница и, легко встав, направилась к тюкам со вчерашними покупками.

Она достала штуку плотного полотна и принялась рвать его на узкие полосы.

— Что ты делаешь? — вновь поинтересовалась Гана и получила тот же ответ:

— Скоро увидишь!

Наконец Соня закончила рвать тряпки, достала костяную иглу с нитками, и ее тонкие пальчики замелькали, управляясь со швейными принадлежностями ничуть не менее ловко, чем с мечом или луком со стрелами. Полосы стремительно превращались в полотняные ремни, но все это по-прежнему ничего не объясняло Гане, и она продолжала ждать. Шалло и Задира сидели тут же, как и девушка, пытаясь отгадать, чем занимается хозяйка. Вулоф лежал на солнышке и блаженно шурился. Рана его почти зажила, но Вилва все еще продолжала охотиться в одиночку. Вот и сейчас, посчитав, что время подошло, она мягко поднялась и направилась к проходу в колючих зарослях. Шалло время от времени взлетала и, сделав широкий круг над поляной, возвращалась, — как видно, ничто не внушало ей опасений.

Как ни быстро работала Соня, а солнце успело пробежать значительную часть пути, перевалив далеко за полдень, прежде чем она отложила в сторону последнюю полосу материи.

— Ну-ка встань! — обратилась она вдруг к подруге, и та мгновенно вскочила на ноги, думая, что вот сейчас-то она все узнает.

Ничего интересного, однако, не произошло. Соня просто взяла несколько полос, приложила их к телу подруги, сняла несколько непонятных мерок и продолжила работу. Гану так и подмывало вновь начать расспросы, но, понимая, что ничего, кроме «увидишь!», от нее не добьется, молчала. Наконец Соня встала, встряхивая на

руках странным образом сшитые ремни, чем-то напоминавшие конскую упряжь.

— Ну-ка, примерь, — обратилась она к подруге.

Гана нахмурилась, протянула руку и взяла хитрое изделие, но надевать его не торопилась.

— Давай я тебе помогу, — с готовностью предложила Соня. — Платье сними... Вот так, — кивнула она, когда Гана осталась нагишом. — Ноги сюда, — подсказала она. — Ступни должны натягивать эти ремни. Так. Хорошо. Вот это мы накидываем на спину. Эти ремни на плечи. Тесно? Ну и что? Так и задумано. Все! — наконец сказала она и отошла в сторонку, любуясь своим творением.

— А-ха-ха! — хрипло захохотала Шалло и, вторя ей, Задира громко запищала.

Стоя на полусогнутых ногах, Гана сгорбилась и, нагнувшись вперед, покачивалась, едва удерживая равновесие. Выглядела она более чем нелепо.

— Кых! — поперхнулся Вулоф, и девушка упала лицом в траву, лишь в самый последний миг успев выставить вперед руки.

— Ну-ка попробуй вот это! — едва заметно улыбнулась Соня, помогая подруге подняться и протягивая ей один из двух приобретенных накануне посохов. — Так, хорошо, — похвалила она и отошла на шаг, когда Гана вновь стояла на ногах, опираясь на огромную, выше ее роста, суковатую палку. — Пройдись.

— Да ты что, шутишь? — с трудом повернув голову и посмотрев на подругу снизу вверх, возмутилась Гана. — Да я едва стою, и то благодаря этой палке!

Девушка гневно потрясла клюкой, но тут же пожалела об этом. Ее вновь качнуло вперед, она сделала два быстрых шага и вновь оперлась на клюку.

— Кр-расота! — воскликнула Шалло и вновь хрипло захохотала.

— Хорошо, хорошо! — похвалила Соня. — Дней через десять я снова поеду в Шаргуш, а до тех пор тебе придется каждый день тренироваться. Ты должна ходить, садиться, вставать, с посохом и без. Тебе будет трудно, но к концу десятого дня ты должна освоиться. И не ленись, иначе нам придется сидеть здесь до скончания веков! — прикрикнула она на собравшуюся было возмутиться подругу.

— А ты?! — запальчиво воскликнула та. — Ты тоже будешь смешить Шалло с Задиной?

— Если ты так хочешь... — отвела взгляд Соня.

— Хочу! — нахмурившись, выкрикнула Гана и гневно ударила посохом в землю.

— Х-ха-а-а! — выкрикнула Шалло и, упав на спину, задргала лапами.

— А у тебя хорошо получается! — улыбнулась Соня. — Нет, серьезно. Только мне это, извини, ни к чему. Я ведь уже прошла через такие же мучения.

— Правда? — обрадовалась Гана, мгновенно все простившая подруге.

— Ну конечно, правда, — кивнула Соня. — Однажды в Шадизаре мне такая штука очень помогла. Ведь несложно прикинуться согнутой годами старухой. Трудно не выдать себя в решающий миг.

Дни потянулись один за другим, неотличимые друг от друга как братья близнецы. Гана все увереннее могла передвигаться, и к исходу третьего дня стало ясно, что оставаться на месте дольше, чем они рассчитывали, не придется.

— А зачем нам ждать десять дней? — спросила Гана. — Я уже чувствую себя вполне уверенно, и с палкой, и без. Думаю, если мы отправимся даже завтра, не подведу.

— Не все так просто, — серьезно, объяснила Соня. — Ходить по-старушечьи ты сможешь, в этом я не сомневаюсь. Но тело у тебя молодое и одними притираниями на лице тут не обойдешься — шея, руки неизбежно выдадут тебя.

— И тебя тоже.

— Ну конечно же, и меня, — согласилась Соня. — Но кожу можно на время состарить. Для этого есть особые снадобья. Вот за ними-то я и отправлюсь скоро в Шаргуш. За ними и еще кое за какой мелочью. Только это и держит нас на месте.

Гана и Соня, которая на следующий же день сшила такую же «сбрую» и для себя, старательно отрабатывали каждое движение, стремясь к тому, чтобы они стали свободными и естественными.

Соня, кроме того, тщательно осмотрела всю карету и наряду с ящиками для хранения вещей нашла несколько потайных, достаточно хитроумно устроенных отделений. находка оказалась весьма кстати, ведь в Янайдаре им понадобятся деньги, и простая осторожность подсказывала, что их лучше спрятать подальше и до поры до времени не показывать.

Соня к тому же сшила одежду, которая не сковывала бы движений, но обязательно скрывала и ремни на телах, и сами тела от посторонних взглядов.

Так что скучать девушкам было некогда. Даже в тот день, когда Соня отправилась наконец в Шаргуш, Гана привычно натянула на себя «сбрую» и принялась вышагивать по поляне, нетерпеливо поглядывая на солнце, словно оно могло поторопить ее подругу.

Наконец кружившая в небе Шалло каркнула, подавая знак, что кто-то приближается, и вскоре Соня въехала на поляну, ведя на поводу второго навьюченного коня.

— Снимай эту гадость! — с ходу скомандовала она. — Сегодня вечером отдыхаем, а завтра с утра начинаем готовиться. Ночевать нам придется уже в Янайдаре. Так что эту дрянь мы не снимем, пока не выберемся оттуда.

— Если выберемся, — вздохнула Гана.

— Выберемся, не сомневайся! — беспечно ответила Соня. — Мы приезжаем как жрицы Затха, встречаемся с Уру, или кто там у них за главного, выкупаем Севера и уезжаем. Прекрасный замысел, и денег у нас достаточно. Так что не сомневайся! — обнадежила она подругу, хотя на самом деле такой уверенности в благополучном исходе не испытывала.

* * *

Проснувшись утром, Гана увидела Соню перед зеркалом с остро заточенным кинжалом в руках.

Она протерла глаза, видимо, надеясь, что все еще спит, но видение не пропало.

— Ну что ты там моргаешь? — усмехнулась Соня. — Иди лучше сюда и помоги мне. Кстати, сожалею, но тебе тоже придется расстаться с волосами.

— Это еще зачем?

— А ты много видела старушек с такими прекрасными, густыми, локонами? — насмешливо взглянула на нее шадизарка. Гана растерянно покачала головой. — Вот то-то и оно.

Она посмотрела в зеркало и решительно провела лезвием по волосам. Закончив, Соня осмотрела себя в зеркале со всех сторон и повернулась к подруге.

— Ну как?

— Здорово, — кивнула Гана. — Только мне, признаться, совсем не хочется менять прическу. После того как помылась, я как-то полюбила свои волосы.

Она погладила прекрасные золотые кудри и посмотрела на Соню.

— Перестань! Оглянуться не успеешь, как отрастут новые, и еще гуще прежних! Зато сейчас из нас получатся замечательные старушки — сгорбленные и лысые.

— Ладно, давай! — после недолгих колебаний решила Соня.

Соня улыбнулась. Локоны один за другим падали на траву, а она уже бралась за следующий. Через считанные мгновения Гана преобразилась до неузнаваемости.

После того как обритые и вымытые головы высохли, в дело пошло особое снадобье, которое Соня привезла накануне вечером из Шаргуша. Помогая друг другу, девушки старательно обмывали не только лица, но и головы, шеи и руки до локтей. После этого им пришлось долго ждать, пока состав высохнет, оставив на теле прочную пленку, под которой кожа казалась серой, постарчески сморщенной.

Соня знала, что снадобье можно не смывать несколько дней, но никак не дольше седмицы, однако считала, что этого времени им вполне хватит, чтобы выручить Севера...

* * *

Солнце еще припекало, хотя и клонилось к вершинам гор, когда запряженная восьмериком карета показалась в начале ведущего к Янайдару ущелья. Дозорный на вершине первого из «пальцев» мгновенно насторожился и послал сигнал замершему на следующем «пальце» товарищу.

Соня прекрасно видела все, и ее вполне устраивало такое начало. Хотя Шалло и вполне ясно обрисовала путь до городских ворот, но пусть лучше их проводят ко дворцу местного владыки.

Карета продолжала все так же неспешно катиться вперед. Шипы защищавших колеса стальных ободов с мягким хрустом вгрызались в мягкий камень дна ущелья, копыта коней стучали глухо и негромко.

Соня посмотрела по сторонам. Слева и справа уходили вдаль выветренные скалы, точно такие

же, среди которых они плутали. Каменистое дно лишь кое-где оживляли кривые низкорослые, как и во всем Иранистане, деревья. И только гранитные столбы, непонятно как попавшие сюда, торчали на одинаковом расстоянии друг от друга, и это, несомненно, говорило о том, что они — творение человека.

Вскоре вдали показалось пылевое облако. Соня безошибочно распознала отряд всадников, видимо, спешивших им навстречу, и подивилась тому, как быстро они оказались здесь. Отряд приближался. Все те же латники, что увезли ее Севера. Соня насчитала десять человек. Девушка не знала, что сообщили о них дозорные, но, судя по всему, двух старушек сочли не опасными, ведь за воином, бежавшим из ущелья Духов, отправилось полсотни латников.

Они успели проехать половину пути между третьим и четвертым «пальцами», когда предводитель отряда поднял руку, и всадники резко остановились. Гана тут же натянула поводья. Лица девяти всадников не выражали ничего, словно происходящее никак не касалось воинов, и только предводитель позволил себе проявить интерес, рассматривая непрошенных гостей.

Впрочем, дряхлые старухи заинтересовали его гораздо меньше, чем кони. Он окинул восхищенным взглядом восьмерку великолепных животных и удовлетворенно кивнул: хороший подарок он сделает сегодня своему владыке, а повелитель никогда не забывает тех, кто верно, а главное — с пользой, служит ему.

Затем он посмотрел на карету и ею тоже остался вполне доволен. Она не выглядела роскошной, но наметанный глаз воина сразу отметил крепкие дубовые окованные шипованной сталью колеса, которые позволяли повозке оставаться устойчивой даже на самых крутых поворотах, а с мягкими рессорами даже капризным ездокам можно было не бояться плохих дорог. Таким, скажем, как та, премерзкого вида старушонка, что развалилась на сиденье. Страшная, как дочь Ксотли. Впрочем, и возница ничуть не лучше. Он хотел было отдать приказ прибить старух, но тут ему пришла в голову необыкновенно удачная мысль: они настолько уродливы, что, пожалуй, стоит оставить им жизнь. Наверняка повелитель останется доволен, а если нет, то свернуть шею столетней карге может и ребенок.

Он еще раз окинул старух взглядом: сморщенная, бледная, как на жабьем брюхе, кожа, синюшные губы, коричневые чудом уцелевшие зубы, желтые ногти на узловатых пальцах.

— Откуда и куда путь держите, добрые женщины? — не без ехидства поинтересовался он.

— Из Кара-Зуда в Янайдар, красавчик! — важно прошамкала бабка, что небрежно развалилась на сиденье, а вторая, на козлах, не к месту загоготала, распахнув уродливую пасть. — Мы жрицы Затха и прибыли сюда, чтобы увидеться с владыкой Уру! Сделай милость, не задерживай нас!

С этими словами карга сорвала с пояса мешочек и неожиданно ловко швырнула его предводителю, так что тому не составило труда поймать

летевший прямо в руки кошельек. Распустив тесемку, он увидел золото и задумчиво посмотрел на скрюченную ведьму, на поясе которой висело еще несколько таких же кошельков рядом с тесачами наподобие тех, какими мясник разделяет туши. Ножи его не пугали, хотя... Всякое в жизни случается! Если одной из старых кляч удастся задеть кого-то из его воинов, он превратится в посмешище. К тому же если прикончить старух, ему придется отдать золото — все золото! — повелителю, а так он может оставить кошель себе, выделив малую часть своим людям в обмен на молчание. Эта мысль окончательно разрешила все его сомнения. Предводитель довольно ухмыльнулся. Да... Безусловно, он поступит правильно, если доставит уродин к повелителю живьем.

— Не только не задержу, но и провожу к нему, — пряча кошель за пояс, пообещал он и махнул рукой в сторону города.

Его люди тут же развернули коней, уродливая возница на козлах вновь невпопад захохотала, словно он сказал что-то смешное, но хлестнула коней, и те резвой рысью помчались вперед. Вскоре они достигли ворот. Соня старалась не показывать, какое впечатление произвели они на нее, и, судя по всему, это ей удалось. К тому же гораздо больше девушку интересовал мост, перекинутый через широкий, казавшийся бездонным, ров. Подъемных цепей не было — мост, скорее всего, не поднимается. Это хорошо. Это значит, что, как бы ни повернулось дело, у них есть надежда выбрать-

ся из города. Колеса прогрохотали по стальной поверхности, и карета въехала в тень пробитого в скале прохода.

* * *

— Ну? Теперь-то ты видишь, что я не ошиблась? — спросила Соня, прикладывая к губам корявый палец, и Гана кивнула, показывая, что все понимает: хоть и оказались они наконец-то наедине, их вполне могут подслушивать.

— Ты, как всегда, проницательна, госпожа, — посмеиваясь, ответила она.

Им отвели обширные покои и прислали молодых рабынь, которых Соня тут же прогнала, наказав принести ужин и не показываться до утра. Девушки с удовольствием поели и растянулись на постелях, освободив ступни и плечи от надоевших ремней и с наслаждением распрямив скрюченные тела. Гана мгновенно заснула, видимо, слишком устав за день, а Соня еще некоторое время мужественно боролась со сном, старательно восстанавливая в памяти разговор с Уру и пытаясь все обдумать.

— ...Так, значит, вы и есть те самые жрицы с далекого севера? — спросил Уру, и, хотя на губах его играла мягкая улыбка, взгляд оставался жестким и настроженным. Он посмотрел на Гану, и та с готовностью закивала, сопровождая постарчески неуклюжие движения глуповатым смешком. — Что же привело вас в наш славный город? — продолжал он, обращаясь к Гане, видимо посчитав ее главной.

— Прошу тебя, господин, обращаться ко мне, — дребезжащим голосом заговорила вторая старуха, оправива волчью накидку, неожиданно плавно шагнула вперед на полусогнутых ногах и остановилась, опираясь на тяжелую суковатую клюку. — Меня зовут Сонжа. Ганга, моя спутница, не слишком умна, не очень здорова и глуховата, но отлично управляется с лошадьми и знает счет деньгам.

— Деньгам? — удивился Уру. — И как же вы не побоялись вдвоем отправиться в дальний путь, да еще с деньгами?

— Так ведь о деньгах никто не знает, — проскрипела старуха, — а как женщины мы вряд ли кого можем привлечь, — с усмешкой заметила она, обернувшись к Гане, и та, кивая, захихикала, словно намекая, что на самом-то деле все далеко не так скверно — ее госпожа просто скромничает.

Такой ответ немало позабавил владыку.

— Так-таки уж и никого? — усмехнулся он, но получил ответ, заставивший его сначала расхохотаться, а после задуматься.

— Ты прав, господин, — прошамкала старуха, — попадались нам и такие, кому очевидное не бросается в глаза. Пришлось поучить их...

Сказав это, она пристально посмотрела на него. Уру кивнул стоявшим у дверей стражникам, и те с жестокими ухмылками двинулись к старухам. Они слышали разговор, поняли, что владыка собирается проучить нахалок, и не собирались разочаровывать его. То, что произошло чуть позже, изумило всех. Опиравшаяся на посох жалкая скрюченная старушонка неожиданно шустро раз-

вернулась на месте и, подняв над головой сморщенную руку, заставила посох вращаться в ней с бешеной скоростью. Ее глуповатая и не слишком здоровая спутница, не переставая хихикать, погрозила опешившим стражникам корявым пальцем с длинным желтым ногтем.

Оба воина вопросительно посмотрели на повелителя. Уру жестом предложил им продолжать: раз карга настолько безрассудна, что ж, пусть получит свое. Оба воина, как по команде, двинулись в разные стороны, стремясь обойти противника. Мгновенно поняв их замысел, старуха ударила концом посоха в пол и замерла, выжидая. Некоторое время слышался только глуповатый смехок ее подружки, словно говорившей: «Сейчас... Сейчас позабавимся!» Держа мечи в вытянутых руках, воины начали медленно сходитьсь, но старая будто не замечала их, пока не решила, что пора действовать.

Ее посох будто ожил, мгновенно ткнув того, что приближался спереди, нижним концом в пах, и тут же рванулся обратно, угостив и того, что находился сзади, точно таким же ударом. Вторая ведьма одобрительно закивала и снова захихикала. Посох, однако, остановился только после того, как выбил оружие у обоих воинов и прошелся вдоль спины каждого. Только тогда карга посчитала свое дело сделанным и, обернувшись к владыке, замерла в прежней полурасслабленной позе.

— Впечатляет,— кивнул Уру и тихонько похлопал в ладоши, отдавая должное мастерству гостыи.

— Ах, господин,— скромно заметила Соня.— Силы мои на исходе. Благодарение Затху, это еще не заметно каждому. Сейчас я возглавляю Клан Боевых Пауков. Но близится день, когда я окажусь ни на что негодной, а заменить меня некому. Я чувствую это, это чувствуют сестры, и Верховная Жрица согласилась отпустить меня на поиски воина, способного занять мое место.

— Так ты ищешь воина...— задумчиво повторил Уру, оперевшись рукой на подлокотник и не обращая ни малейшего внимания на вытянувшиеся лица стражников.— Признаюсь, если бы я только что не увидел, как легко ты расправилась с двумя моими телохранителями, просто не поверил бы тебе. Но расскажи подробнее, кого ты ищешь?

— Кого? Все достаточно просто. Мне все равно — мужчина это будет или женщина. Главное, чтобы человек оказался достаточно молод и хорошо обучен воинскому искусству. Раб он или свободный, тоже все равно — я готова заплатить хорошую цену, если... Если он мне понравится.

— И сколько денег у тебя при себе?

— При себе не слишком много,— отозвалась старуха и хлопнула себя по поясу с кошельками,— но достаточно большую сумму я оставила верному человеку в Шаргуше,— заверила она, обернувшись к своему казначею, и вторая карга одобрительно закивала и засмеялась, словно радовалась, что они так ловко провели местного владыку.

— Что ж,— подавив досаду, сказал Уру,— есть у меня человек, который, я думаю, может понравиться тебе, но имей в виду, что он стоит очень больших денег.

Он собрался было назвать предварительную цену, но шадизарка подняла похожую на лягушачью лапу ладонь со скрюченными пальцами, явно останавливая его.

— Сначала я должна посмотреть, так ли твой человек хорош,— рассудительно заметила она, и это разозлило его, хотя умом он и понимал, что возражение разумно.— Вели позвать его.

— Нет,— отказал он.— Этот человек — раб. Гладиатор. Совсем недавно он покинул ристалище и теперь отдыхает. Я очень ценю его и не хочу беспокоить. Завтра вечером ты увидишь его в деле, а пока придется потерпеть.

— Это как нельзя лучше отвечает и моим желаниям,— прошамкала старуха и склонилась в неуклюжем поклоне.

— В таком случае слуга проводит вас!

С этими словами Уру ударил по маленькому бронзовому гонгу, дверь распахнулась, и вошедший человек упал перед господином на колени.

...Соня усмехнулась: все прошло как по маслу. Намного успешнее, чем она могла надеяться. Значит, завтра она увидит Севера, а остальное просто не имеет значения. Девушка прекрасно знала, что сколько стоит. Так что даже если местный владыка заломит совершенно несуразную цену, она в силах ее заплатить.

Убаюканная сладкими мыслями, она заснула.

* * *

Вернувшись к себе, Халима заперла дверь на засов и заметалась по комнате, точно раненая волчица. Давно стемнело. Косой дождь хлестал в окно, а ветер диким зверем завывал в каминной трубе, грозя загасить пламя, тщетно пытавшееся прогреть воздух в комнате. Наконец она остановилась и, только впервые ощутив холод, подбросила в камин несколько свежих поленьев и устало опустилась в кресло, чувствуя, что силы покидают ее.

За стеной слышались тяжелые шаги. Ручку двери осторожно тронули, но она не поддавалась, и тогда тихонько постучали, однако Халима не проронила ни звука. Сейчас она никого не желала видеть и меньше всего Кучулуга, а ведь это наверняка он топчется сейчас перед дверью. Лишь Оракулу она не осмелилась бы отказать, но девушка знала, что это не Разара: она только что вернулась от владычицы.

Новость же, которую ей там поведали... Жрица сжала кулаки, и сердце ее бешено заколотилось. Север в плену... Правда, и рыжая дрянь тоже, но сейчас это совсем не радовало ее. Если за гибель шадизарской девки придется заплатить жизнью Севера... Пусть тогда лучше живет! Но что же делать? Что делать?!

Только что вернулась Вестница и принесла на лапе записку. Халима сосредоточилась и без труда припомнила ее содержание.

«Документы получены, но из-за погони спрятаны. Север в плену, в Янайдаре. Соня в плену

рядом с Янайдаром. Схвачена разбойниками из Ямы. Писано Ганой, неизвестно какого дня второй, а может, и третьей луны осени».

Она мысленно перечитала каждое слово, пытаясь отыскать в них некий скрытый смысл, но его попросту не было. Значит, Северу все-таки удалось выкрасть планы подземелий... В самых радужных мечтах колдунья не надеялась, что это удастся, несмотря даже на то что за дело взялся сам Север. Пожалуй, первый раз в жизни она усомнилась в возможностях Вожака и... ошиблась.

Ему удалось-таки добиться своего. Правда, какой ценой! Она попыталась представить, как все было. Раз документы спрятаны, значит, Вожак сумел вырваться из замка йезмитов. Наверняка за беглецами погнались. Он спрятал документы, и Вестница знает где. Так что же там произошло? И где, интересно знать, находились в это время Юрг с Ярой?! Север попал в безвыходное положение и поэтому спрятал документы, или рыжую девку схватили, и он, решив вернуться за ней, не захотел подводить Разару?

Но кто же тогда написал письмо? Что еще за Гана? «Писано Ганой неизвестно какого числа!» Хороша, ничего не скажешь! Она-то как уцелела? Наверное, Халима могла бы задать еще не один десяток вопросов, но решила, что с нее хватит. Что толку изводить себя, если все равно поделаться ничего нельзя? Или все-таки можно?

Она снова задумалась. Совершенно ясно, что как Жрица Логова она ничего изменить не может.

Завтра же Тирал отправится в Иранистан, чтобы забрать документы и попытаться разузнать о судьбе Севера. Но цель его поездки — Халима понимала это, и, как ей показалось, понимала и Разара — в первую очередь, карты. Северу же если и можно помочь, то делать это нужно прямо сейчас. Немедленно!

А немедленно сделать она ничего не может. Или, все-таки, может? Откуда же эти странные сомнения? Словно она знает нечто полезное, о чем упорно пытается забыть, да никак не получается... Ну конечно же — Темный Властелин... Если кто-то и в силах сейчас помочь, так только он. Но именно к нему она не имеет права обращаться за помощью. Халима отчетливо понимала, что, как только сунется с просьбой к Тени Темного Властелина, Северу придет конец. Откуда взялась такая уверенность, она не знала, но сердце любящей женщины подсказывало ей, что она права.

Что же придумать? Девушка в ярости закусил губу, пытаясь ответить на вопрос, ответа на который, совершенно очевидно, просто не было. Не может ведь она заставить Тень поступать не так, как хочется Темному Властелину, а так, как хочется ей, Халиме! Вконец запутавшись, она тяжело вздохнула и замерла, не в силах думать вообще ни о чем.

* * *

Когда Соня проснулась, давно перевалило за полдень. По правде сказать, она уже просыпалась,

но, когда вошла рабыня и тихонько приблизилась к ее постели, сделала вид, что спит. Тогда девушка задернула на окнах тяжелые шторы и так же бесшумно удалилась, а Соня и сама не заметила, как снова заснула. Когда же она пробудилась во второй раз, солнце стояло уже высоко.

Гана поднялась раньше и теперь сидела за столом в полном старушечьем облачении и, повернувшись к подруге, ехидно смотрела на нее и ухмылялась.

— Как-кая гадость! — с отвращением прохрипела Соня и прикрыла глаза, чтобы не видеть уродливого лица Ганы.

— На себя посмотри! — мгновенно огрызнулась та.

Соне стало смешно. А ведь и верно! Сама она выглядит ничуть не лучше. Лысое, сморщенное, отвратительное чучело, больше всего походившее на... Тут она на миг запнулась, пытаясь отыскать точное сравнение, но ничего на ум не приходило.

Тогда она открыла глаза, чтобы освежить в памяти кошмарный образ.

— Жабочка ты моя, — улыбнулась Соня подруге. — Со вчерашнего вечера мы еще похорошели, или я просто отвыкла за ночь? — поинтересовалась она, потягиваясь.

— Ты не очень-то улыбайся, — с ухмылкой предостерегла Гана. — Шкурка лопнет!

— Еще ехидничает, уродина! — беззлобно проворчала Соня и снова улыбнулась.

— Перестань гримасничать, — отозвалась Гана. — Морщины останутся.

Обе беззаботно расхохотались хриплым, вполне соответствовавшим внешности смехом. Видно, за дверьми ждали их пробуждения, потому что, едва раздался смех, в комнату робко вошла молодая рабыня и поинтересовалась, не проснулись ли госпожи и, если да, то не изволят ли они откушать?

В ответ на это одна из отвратительных старух оскалилась и захихикала, словно злосчастная рабыня сказала что-то необычайно смешное. Бедняжка затряслась от страха, а вторая старуха — еще более отвратительная горбунья, чем первая, — окинула ее недобрый взглядом и зло прохрипела:

— Неси, милая, еду! Или мы тебя, сладкая, съедем на завтрак!

Чтобы показать, что она вовсе не шутит, старуха неожиданно бодро вскочила, скрюченная, почти прижатая к полу и оттого еще более кошмарная со вздымавшимся над головой ужасным горбом. Рабыня испуганно завизжала и молниеносно выскочила за дверь.

— Зачем ты напугала девушку? — удивилась Гана.

— Так нужно, жабочка, — улыбнулась Соня. — Скоро мы всех по-настоящему заинтересуем, и начало этому интересу я положила только что.

— Ты сделала это еще вчера, — возразила Гана, — когда уложила двух телохранителей Уру.

— Не-ет. — Соня покачала обезображенной головой. — Те двое будут молчать и ни за что не признаются в своем позоре. — Зато к вечеру, уве-

ряю тебя, полгорода будет знать, что двум приезжим колдуньям ничего не стоит съесть за завтраком бедную девушку!

— Любишь ты покрасоваться, моя прелесть! — с гнусной ухмылкой заметила Гана.

— Красование здесь ни при чем, радость моя, — ответила Соня с не менее зверской гримасой. — Просто известность может вызвать уважение нашего гостеприимного хозяина. Уважение, соглашусь, ни на чем не основанное, но это совсем не важно, потому что завтра мы отсюда уедем.

Гана ничего не ответила, только недоверчиво покачала головой. Быть может, она и хотела что-то сказать, да не успела. С подносом в руках в комнату вошла давешняя рабыня и, опасливо косясь на двух уродин, начала быстро накрывать на стол. Вместе с ней пришли еще две девушки, но, как видно, слух уже пополз: и они были не менее настороженными. Наконец приготовления закончились, и одна из девушек, набрав полную грудь воздуха, словно собиралась нырнуть в холодную воду, заговорила.

— Господин приглашает вас на вечерние бои, — выпалила она. — Если вы согласны, он пришлет за вами провожатого. Что мне передать ему?

— Мы согласны, моя сладкая! — прорычала Соня, щелкнув зубами.

Девушка вздрогнула и выскочила из комнаты.

— Ты мне не поверила, — заметила Соня, продолжая прерванный разговор, — но теперь-то видишь, что все обстоит именно так, как я говорила. Скоро мы увидим его и скупно похвалим. А

вечером нам его начнут продавать, восторженно расхваливая многочисленные достоинства, которых у него и вправду немало. Я начну его ругать и говорить, что он совсем не так хорош, каким его хотят представить.

— А стоит ли спорить? — усомнилась Гана.

— Если не спорить, то у нас денег не хватит, — веско заметила подруга.

— И то верно, — огорчилась Гана. — А ты сумеешь сбить цену? — с надеждой спросила она, принимаясь за жаркое.

— Если ты мне поможешь, — с набитым ртом ответила Соня, — то вполне.

— А что я должна делать? — прожевав, поинтересовалась Гана.

— Ну... — Соня задумалась. — Как услышишь, что я Севера ругаю, чихай да смейся — вроде как ты совершенно со мной согласна. Мол, смешно тратить золото на такого неумеху!

Гана фыркнула, поперхнулась и сразу стала похожей на подавившуюся слишком длинным червяком ящерицу. Отсмеявшись и запив вином застрявший в горле кусок, она уже серьезно посмотрела на подругу.

— Какая ты умная! — восхитилась она.

— А то как же! — с достоинством прошамкала Соня, вновь принимаясь за еду. Потом вдруг отложила недоеденный кусок, посмотрела на подругу и сокрушенно покачала уродливой головой. — Ну и хороша же ты, жабочка.

— В зеркало посмотришь, старая черепаха, — не задумываясь, ответила Гана.

Старушки посмотрели друг на друга и весело расхохотались.

* * *

Трибуны гудели от восторженных голосов. Соня сидела рядом с Уру и равнодушно смотрела на арену, хотя там собралось немало неплохих бойцов. Гана расположилась подле нее, старательно делая вид, что ей, как и госпоже, все это пока не интересно.

Поединки шли долго, даже Соня, которая знала, что такое гладиаторские бои, не ожидала, что в Янайдаре найдется столько воинов, да еще и столь сильных и ловких, почти со всех стран обитаемого мира. Причем каждый из них сражался тем оружием, к которому с детства привык на родине. Больше всего бойцов было из разных мест Черного Континента, что, впрочем, было совершенно понятно.

Север все не появлялся, и Соня начала уже беспокоиться, не случилось ли с ним чего-нибудь. Владыка назвал его Ревсом, но не нужно обладать особой проницательностью, чтобы понять: это имя Севера без одной буквы, прочитанное наоборот.

Однако, когда Вожак вышел на арену, девушка сообразила, почему его так долго не было. По восторженному реву, с которым зрители встретили ее возлюбленного, она поняла, что его поединок — главный. И его оттягивали нарочно, для того чтобы зрители больше времени провели на трибунах и больше выпили вина и съели сластей.

— Ну и как тебе мой боец? — поинтересовался Уру, когда они вернулись в покои.

Как и накануне, разговор проходил с глазу на глаз, без придворных.

— Хорошо, — прошамкала старая карга, — но не так, как ты расписывал, — добавила она, и Гана подобострастно захихикала. — Кстати, — продолжила Соня, — у тебя вообще немало хороших бойцов. Поверь, я знаю в этом толк.

— Не берусь спорить, уважаемая! — Тонкие губы Уру растянулись в самодовольной ухмылке. — Не понравился Ревс, бери любого другого. Буду только рад!

— Не сомневаюсь, любезный хозяин! Не сомневаюсь! — проскрипела гостья. — Но твой Ревс действительно лучший из них. Я просто хотела сказать, что ты слишком скромничал, говоря о его исключительности.

Она посмотрела на владыку, и Уру отвесил ей насмешливый полупоклон, яснее слов говоривший: он прекрасно понимает, что она имеет в виду.

— Но я согласна с тобой, — продолжала карга, — если кто меня и заинтересовал из твоих воинов, так это он. Хотя и ему придется еще многому поучиться.

Повелитель Янайдара вновь улыбнулся, показывая, что и эти слова гостьи оценил по достоинству, но иначе как шутку воспринимать их не может.

— Итак, твоя цена, — заговорил Уру, и улыбка мгновенно исчезла с его лица: о деньгах он предпочитал говорить серьезно.

— Тысяча полновесных золотых! — прошамкала старуха и победно посмотрела на владыку.

— Я не ослышался? Ты сказала: тысяча?! — неожиданно весело воскликнул он.

Гана переводила настороженный взгляд с госпожи на янайдарца. Она даже перестала смеяться, явно не зная, как вести себя. Впрочем, у Уру ее растерянность не вызвала недоумения, ведь госпожа Сонжа предупредила его, что Ганга туповата.

— Ты хорошо знаешь, господин мой, что мужчина-раб стоит дешевле хорошего скакуна. Женщина — другое дело, но мы говорим о Ревсе, и только поэтому я предлагаю в десять раз больше, чем стоит хороший раб... Тысяча золотых — большие деньги! — сказала она и выжидательно посмотрела на Уру.

Тот нахмурился.

— Ты кое о чем забыла, — заговорил он наконец. — Мы не на рынке рабов, и я вовсе не собирался продавать Ревса. Все наоборот. Ты приехала сюда, чтобы найти необходимого тебе воина. Это в корне меняет дело, а значит, и цену.

— Ты просто хочешь воспользоваться нашими трудностями! — зло прошипела старая карга, и Уру удовлетворенно кивнул.

Похоже, до уродины начало доходить, что исполнение желания стоит денег, и немалых... Тут жалкой тысячей не обойдешься! Он смотрел на нее насмешливым взглядом, с радостью отмечая, что старуха начала успокаиваться, ведь, как ни забавляло его поведение гостыи, удовольствие не

должно длиться слишком долго, иначе оно может надоесть.

— Сколько же ты хочешь? — наконец спросила она.

— Ну, — он закусил губу и задумчиво посмотрел на потолок, старательно делая вид, что впервые задумался над этим вопросом, — мне кажется, что сто тысяч — это та цена, на которую я могу согласиться.

— Сто тысяч! — воскликнула старуха, и лицо ее исказила чудовищная гримаса, а вторая ведьма злобно зашипела и плюнула на пол.

«Оказывается, старая карга была права, — подумал Уру, — несмотря на тупость значение чисел Ганга понимает мгновенно!»

— Ну так что ты скажешь? — вновь спросил он, дождавшись, пока обе старухи немного успокоятся.

— Хочу сказать, — отозвалась Соня, — что чужие трудности тоже надо использовать с умом... Если не хочешь остаться с носом! — закончила она, и Гана залилась таким идиотским смехом, словно ее владычице удалось сторговать раба за одну монету.

— Понимать ли мне твои слова как отказ? — нахмурившись, спросил Уру.

Ему совсем не нравилось, как развивается разговор. Если бы он мог раньше предположить, что кому-то взбредет в голову пожаловать в Янайдар и выкупить его раба, он бы, пожалуй, побеспокоился о подставных соперниках, чтобы легче было поднимать цену.

— Да нет, почему же? — спокойно отозвалась Соня. Она понимала, что не стоит переигрывать и слишком уж раздражать владыку, иначе он может заупрямиться, и, словно угадав ее мысли, Гана тоже перестала хихикать. — Я признаю, что твой довод разумен. Мне действительно нужен воин, и только поэтому я согласна удешевить цену. — Она внимательно посмотрела на Уру. — Десять тысяч!

Вторая старуха вновь зашипела и плюнула: видать, не хотела расставаться с деньгами, но эта цифра возмутила ее меньше, чем предложение Уру.

— Ты, наверное, забыла, — мягко заметил владыка, — ведь я говорил о ста тысячах, а не о десяти.

— Я помню, — гнусно осклабившись, кивнула старая карга. — Но в отличие от тебя я помню так же и то, что мы говорим о рабе и потому названная тобой цена просто несуразна. На сто тысяч можно построить хороший корабль!

— Можно, — с улыбкой согласился Уру и не добавил больше ни слова: он ждал, что скажет она.

— Зачем тебе корабль здесь, где нет не то что моря, даже приличной реки? — спросила старуха. Судя по всему, она тоже не стремилась торопить события.

— Разве я хоть словом обмолвился об этом? — удивился Уру.

Он посмотрел старухе в глаза и вдруг решил кое-что рассказать ей. Так, самую малость. Кто знает? Может, и впрямь им предстоит стать союз-

никами? Кто знает? Ведь с Мертвым Городом смогли договориться. Правда, не все в их отношениях нравилось Уру: уж слишком новоиспеченный друг стремится к главенству. Неплохо бы его осадить при случае.

— Грядут большие потрясения, — заговорил он после паузы, немало удивив Соню своим признанием. — Вам, в сердце Хайбории, это пока незаметно, зато мы здесь очень остро чувствуем, что происходит. Нужны деньги, и немалые, чтобы быть во всеоружии. Однако из уважения к своим будущим союзникам я готов пойти на уступки. Восемьдесят тысяч, — произнес он, и Гана недоверчиво гоготнула, словно он сказал нечто чрезвычайно глупое.

— Напрасно ты думаешь, что мир прозябает в невежестве, — откликнулась Соня, и Гана подобострастно захихикала, всем своим видом показывая, что уж они-то знают о нависшей угрозе много больше южан. — Именно поэтому я и не могу так безрассудно тратить деньги. — Она запнулась на миг. — И все-таки, видя твою готовность, господин, идти навстречу, я готова заплатить двадцать тысяч. Подумай, — произнесла она после паузы. — Двадцать тысяч — огромные деньги!

Владыка посмотрел на нее исподлобья и задумчиво постучал пальцами по подлокотнику. Соня поняла, что сейчас начнется настоящий торг.

Гана злобно забормотала: «Два-дысят тысяч!» — и Уру усмехнулся: ишь ты! Не нравится!

— Ты права, — улыбнулся он. — Двадцать тысяч — хорошие деньги. Но этого мало.

«Мало для чего?» — захотелось спросить Соне, но она вовремя спохватилась. Не ее это дело. Ей нужен Север, Уру нужны деньги. Каждому свое, а зачем — не важно!

— Я вижу, однако, что ты настроена серьезно,— продолжил он.— Что ж, пусть будет семьдесят,— предложил он, не обращая внимания на недовольное ворчание старой карги.

— Тридцать! — мгновенно отозвалась Соня, и Гана возмущенно зашипела и затрясла клюкой.

— Успокойся, жабочка. Я знаю, что делаю! — ответила ей образина, и Уру едва сдержался, чтобы не хохотнуть.

Оказывается, уродина не только понимает, насколько безобразна, но еще и обладает своеобразным чувством юмора! Он почувствовал, что настроение его поднимается.

— Шестьдесят,— не удержался он.

— Сорок,— ответила Соня.

И тут оба поняли, что до цели остался всего один шаг.

— Ну что ж, я думаю, мы договорились? — спросил Уру.

— Если ты говоришь о полусотне, то да,— кивнула Соня.

— Вот и отлично,— улыбнулся владыка.— Когда я смогу получить свои деньги?

— Я ведь говорила, что с собой у нас такой суммы нет,— напомнила Соня. Правда, Уру вел себя по отношению к ним весьма почтительно, и все-таки она не хотела рисковать.— Предлагаю поступить так. Завтра мы в сопровождении Ревса и

верных тебе людей покинем Янайдар и отправимся в Шаргуш. Там твои люди получают деньги и вернутся, а мы заберем раба и отправимся на север.

— Что ж, предложение вполне приемлемо,— подумав, согласился Уру.— Но пленник останется связанным, пока мои люди не получат деньги.

— Подходит,— кивнула старая карга,— но мне хотелось попросить еще об одном одолжении.— Она вопросительно посмотрела на владыку, и тот утвердительно кивнул — мол, говори.— Я хотела бы встретиться с этим человеком... Прямо сейчас, если можно.

— Зачем это тебе?

— Я должна поговорить с ним. Мне совсем не хочется, чтобы он сбежал, как только твои люди освободят его.

— Ты так уверена, что в коротком разговоре сумеешь привлечь его на свою сторону?

— Все может случиться,— уклончиво ответила старуха, и Уру подумал, что, вполне возможно, она знает, что говорит.

Он поднял маленький молоточек и ударил им в серебряный гонг. Дверь тут же отворилась, и, согнувшись в почтительном поклоне, на пороге появился раб.

— Ревса ко мне! Немедленно! — распорядился Уру.

Невольник еще ниже поклонился, стукнувшись лбом об пол, и мгновенно исчез. В дверях он едва не сбил с ног спешившего ему навстречу человека — темнокожего раба, который тоже поклонился до пола.

— Чего тебе? — нахмурился владыка.

— Странник только что прибыл и желает говорить с тобой, повелитель! — на одном дыхании отбарабанил раб.

— Проси! — распорядился Уру и, когда дверь за невольником затворилась, посерьезнел и задумался.

Странник... Они не договаривались о встрече. Обычно он заранее оповещал о своем прибытии, и всякий раз случалось это только тогда, когда возникала нужда у него, Странника... Правда, он приглашал владыку в Мертвый Город, но, чувствуя, что это лишь проявление вежливости, Уру не спешил с визитом. Что-то удерживало его на месте. Уж больно заносчиво вел себя Странник, хотя появлялся в Янайдаре лишь как проситель. Интересно, что ему понадобилось на этот раз? Наконец владыка вспомнил о том, что не один.

— Я познакомлю вас со своим гостем, — сказал он. — У него необычное имя — Странник, хотя я лично назвал бы его Станным. Он тщательно скрывает тело. Говорят, что лица его не видел никто. Владения его простираются на юг от реки Смерти. Центр его империи — Мертвый Город. Он заносчив, иногда бывает просто несносен, но... Приходится его терпеть.

— Терпеть? — прошамкала старая карга. — Не знаю такого слова!

Неизвестно, что бы еще сказала Соня, но в этот миг дверь отворилась и стражники замерли, стараясь смотреть в никуда. Из коридора повеяло

холодом, и страх, словно меховая накидка, окутал всех.

Уру с насмешливым интересом наблюдал за тем, как одна из старух поежилась в своем кресле, действительно став похожей на жабу. Зато ее госпожа, Сонжа, будто ничего не заметила, хотя и не могла не чувствовать приближения Странника. Владыка удовлетворенно кивнул: старая кляча нравилась ему все больше. Он невольно взгляделся в лицо посланницы. Похоже, в молодости она славилась красотой, но как давно это было! Появившийся в дверях человек оторвал его от размышлений. Скорее всего, в обычных условиях он бы встал, встречая гостя, но в присутствии старух предпочел остаться на месте. Что ни говори, а властитель должен ко всем своим гостям относиться одинаково.

— Рад тебя видеть, дорогой друг. — Он указал на кресло, приглашая гостя садиться. — Быть может, ты устал с дороги, и мы отложим наши дела на завтра?

— Время не терпит, — глухим шепотом ответил гость, тяжело опускаясь в кресло, и Соня с Ганой с удивлением отметили, что, когда он опирался на подлокотники, они не увидели его рук. Гана вновь почувствовала невольный страх, в то время как Соня лишь улыбнулась, отчего лицо ее перекосилось, приняв угрожающее выражение. — В твоём городе находится человек, за которым я охочусь уже несколько лет. Он должен умереть.

Он не сказал, кого имеет в виду, но Соня ни на миг не усомнилась, что речь идет о Севере.

Этого еще не хватало! Казалось, только что все благополучно закончилось, и вдруг — на тебе! Гана не могла знать того, что знала ее подруга, но каким-то образом и она верно угадала, что происходит. Ей стало нехорошо. Что же делать? Что делать?! Она с надеждой посмотрела на Соню, но та молчала.

— Пусть умрет,— спокойно кивнул Уру и улыбнулся.— Выбирай любого.

— Я выберу,— пообещал Странник таким тоном, что Гана почувствовала, как тает последняя надежда.— Я чувствую его. Он где-то рядом...

Темный провал капюшона медленно повернулся к двери, словно нужный человек прятался в той стороне. Соня подумала, что так мог бы вести себя зверь, приняхиваясь к принесенному ветром запаху жертвы, находящейся неподалеку. В коридоре слышались шаги, и Соня внутренне напряглась, приготовившись к бою. Север вошел, ни на кого не глядя. На его запястьях блестели скрепленные цепью стальные браслеты. Он даже не взглянул на Странника и на двух уродливых старух, а остановился лишь в нескольких шагах от ведущих к трону ступеней.

— Ты хотел меня видеть, владыка Уру? — произнес он спокойным голосом.

— Не столько я, сколько эти люди.

Север медленно обернулся и окинул взглядом всех троих.

— Я вижу только двух очень старых женщин и чей-то поношенный плащ,— заметил он ровным

голосом, и Соня мгновенно поняла, что он тоже узнал того, с кем счастливо избегал встречи уже столько лет.

— Это он! — не обращая внимания на скрытую в словах Севера насмешку, заявил Странник, поднялся с кресла и шагнул к Вожаку, но вдруг остановился на полпути, словно почувствовал невидимую преграду.— Он должен умереть! — угрожающе пророкотал гость.

— Почему бы тебе не захотеть чего-нибудь попроще? Скажем, колесо от моей кареты? — প্রশамкала одна из старух, вставая.— Этот человек — мой раб! Он умрет тогда, когда я этого захочу! И никак не раньше! — зло отекавила она, но Странник даже не повернул к ней головы, словно ее здесь и не было.

Повелитель наблюдал за происходящим с каменным лицом. Со Странником его связывали давние узы, хотя он и не слишком любил владыку Мертвого Города за заносчивый нрав. Так что теперь Уру, не вмешиваясь, ждал, чем кончится дело, хотя интереса своего не показывал, и лишь в глазах его время от времени вспыхивали красноватые искорки.

— Он должен умереть! — повторил Странник, невольно выдавая тем самым, что он слышал-таки старуху, но уступать не намерен.

Подтверждая свои слова, он поднял руку и указал на Севера, хотя сам при этом продолжал смотреть на Уру.

Старуху такое пренебрежительное отношение вывело из себя. Как?! На нее, жрицу Затха, главу

Клана Боевых Пауков, попросту не обращают внимания, словно она не грозная воительница, а пустое место! Ее дубовый посох со свистом рассек воздух и обрушился на руку Странника... Ткань рукава промялась, словно под ней ничего не было, кроме воздуха, и рукав повис вдоль тела. Странник резко обернулся.

— Как смела ты коснуться меня, мерзкая тварь?! — захохотал его голос, заставив стражей у дверей в ужасе прижаться к стене, и при этом каждый находившийся в зале осознавал, что говорит гость шепотом.

— Мерзкая?! — в ярости прошипела старуха. — Быть может!.. Но не настолько, чтобы прятаться от людей, как ты! Вот я сейчас вытряхну тебя из этого мешка и посмотрю, что там внутри — кто из нас уродливее! — прохрипела она и, как приготовившийся к прыжку паук, присела, почти распластавшись по полу.

Чтобы не упасть, левой рукой она уперлась в камень, что и впрямь сделало ее похожей на паука, которому она служила. Старуха двинулась вперед, уродливая и страшная в гневе, как сама смерть, с бешеной скоростью вращая над головой посох. Она видела в этот миг только его, врага, пожелавшего отнять ее законную добычу, а потому не заметила довольной улыбки, на миг тронувшей губы Уру: нашелся кто-то не побоявшийся грозного Странника.

— Если ты посмеешь тронуть меня... — пророкотал Странник, но закончить не успел. В его голосе прозвучали нерешительные нотки, ко-

торые, впрочем, заметили только трое: Уру, Север и Соня.

— Не сомневайся — посмею! — пообещала она. — Сейчас мы увидим твое личико! А ну, посмотри мне в глаза! — приказала она, и в тот же миг Странник поднял голову, решив, видимо, от угрозы перейти к делу.

— Ты хотела видеть мое лицо? Так посмотри же на меня! — угрожающе прошипел он.

Старуха задрала голову, уставилась в темный провал капюшона и мгновенно ощутила присутствие чего-то знакомого, хотя и забытого уже. Еще не успев подумать о том, что же это такое, Соня сосредоточилась и, когда почувствовала исходящий от невидимого лица Странника смертельный холод, грохнула посохом в пол, словно стремилась обрести лишнюю точку опоры, без которой в следующий миг, она знала это, ей не обойтись.

Тонкая черная игла, словно изготовленная кем-то из замороженной тьмы, вонзилась в ее мозг, и Соня мгновенно вспомнила все, что произошло между ней и Халимой совсем недавно. Тогда ее спас Огненный Цветок. От чего? Этого она не знала, но бездумно потянулась к пламени факелов, висевших на стенах. Игла успела проникнуть в мозг, но тут же наткнулась на непреодолимое препятствие. Медленно, через силу, старая карга подняла левую руку, которой упиралась в пол и ткнула узловатым пальцем в противника.

— Я узна-аю-у тебя, трусливый сгусток тени! — с усмешкой проскрипела она, хотя на са-

мом деле вовсе не чувствовала себя так бодро, как пыталась показать.— Прочь из моей головы!

Однако игла не исчезла, а наоборот, только усилила нажим.

Поздно. Крохотный, распустившийся у нее на пути оранжевый лепесток мгновенно разросся до размеров бутона ослепительно белой лилии. Ткнувшееся было в нее острие начало раскаляться, наливаясь темным пламенем, передавая жар бутона к своему началу и тому, что скрывалось за ним. Странник глухо застонал, будто от непереносимой боли, покачнулся и отступил на шаг, потом еще на один.

— Кто ты?! — с ужасом, который остальные восприняли как угрозу, пророкотал он, повергнув присутствующих в невольный трепет, и лишь сгорбленная старуха поняла, что победила.

— Я Сонжа! — Она гордо выпрямилась, насколько смогла.— Жрица Затха с Карпаш,— прокричала она,— а большего тебе знать не надо!

— С Карпаш? Странно... Ничего не слышал о жрецах Затха с Карпаш.

Он выразительно посмотрел на Уру, но владыка Янайдара если и не поддерживал старуху, то и помогать своенравному гостю, судя по всему, тоже не торопился.

— А ты что, митрианский жрец? — хихикнув, прошамкала у него за спиной скрюченная уродина.

— Да как ты смеешь? — прогрохотал он, но, как ни странно, голос его уже не давил на окружающих. Похоже, ореол таинственности и непобе-

димости начал рассеиваться, ослабив поддерживавшие его чары.

— Да уж смею,— проворчала старуха.— Они ведь тоже кричат, что в их руках все знания мира!.. Кого ты выбрал себе в друзья, почтеннейший? — обратилась она к Уру.— Он не слишком умен и не очень силен, а как обрадовался, когда увидел моего раба! Старая курица, снесшая последнее в жизни яйцо, кудахчет не так громко!

Кто скрывается под плащом, даже Уру не ведал, но как чувствовал бы себя после такой насмешки заносчивый гордец, представлял каждый. Однако не успел Странник вымолвить и слова, как вновь заговорила старая карга.

— Угрожать ты уже пробовал,— мягко проговорила она, словно решила, что хватит уже испытывать судьбу.— Почему бы тебе не попытаться вести себя как принято среди людей? А для начала постарайся понять, что раб мой. Он мне нужен...

— Он должен умереть! — прошептал Странник.

— А я не собираюсь отказываться от своей покупки только потому, что какой-то невоспитанный наглец настойчиво требует, чтобы исполнили его каприз! — повысив голос, проскрежетала она, а вторая карга, придя наконец в себя, закивала и по-идиотски захихикала.

— А ты кто такая?! — поворачиваясь к ней, угрожающе прогудел Странник.

Но в этот миг старуха, к которой он обратился с вопросом, вдруг поскребла сморщенной лапкой

под высохшим от старости носом, сокрушенно вздохнула и неожиданно громко чихнула.

— Чха! Чха! Ха-ха! Чха! — зашлась она, словно нарочно метя в Странника.

— Оставь в покое мою служанку! — проскрипела карга, называвшая себя Сонжей. — И вообще, я хотела бы уехать немедленно! — обратилась она к Уру. — Вели подготовить моего раба и выдели людей, которым я могу доверить деньги.

— Постой, уважаемая, — попросил Уру, и Соня ясно увидела, что он чувствует себя крайне неловко. На время он умолк, и только непрерывающееся чихание и смех сидящей в кресле старухи нарушали тишину. — Мы ведь только договорились о сделке, но она еще не совершилась.

Старуха резко развернулась и подошла к ступенькам трона.

— Уж не хочешь ли ты нарушить наш договор? — прошипела она, но, вовремя сообразив, что угрозы только все испортят, добавила: — Почему?

— Нас со Странником соединяют давнишние связи, и, хотя я признаю, что ты в своем праве, боюсь, мне придется отказаться от нашего с тобой договора.

— Что ж, — прошамкала Сонжа, — по крайней мере, откровенно. Но поскольку ты верно упомянул о моем праве, я желаю знать о причинах. Я ведь отнюдь не всеведуща, как твой давний друг! — язвительно добавила она, и Уру одобрительно кивнул, подумав, что и ему самому стоило бы сбить спесь со Странника. Причем давно.

— Твое желание справедливо, — кивнул он старухе и обернулся к гостю. — Что скажешь, друг мой?

— Он должен умереть, — в который уже раз повторил Странник. — Я чувствую в нем врага.

— Чувствовать позволительно мне, старой беспомощной женщине, — улыбнулась старуха. — Всеведущий должен обладать знаниями, — заметила она, и Гана закивала и счастливо засмеялась, наконец-то перестав чихать.

— Я чувствую в нем врага, — снова сказал Странник.

— На твоём месте я не слишком бы доверялась ощущениям. Тем более ты уже только что показал, как умеешь ошибаться, — усмехнулась она и заглянула снизу вверх под его капюшон.

Все это время Север стоял почти не двигаясь, словно все происходящее никак не касалось его. Только иногда он чуть поворачивал голову, чтобы видеть говорившего, да изредка по его губам скользила едва заметная усмешка.

— Я слуга Темного Властелина, его творение. Если желаешь, его ипостась в этом мире. — На сей раз Странник был гораздо многословнее, чем позволял себе до сих пор. — Он враг Темного Властелина, и на этом основании я требую его смерти!

— Ты довольна таким ответом, уважаемая? — с мягкой улыбкой спросил Уру.

— Довольна? Хе-хе! — скрипуче хохотнула Соня, и Гана поддержала подругу. — Сперва я бы хотела услышать, что скажет на это он! — Она ткнула в пленника корявым пальцем и прибли-

зилась к нему на пару шагов.— Ну-ка сынок,— прошамкала она,— ты все слышал. Расскажи нам, чем ты так досадил Темному Властелину?

— Темному Властелину? — Звякнув цепями, Север скрестил на широкой груди сильные руки, а потом задумчиво поскреб подбородок.— Никогда о таком не слышал,— честно признался он.

— Ты лжешь, раб! — повысил голос Странник, но пленник лишь пожал плечами.

— Но я на самом деле не понимаю, о ком ты говоришь,— спокойно сказал он, словно речь шла не о его жизни, а о никому не нужной безделице.— Ты называешь его Властелином, так, быть может, скажешь, чем он владеет или хотя бы где находятся его владения?

— Перестань прикидываться глупцом! — прокотал Странник.— Ты прекрасно все понимаешь!

— Я понимаю, что ты хочешь моей смерти. Все остальное — просто слова, и ничего более.

Старуха выразительно посмотрела на Уру и перевела взгляд на Странника.

— Быть может, ты хочешь что-то объяснить? — спросила она, но слуга Темного Властелина только отрицательно покачал головой.

— Что ж,— после царившего несколько мгновений молчания мягко сказал Уру,— уведите Ревса.

Он небрежно махнул рукой, и стражники встали по бокам пленника, но тот не спешил уходить.

— Ты уже решил, что делать? — просто спросил он, обращаясь к Уру, и стражники замерли,

ибо несмотря на непривычное поведение раба не сомневались, что владыка ответит ему. Уж больно независимо вел себя этот раб, да и повелитель общался с ним как с равным.

— Нет еще,— задумчиво ответил тот.

— В таком случае,— вновь заговорил Север, хотя стражники уже собрались уходить,— позволь напомнить, что ты обещал даровать мне свободу.

— Поживем — увидим,— пристально посмотрев на него, ответил Уру.— Ступай.

Север развернулся и в сопровождении стражников направился прочь.

— Зачем ты пообещал отпустить его? — прокотал Странник, как только дверь за пленником закрылась.

Он вел себя не как гость, а как хозяин, и Соня с нетерпением ждала, когда же Уру, исчерпав терпение, ответит так, как давно уже должен был — резко и властно, без улыбки на лице и обтекаемых фраз. Однако и на сей раз владыка вновь разочаровал ее.

— Мне так захотелось, мой друг,— все с той же мягкой улыбкой ответил он.

Странник уставился на него, и Соне пришлось в голову, что эти двое обменялись не просто взглядами, но и мыслями.

— Он должен умереть.

— Хорошо,— ответил наконец Уру.— Он расстанется с жизнью.

— Вот как?! — зло прошипела старуха.— А как же все-таки наш с тобой уговор?

— Мне очень жаль,— ответил владыка, и старуха увидела, что он не лжет,— но я не могу отказать Страннику. Однако мне не хочется обижать тебя. Возьми вместо него Злуна. Как воин он не знает себе равных!

— Ты говоришь о том мешке сала, что вечно топчется у тебя за спиной? — язвительно прошипела старуха.— Да Ревс распорет его, как подушку!

— Да ну? — ухмыльнулся Уру и на мгновение задумался.— Ты ошибаешься, просто потому что не видела Злуна в деле... Ты точно не хочешь получить его?

— Не только его, но и никого другого! — с вызовом ответила карга.— Я не могу получить то, что мне нужно, а потому мне остается только покинуть твой город!

— Что ж,— словно не слыша ее, ответил Уру,— ты подала мне интересную мысль. Ревс умрет... Но не на Площади Казней, а на ристалище. Он умрет с оружием в руках, как и подобает воину, приняв смерть от более сильного противника. От Злуна! Жаль, что ты не увидишь этого!

— Отчего же? — сдерживая ярость, прошипела старуха.— С удовольствием останусь посмотреть, как испустит дух этот жирный урод!

— Не стоит так поддаваться чувствам,— улыбнулся Уру.— И не стоит недооценивать противника.

Старуха ничего не сказала, просто пожала плечами и повернулась к двери. Вторая карга встала. Она уже не кивала и не хихикала. Просто шла за своей госпожой, и Уру с сожалением по-

думал о том, как неудачно все сложилось. Ну что стоило им уехать с рабом на день раньше, или Страннику заявиться на день позже? Дверь за ними закрылась, и Уру почувствовал неожиданное раздражение, что случалось с ним крайне редко. Пожалуй, сегодня Странник и впрямь вел себя излишне дерзко.

— Он должен умереть на алтаре,— словно уловив его мысли, пророкотал Странник.

— Он умрет с оружием в руках,— посмотрев на гостя, спокойно отозвался владыка.

— Ты забыл о нашем договоре,— настаивал Странник.— В обмен на помощь Темного Властелина ты обещал уничтожать его врагов в своих владениях!

— Он умрет. Чего тебе еще?

— Он должен не просто умереть, а расстаться с жизнью у жертвенного столба, иначе сила его пропадет для меня!

— Всему есть предел! — Уру встал, впервые позволив весь вечер копившемуся раздражению прорваться наружу.— Ты явился в наш мир в поисках врагов Темного Властелина и за их смерть одариваешь союзников силой Тьмы... Отлично! Но теперь ты намерен высасывать силу нашего мира! Об этом мы не договаривались!

— Он не принадлежит вашему миру,— прогудел Странник.— Он наш!

— Но ты, помнится, говорил, что ищешь всего лишь людей, о которых говорят ваши пророчества! Или тех, кто может стать ими! Почему ты никогда не говорил, что кто-то в силах перенес-

тись из твоего мира в наш не только духовно, как это сделал ты?! Ты попросту лгал?! — то ли спросил, то ли утвердил он.

— Я сказал то, что тебе должно знать! — прокотал Странник. — И я никогда не говорил, что это знание полное!

— Значит, ты лгал, — сам себе ответил Уру.

— Я просто не сказал всего. Теперь ты знаешь больше, но знание обязывает. Ты должен исполнить мое требование! — с вызовом повторил он.

— Я должен?! — повысил голос Уру. — По-моему, ты просто забыл, кто ты, кто я и где мы оба находимся!

Их взгляды встретились, и оба замерли в напряжении. Видно, Странник попытался проделать с Уру то, что ему не удалось сделать с Соней. Посланец Темного Властелина застыл, все силы отдав этой борьбе, и Уру начал меняться. Лицо владыки Янайдала покраснело, потом стало пунцовым, словно кровь всего тела прилила к голове.

И тут же он начал стремительно превращаться в нечто... Его уши резко заострились кверху, волосы осыпались бурым пеплом, переносица провалилась, вывернув наружу ноздри, глаза полезли из орбит и загорелись хищным желтым огнем. Тело раздалось вширь и вверх. Расползшаяся по швам одежда упала на пол разноцветными лоскутами. До сих пор невидимые, большие крылья расправились за спиной. От человеческой оболочки не осталось и следа.

Теперь перед Странником стоял король упырей Уру в своем истинном обличье — огромная,

отдаленно напоминавшая человека, крылатая тварь с блестящей ярко-алой шкурой.

— Ты забылся, Странник! — прорычал Уру, и стоявшие у дверей стражники едва не задохнулись от ужаса. — Я Уру! — возвестил он. — Со мной твои жалкие трюки не пройдут!

— Я вижу! — со сдержанной яростью отозвался Странник, и по сравнению с рыком повелителя упырей его совсем недавно звучавший столь грозно голос показался всего лишь шелестом опавшей листвы. — Пусть все произойдет как ты сказал.

— Хорошо, — уже спокойнее отозвался владыка. — Итак, Ревс умрет завтра от руки Злуна. Это не совсем то, чего добивался ты, но и совсем не то, чего хотелось бы мне.

— Чего же ты хотел?

Уру грозно расправил крылья, то ли для того, чтобы запугать Странника, то ли просто для того, чтобы удержат равновесие, и неловко присел на край кресла, явно не предназначавшегося для монстра.

— На свете не так много настоящих мужчин. Ревс — один из этих немногих, и мне хотелось бы видеть его рядом с собой.

— Как же ты решился продать его?

В вопросе Странника послышались ироничные нотки, которые не укрылись от повелителя упырей.

— Я собирался получить с них деньги, и не более того, — спокойно ответил Уру.

— Хорошо, что ты сказал это.

— Да?

— Этих уродин надо уничтожить!

— Быть может, ты объяснишь, почему? Ведь я повелитель упырей, а не убийца с большой дороги. Я питаюсь кровью и потому привык бережно относиться к человеческой жизни,— цинично заметил он.

— Разве ты не почувствовал, что у них есть мощные магические амулеты?

— Конечно, почувствовал.— Монстр кивнул уродливой головой.— На той, с которой ты не сумел справиться,— добавил он.

— Ее амулет здесь ни при чем,— возразил Странник.— Она сказала, что узнала меня, и я не сомневаюсь, что это так. Она оказалась готова к борьбе, а это мне не нравится.

— Именно поэтому я и не желаю выяснять, что там еще у нее в запасе.

— Но ведь ты замыслил обмануть их!

— Верно,— кивнул Уру,— но за деньги, а не шутки ради!

— Это не шутка, поверь,— возразил Странник.— Я чувствую, что за ними кроется что-то, но что? Я никак не могу понять... Истина где-то рядом, но она постоянно ускользает от меня... От этого впору сойти с ума!

— Да ты, мой друг, почти поэт!

— Зря смеешься! — вскинулся Странник.— Я не могу тебя принудить сделать то, что нужно, но ты расквесишься в своем упрямстве! И очень скоро!

— Уж не грозишься ли ты снова?! — взревел Уру, вскакивая.

— В моих словах нет угрозы,— спокойно ответил Странник.— В них правда.

Глава шестая

тро следующего дня выдалось совсем не радостным. Соня хмуро поднялась с постели, молча позавтракала. Память вновь и вновь возвращала ее к вчерашнему дню, к столкновению с крайне неприятным гостем Уру, и настроение от этого становилось все хуже и хуже.

Север, как всегда, держался спокойно, на вопросы отвечал сдержанно и веско. И без того не слишком весомые обвинения Странника рассыпались в прах. Он ничего толком не желал объяснить, просто упрямо требовал смерти Вожака. Но в том-то и дело, что никаких доказательств вины пленника и не требовалось! Здесь, в Янайдаре, вполне доставало воли владыки Уру, и будь ты хоть трижды невиновен, смерти не избежать! А владыка вовсе не намеревался ссориться со Странником.

Воительница посмотрела на подругу и горестно вздохнула, поняв, что от Ганы помощи ждать

не приходится. Пожалуй, ей впервые было так плохо и казалось, что лет ей столько, на сколько она выглядит. Поднялись девушки поздно, но не потому, что устали, как накануне. Просто пытались убить время, потянувшееся невыносимо медленно именно теперь, когда пошел отсчет последних мгновений жизни Севера.

Соня видела, как предательски дрожит нижняя губа ее спутницы, вот-вот готовой разрываться, и, по правде сказать, не понимала, почему та сдерживается. Чтобы хоть как-то помочь, ей пришлось заставить подругу выпить много вина, прежде чем Гана почувствовала себя немного лучше. Впрочем, по той же причине воительница и сама выпила немало, чего прежде за ней не водилось.

Вино слегка затуманило мысли, и Соня ощутила, как боль понемногу отступает. Нет, она не перестала понимать, какая страшная угроза нависла над возлюбленным, просто у девушки вдруг появилась надежда, что все еще можно изменить. Она, правда, не могла объяснить, откуда взялась такая уверенность, но уже нисколько не сомневалась, что Северу не суждено пасть на ристалище и что его противник, этот мерзкий жирный Злун, не причинит ему никакого вреда. Север и на сей раз победит.

К чему это приведет, она вообще не задумывалась. Ей казалось, что со смертью телохранителя Уру все неприятности останутся позади. Видимо, очень уж сильное впечатление произвел тот на девушку. Зато Гана ни разу не видела

Злуна и, хотя Соня накануне вечером описала его, весьма смутно представляла, с кем предстоит сражаться Вожаку. Скорее уж она чувствовала тревогу подруги, и именно это заставляло Гану так страдать.

Теперь же, после хмельного пальмового вина, девушка почувствовала, что все ее страхи рассеялись. К тому же воительница из всех сил старалась подбодрить подругу. Она хотела увидеть поединок Севера, а значит, обе не должны ничем выдать себя. Во всяком случае, лучше им выглядеть пьяными, нежели убитыми горем!

Что уж возымело решающее действие, вино или нарочитая бодрость Сони, но, когда приблизилось время начала поединков, обе девушки окончательно пришли в себя. Более того, настроение у подруг неожиданно поднялось. Они сумели убедить друг друга, что идут смотреть на веселое представление с участием Вожака. На то, как он разделается со своим противником и завоеует тем самым желанную свободу. Даже встреча со слугой Темного Властелина перестала казаться им такой страшной. Девушки уже начали обсуждать ее и посмеиваться над Странником, когда в дверь постучали и тяжелая дубовая плита повернулась на петлях, пропуская согнувшегося в поклоне человека в покои жриц Затха.

— Прошу прощения за беспокойство, госпожи, но владыка велел передать, что поединки скоро начинаются.

— Хорошо, — кивнула одна из старух, — подожди нас за дверью.

Дождавшись, когда дверь закроется, воительница легко поднялась и, согнувшись, посмотрела на подругу. Зловещая улыбка застыла у нее на губах.

— Ну-ка, жабочка, посмотри на меня,— прощамкала старая карга.— Надеюсь, я хорошо выгляжу?

Она покрутилась перед спутницей и так и эдак, показывая себя со всех сторон.

— Ты великолепна, госпожа,— прогундосила та в ответ, и, чтобы проверить ее правоту, старая ведьма повертелась перед высоким зеркалом.

— По правде сказать, зрелище отвратительное,— усмехнулась она, рассматривая глядевшую на нее из глубины зеркала мерзкую рожу, больше всего походившую на высушенный гриб, бурый и сморщенный.— Но выгляжу я и впрямь великолепно,— помолчав, добавила она, и Гана привычно закивала и захихикала.

* * *

Трибуны гудели в предвкушении небывалого зрелища. Уже полдня продолжались поединки, и белый, как мука, песок, устилавший перед началом боев арену ристалища, почти повсюду побурел от впитавшейся в него крови. Напряжение достигло предела, когда владыка встал и долгим взглядом окинул расположившуюся на трибунах пеструю толпу. Некоторое время он молчал, видимо, надеясь, что подданные заметят своего повелителя и умолкнут, но этого не произошло.

Тогда Уру оглянулся и что-то сказал. В тот же миг стоявшие за его спиной глашатаи в белых

шальварах, коротких с загнутыми на туранский манер носами сапогах, синих суконных безрукавках на голых телах вышли вперед и протрубили сигнал, призывающий к вниманию.

Люди начали понемногу успокаиваться, но только после третьего сигнала утихомирились окончательно. Тогда Уру вновь встал и вышел вперед.

— Жители славного Янайдара! — заговорил он негромко, но голос его услышали все.— К вам обращаюсь я, Уру, ваш отец и защитник! Почти целую луну мы следили за тем, как бьется великолепный Ревс, наш новичок, в первом же бою сумевший не только приковать к себе внимание благородных янайдарцев, но и завоевать нашу благосклонность. Теперь же мы видим, что искусство этого воина столь высоко, что, если его не остановить, вскоре в Янайдаре, кроме него, не останется бойцов! Но кто же может сделать это? Кто бросит вызов непобедимому Ревсу? И не только вызовет его, но и победит?

Уру замолчал и вновь обвел взглядом чашу амфитеатра. Зрители, до того оживленно галдевшие, теперь напряженно молчали, ожидая, кто же этот человек, решивший помериться силами с самим Ревсом. Все знали, что если вначале за умелым новичком охотились, чуть ли не дрались за право убить его, то очень скоро бойцы успокоились. Даже самые тупые из гладиаторов поняли: никакой славы в поединке с Ревсом не добыть. Любого смельчака ждала смерть, а расставаться с жизнью не хотелось никому.

И вот теперь оказывается, что человек такой нашелся и сейчас они увидят его в деле. Уру подождал, пока смысл сказанного дойдет до всех, а когда увидел, что даже самые пьяные из его подданных сообразили, что сейчас станут свидетелями небывалого поединка, счел наконец паузу достаточной и возвестил:

— До сих пор еще ни разу в боях не участвовал свободный человек, но сегодня произойдет именно это! Мой телохранитель, могучий и несокрушимый Злун, вызвался остановить победное шествие Ревса! Поприветствуем же Злуна, дети мои!

Огромный янайдарец встал и, скрестив на необъятной груди мощные руки, обвел ряды надменным взглядом. Никто не знал, по доброй ли воле идет он на этот бой. Милость повелителя может возвысить до небес, а может и отправить в яму с голодными горными котами. Впрочем, большинство зрителей это не волновало. Им хотелось поскорее увидеть необычный поединок.

Могучий воин вышел из ложи. Соня искоса посмотрела на подругу и порадовалась, что они сумели так сильно изменить свою внешность. Сейчас Гану могли выдать только глаза, однако, встретившись взглядом с подругой, она быстро взяла себя в руки и тихонько захихикала. Уру склонился к Соне и насмешливо поинтересовался:

— Ну как? Уважаемая жрица Затха не изменила своего мнения? Или наконец-то оценила по достоинству Злуна?

— Слишком много мяса! — заявила Соня и брезгливо потрогала свой нос. — Он еще уродливей моего носа, — добавила она и обратилась к Гане: — Верно, жабочка?

— Ах-ха-ха-ха! — обрадованно закивала та, в кривой ухмылке обнажив темные щербатые зубы.

Уру усмехнулся:

— Уродлив он или нет, а твоего красавца разорвет и голыми руками.

— Голыми руками, говоришь? Что ж, быть может, — не стала спорить Соня, — но только в том случае, если твой раб сам пойдет ему в руки, а он не слишком похож на дурака. К тому же до рукопашной схватки, я думаю, дело не дойдет.

Тем временем решетчатые ворота на противоположных концах арены отворились, и два всадника, едва выехав, остановились, окидывая друг друга оценивающими взглядами.

Ложа правителя располагалась как раз между ними, так что Соня сразу смогла увидеть, насколько Злун крупнее своего противника. В какой-то миг девушке показалось, что взгляд возлюбленного скользнул по ней. Так оно и было на самом деле, но Вожак заметил лишь знакомую уже тощую старуху с лысой, как яйцо, приплюснутой на макушке головой, обтянутой серой сморщенной кожей. Глубоко посаженные глаза и крупный нос нацелились на него, но воин уже отвел глаза, отметив лишь, что карге, должно быть, никак не меньше тысячи лет, и вновь сосредоточился на противнике.

Сам Север не мог похвастаться горой мышц, как Кучулуг или Сурхан, хотя и переборол гирканца в рукопашной схватке, исход которой определяла лишь сила, но Злун!.. Для того чтобы сравняться с ним в росте, Северу пришлось бы встать в седле, потому что конь могучего янайдарца настолько же превосходил размерами скакуна Вожак, насколько сам Злун превосходил своего противника. И когда Соня поняла, что сейчас неизбежно должно произойти, ей стало страшно...

Уру взмахнул рукой, разрешая начать поединок, и уселся на место. Трибуны настороженно молчали. Всадники некоторое время оставались неподвижны, потом Злун ударил своего чудовищного зверя пятками, и тот начал медленно приближаться к Северу: видно, с места в карьер при таком седоке он взять просто не мог.

Вожак тоже ударил скакуна, и тот почти сразу перешел в галоп. Выпуская накопившиеся чувства, зрители взревели. Почти мгновенно разогнавшись, конь гладиатора помчался на врага, но тот, хоть и двигался не так быстро, производил ужасающее впечатление. В эти быстротечные мгновения всем, и даже Соне, которая всегда верила в возлюбленного и знала, на что он способен, показалось, что до поединка дело просто не дойдет. Вот сейчас они сойдутся почти посередине арены, и зверь Злуна просто растопчет безрасудного воина вместе с его конем.

И тут произошло нечто странное. Не выпуская из рук поводья, противник Злуна высвободил

ноги из стремян и встал в седле. Никто не понял, зачем он это делает... Видно, и впрямь решил сравняться с противником в росте. До столкновения оставалось меньше десяти шагов — мгновение иступленного бега коней. В последний миг Север направил коня влево и прыгнул. Никто так и не заметил, откуда в руке у него появилась булава, но, перевернувшись в воздухе над головой противника, он обрушил тяжелый шар с шипами на незащищенный шлемом затылок янайдарца. Приземление получилось не слишком удачным. Воин выбросил булаву и, падая, каким-то невероятным образом сумел ухватиться за луку седла и отпущенные поводья. Останавливаясь, конь проталил его по песку пару десятков локтей и замер.

Трибуны восторженно взревели, и хотя Вожак не видел еще противника, но знал, что удар его пришелся точно в цель. Он встал и первым делом проверил оружие, но все оказалось на месте, кроме булавы, валявшейся в нескольких шагах за спиной. Воин подобрал ее, упрятал в чехол на поясе и только после этого позволил себе отыскать взглядом противника.

Нанесенный удар убил бы наповал любого нормального человека, но Север не удивился, когда увидел, что янайдарец уже поднимается с земли — такого одним ударом не прошибешь. Все, чего он сумел добиться, так это выбить могучего воина из седла. По правилам проведения поединков лишившийся коня воин должен сражаться пешим, но на большее Вожак, по правде говоря, и не рассчитывал. Начало он, несомненно, выиг-

рал: конным против конного он просто лишился малейшей надежды на победу.

Зрители возбужденно галдели. Никто не обращал пока внимания на Злуна. Шлем слетел с него при падении и откатился далеко в сторону, а сам телохранитель с трудом приподнялся и теперь стоял на четвереньках и обалдело тряс обритой головой. Видно, удар оказался сильным даже для него. Наконец он пришел в себя, встал и с ненавистью уставился на своего врага. Север усмехнулся. Он вполне понимал янайдарца: личный телохранитель Уру собирался всего лишь еще раз показать свою непобедимость да позабавить публику и правителя. Только что все казалось таким простым, и в последний миг что-то не сошлось — ну как тут не разозлиться?

Злун медленно побрел вперед. Он не позаботился, как его враг, об оружии, просто пошел на него, быть может, и впрямь намереваясь, как обещал Уру, разорвать того голыми руками. При этом он вовсе не выглядел глупцом, не отвечавшим за свои действия, ибо чувствовалась в нем огромная сила, дикая, первобытная мощь, перед которой не способно, казалось, устоять ничто живое. Только что возбужденно оравшие зрители мгновенно почувствовали это и затихли, забыв об одержанной Ревсом первой победе.

Противников разделяло не больше десяти локтей, когда оба остановились и начали снова рассматривать друг друга. Север окинул Злуна быстрым, но внимательным взглядом, мгновенно оценив, на что тот способен.

Толстые ноги, обутое в разбитые низкие сапоги на толстой подошве. Голые руки, пожалуй, превосходили в обхвате ноги сильного человека. Необъятное пузо и могучую грудь закрывала кольчуга из широких плоских колец. Грудь дополнительно защищали свободно свисавшие бронзовые пластины. За спиной болтался продолговатый щит. На поясе Север заметил несколько вырезанных из слоновой кости черепов — видно, по числу предыдущих противников. С левого бока свисал короткий прямой меч, а в руках великан держал огромную, утыканную стальными шипами дубину. Подбородок складками свисал Злуну на грудь, до которой едва доставала голова Вожака. Кожа имела странный золотистокоричневый оттенок.

Над ареной повисла мертвая тишина: зрители напряженно ждали продолжения действия. Сейчас противники по традиции должны перейти к словесному поединку, попросту говоря — обругать друг друга, и никто не желал пропустить в этой бескровной дуэли хотя бы слово. Наконец взгляды поединщиков встретились, и глаза Злуна, до того пустые и ничего не выражавшие, прояснились. Его лицо исказила гримаса.

— Посмотри на меня, заморыш,— заговорил он хриплым голосом.— Я — твоя смерть!

— Я слишком часто смотрел в глаза смерти, приятель,— усмехнулся Север.— У нее другое лицо!

На трибунах зашумели: начало перебранки понравилось всем.

— Другое лицо, говоришь? — прорычал Злун. — А я так думаю, что ты долго не протянешь, заморыш, — пообещал он.

— Я еще спляшу на твоём жирном трупе! — расхохотался гладиатор, и трибуны восторженно взревели.

Хорошо понимающий публику Вожак знал, что выиграл и эту часть поединка, а это означало, что теперь Злун как проигравший должен начать бой, чтобы наказать обидчика.

Телохранитель Уру тут же сделал шаг вперед и остановился на мгновение, изумившись, как быстро в руке Севера появился меч. Какое-то время он медлил, видно, заново присматриваясь к врагу, который все больше ему не нравился. Север же, пользуясь полученным в словесной перепалке преимуществом, спокойно выжидал. Он прекрасно понимал, что противник его слишком силен и слишком крепок, чтобы в драке с ним полагаться на силу. К сожалению, тут он проигрывает, а значит, его может спасти лишь умение обращаться с оружием и ловкость. И ни в коем случае нельзя подпускать к себе янайдарца. Наконец Злун вновь пошел вперед.

— Ничего, — кивнул он. — Мой бог сегодня улыбнется мне.

— Скорее, посмеется над тобой, — возразил Север, и в этот миг янайдарец напал.

Его движения оказались неожиданно стремительными, а нанесенный удар — чудовищным по силе. Вожак попытался избежать удара, поднырнув под левую руку великана, но опоздал. Прон-

зенный острой болью, он повалился на песок, но успел увернуться и подсек ногу гиганта, после чего прокатился дальше и потерял сознание. Обморок, похоже, длился всего мгновение, потому что когда Север очнулся и вскочил, преодолевая дикую боль, то увидел, что, встав на четвереньки, Злун только начал подбираться к нему.

С роковым опозданием Север понял, что все-таки недооценил силу Злуна. Его правую руку защищали щитки, и, уже зная, что столкновения не избежать, он понадеялся, что если и не сумеет отбить удар противника мечом, то доспехи отразят его. Свою ошибку он осознал, когда почувствовал, как меч вылетает из рук. Хорошо, что он успел уклониться, прежде чем удар повалил его на землю. Это и спасло ему жизнь. Вожак попытался шевельнуть рукой и едва вновь не потерял сознание. Отскочив на пару шагов, он сорвал с себя плащ и, используя здоровую руку и зубы, наспех перетянул разбитое плечо. Теперь, по крайней мере, он может двигаться.

Тут только он внимательнее взглянул на своего противника и сразу понял, что и его удар вновь достиг цели. Он надорвал Злуну сухожилие, и теперь им предстоит жестокий поединок одноногого с одноруким. Север быстро обжег вокруг поверженного врага и, прежде чем тот сообразил, чего он добивается, подхватил с земли свой меч и остановился. Злун рванулся было вперед, но тут же замер, вспомнив, что в живых должен остаться только один из них, а значит, и убегать проклятый «заморыш» не станет.

Он сразу понял, что сделал гладиатор, и выругал себя за несообразительность. Впрочем, ничто еще не потеряно. Он по-прежнему силен, а нога хоть и ранена, но почти не болит, так что он в гораздо более выгодном положении, чем Ревс, которому каждый шаг доставляет боль, не говоря уже о том, что одна рука его не слушается. Так что победить его теперь не составит труда.

Злун подобрал свою дубину и двинулся вперед, опираясь на нее и неуклюже переставляя раненую ногу. Как он и думал, враг его не побежал, а остался спокойно стоять на месте, пользуясь своим правом защищающегося.

Север тоже порадовался про себя. Порадовался тому, что взял с собой не тяжелый двуручный меч, а полуторный, которым при соответствующем навыке вполне можно сражаться и одной рукой. Иначе сейчас ему пришлось бы туго. Впрочем, ему и так пришлось туго.

Первый же удар Злуна едва не погубил его. Вожак едва успел отскочить, и вот тут-то и начался долгий, изнурительный поединок, который один старался завершить единственным точным ударом, а второй уповал на ловкость и не давал врагу приблизиться, резко отмахиваясь длинным мечом.

Злун рычал и кружился, как раненый зверь, нападал при первой же возможности. Его длинные руки и огромная дубина не позволяли противнику нанести удар, однако рана мешала двигаться, и Север кружил вокруг великана, застав-

ляя его то и дело поворачиваться, опираясь на покалеченную ногу.

Теперь все должно было решить время. Кто сумеет взять противника измором, тот и победит, и Вожак осознал, что в такой борьбе ему не одолеть Злуна. Надо вправить плечо, а для этого необходимо завершить бой, а сделать это в таком состоянии он не в силах. И это чувствовал не только он, это понимали и зрители, часть из которых уже начала поддерживать янайдарца. Наверное, невеселые мысли Севера отразились на его лице, потому что Злун ухмыльнулся и зло процедил:

— Жалкий раб! Хмель первой победы ударил тебе в голову, но теперь ты умрешь! Это говорю тебя я, Злун!

— Хмель первой победы?! — расхохотался гладиатор. — Да вся моя жизнь — всего лишь одна битва с короткими передышками!

И зрители вновь взревели, на этот раз разделив свою благосклонность почти поровну. Одни вопили: «Ревс! Ревс! Ревс!» — требуя от своего избранника немедленной победы. Вторые точно так же подбадривали соплеменника, и раскатистое: «Злун! Злун! Злун!» — неслось над трибунами.

— Хорошо бы твоим ногам позаимствовать прыти у языка! — оскорбительно расхохотался Вожак.

— Думаешь, раз я ранен, ты можешь издеваться надо мной?! — взревел янайдарец, сжимая дубину. — Ошибаешься! Подойди ближе, и я вырву твои поганые глаза!

— Вот видишь, ты уже и ходить не можешь! И сейчас я покончу с тобой! — угрожающе прорычал Север. — Гляди!

Он откинул меч вправо и за спину, заставив его бешено вращаться вокруг продольной оси, перед тем как острие воткнулось в песок. На какой-то миг янайдарец отвел взгляд, но именно этого и добивался Вожак. Его рука молниеносно скользнула к поясу, выхватив из ножен кинжал, и метнула его в лицо Злуна, но тот, с немыслимым для такой туши проворством рванул в сторону. Но он опоздал, как недавно не успел уйти от удара самого Злуна Север. Нацеленный в глаз клинок угодил в шею.

— Я убью тебя! — в ярости взревел Злун, выдернув из шеи кинжал, похоже, не причинивший особенного вреда, а только разозливший великана.

Он стремительно занес над головой свое ужасное оружие и бросился на врага.

Все понимали, что Север должен постараться избежать столкновения, но тот против ожидания бросился навстречу. Его рука раскрутила в воздухе булаву, и в последний миг янайдарец понял, что сейчас встретится со своей смертью. В его глазах застыл такой ужас, который способен испытать только тот, кто в жизни не ведал страха.

Тяжелый шар, усеянный острыми шипами, проломил лобную кость, но не остановился. Укрытый слоями жира позвоночник хрустнул, как сухой тростник, голова безвольно запрокинулась

назад, а булава, кувыряясь, полетела дальше. Север с разбега налетел на уже мертвого противника и упал.

Уру вскочил со своего места, как и тысячи простых зрителей, пытаясь разобраться в том, что же произошло.

— Можешь не сомневаться, владыка, — злорадно проскрипела старая карга. — Твой монстр издох. Ревс убил его.

— Тем хуже для него, — прошипел Уру, и глаза его полыхнули зловецим желтоватым огнем. — Он упустил возможность умереть, как и подобает воину — с оружием в руках. Теперь его ждет мучительная смерть на Площади Казней у Столба Пыток!

И тут за спиной владыки Янайдара медленно поднялся облаченный в плащ Странник, и страшные, леденящие душу слова вырвались из-под капюшона, скрывавшего лицо:

— Твой раб, ведьма, издохнет тысячью смертей, прежде чем навсегда расстанется с жизнью.

От этого голоса кровь застыла у Ганы в жилах, а остатки хмеля мгновенно выветрились из головы. Все, что она сумела, — это бездумно достать щепотку порошка и поднести ее к носу. Ее яростное чихание заставило Соню вздрогнуть и вернуло ее к действительности.

— Я вижу, твое решение бесповоротно, — словно не слыша Странника, обратилась она к Уру. Тот надменно кивнул, и Соня продолжила: — Надеюсь, мы можем покинуть твой гостеприимный город в любое время?

— Ты не хочешь посмотреть на казнь? — удивился владыка.

— Не думаю, что мне доставит удовольствие наблюдать за смертью человека, который был так нужен мне живым... Впрочем, я еще не решила, — поправила она себя, стараясь сохранять спокойствие, — но в любом случае не задержусь здесь надолго. — В мимолетном взгляде Уру мелькнуло удивление, и Соня поспешила пояснить: — Теперь, после неудачи в Янайдаре, мои поиски придется начать сначала, а время не терпит.

Казалось, такое объяснение вполне удовлетворило Уру. Он кивнул, и в ответе его воительница не заметила и тени двусмысленности.

— Ты и твоя спутница вольны покинуть мой город в любой миг, когда вам заблагорассудится, а чтобы избежать возможных недоразумений, двое моих людей останутся при вас до отъезда.

Старухи склонились и, не вымолвив ни слова, направились в свои покои. Владыка обернулся к одному из стоявших за спиной людей, что-то прошептал ему на ухо, и тот, прихватив с собой напарника, пошел следом за гостями.

— И все-таки ты не доверишься им? — прогудел Странник.

— Это не имеет значения. — Уру пожал плечами. — Сонжа, правда, лихо управляется со своим посохом, возможно, и с ножами, что висят у нее на поясе... Я верю ее рассказам о том, что она может отбиться от горстки лесных разбойников, но Янайдар — не лес. Здесь я решаю, кому жить, а кому умереть!

* * *

Север очнулся от резкой боли в левом плече. Перед глазами поплыли огненные круги, и, не раздайся в этот миг голос Пага, он опять провалился бы в беспамятство. Пленник открыл глаза и увидел мрачное лицо склонившегося над ним бородача.

— Я вправил тебе кость, — пояснил он и покачал головой. — Лучше бы тебе умереть.

— Ты все такой же добряк, дружище, — невесело усмехнулся Вожак, и тюремщик опять покачал головой.

— Столб пыток — страшная смерть, — зловеще прошептал он и, подумав, добавил: — Завтра.

Больше он не сказал ни слова и принялся осторожно снимать с раненого доспехи. Вправленное плечо распухло и болело, а при каждом неловком движении Пага отзывалось резкой болью, но Вожак лишь кусал губы и даже не стонал. В такие мгновения тюремщик с опаской поглядывал на него, но, видя, что Север мужественно терпит боль, лишь сокрушенно качал головой.

Вожака сейчас больше заботило то, что он услышал. Вот как — завтра... Столб Пыток... Это значит, что смерть наступит не раньше, чем измученный болью мозг не заставит сердце остановиться... Или кровь не свернется в жилах от жара огня, или не вытечет до последней капли. Впрочем, последнее — вряд ли. Слишком легкая смерть. И Соне он помочь уже не в силах...

— Идем, — оторвал его от размышлений Паг.

— Плечо болит,— пожаловался Вожак.— Примотай руку.

— Зачем? Тебе осталась всего одна ночь...

— Вот я и хочу провести ее спокойно,— хмуро буркнул смертник, и тюремщик, пожав плечами, принялся за работу.

Паг действовал сноровисто, видно, проделывал это отнюдь не впервые, а Север с неожиданной тоской смотрел на унылые серые стены. Неужели все? Как глупо получилось с плечом. Будь он сейчас здоров, он бы еще мог на что-то надеяться. Даже с голыми руками можно попытаться выбраться, а так... На что он годится? Полчеловека, даже с мечом не устоит, если на него навалится толпой.

— Идем,— повторил тюремщик, мягко шлепнув пленника по здоровому плечу.

Вожак молча встал, накинул на себя плащ, натянул на голову капюшон, запахнул полы и неожиданно ловко перепоясался веревкой как раз под подвязанной на животе рукой. Паг удивленно покачал головой и в третий раз позвал:

— Идем!

Они пошли по полутемным коридорам. Изредка попадавшиеся на пути стражники не обращали внимания ни на раба, которого, несмотря на его громкую славу, не считали человеком, ни на тюремщика. Пленник же хорошо изучил ведущие в подземелье коридоры, а потому тоже не глазел по сторонам. Он все продолжал корить себя за роковую небрежность. Как он позволил себе так обмануться, решив, что его противник

неуклюж? Ведь с первых слов Злуна мог бы понять, что он не безмозглая груда мышц!

— Здорово ты Злуна,— заговорил вдруг тюремщик.— Молодец!

— А кто он вообще такой? — поинтересовался Север.

— Не знаю.— Паг помолчал, потом добавил: — Я слышал: Странник сделал Злуна. Или научил Уру, и тот сделал... Не знаю,— повторил он.

— А Странник? Кто он?

Вожак и сам не знал, зачем спрашивает, ведь жить ему осталось всего до утра. Скорее, просто по привычке.

— Мертвый Город,— ответил Паг, подумав.— За рекой Смерти... Там он... Как Уру.

— А ты бывал в Мертвом Городе? — спросил Север.

— Нет,— ответил тюремщик коротко, но по выражению его лица было ясно: он считал, что его подопечный задал совершенно глупый вопрос.

Пленник умолк и больше ни о чем не спрашивал. Дальше они шли молча, и только когда миновали последний пост, стражники зашептались между собой.

— Жалко,— сказал один.— Завтра из живого жилы тянуть будут...

— Долго теперь хорошей драки не увидим,— согласился второй, и дверь за гладиатором захлопнулась.

На столе его уже ждал ужин. Не задумываясь, Север опустился на табурет и первым делом на-

лил себе вина, чтобы приглушить боль, а после принялся за жаркое, хотя голода и не испытывал. В голове вертелся один и тот же бессмысленный вопрос: «Неужели все?» Как там сказал охранник? Жилы тянуть? Нет, это совсем не то, чего он ждет от предстоящего дня.

Есть ли хоть малейшая возможность избежать такого конца? Утром, когда за ним явится стража, он уже ничего не сумеет изменить. А сейчас, в каменном мешке? Он окинул взглядом комнату: крепкая дверь с наружным замком, под потолком светильник, кровать с волосяным матрасом, стол, табуретка и голые стены.

Чтобы попробовать выбраться из коридора и подняться по лестнице, он должен для начала выйти из камеры и одной рукой уложить тюремщика и двух стражников. Пожалуй, трое — это слишком много. Хорошо бы одного отослать наверх с поручением... Хорошо бы... Что толку мечтать о несбыточном, если дверь все равно останется запертой? Север задумался, и ему стало смешно. Как легко все удастся в мечтах! Тюремщик уходит наверх и уводит с собой стражу, оставляя при этом двери открытыми! Только все это ерунда! Вожак вздохнул и вновь принялся за еду, подумав о том, что делает это, быть может, последний раз в жизни.

* * *

Паг обсуждал с двумя стражниками недавно закончившийся поединок между Ревсом и Злуном, когда что-то гулко ударилось о каменный

пол, судя по всему, одной из камер, потому что в коридоре упасть ничего не могло.

— Что это? — спросил один из стражников.

— Где? — прислушался тюремщик.

— Ай! — пренебрежительно махнул рукой второй стражник, давая понять, что здесь ничего необычного произойти не может.

Его приятель расслабился, а Паг, напротив, насторожился. Он поднялся со скамьи и медленно двинулся вдоль коридора, старательно заглядывая в каждую камеру, освещенную мягким желтоватым светом ламп. Он прошел уже почти половину пути, когда вдруг замер, потом резко бросился вправо и приник к окошку. Стражники удивленно посмотрели друг на друга, гадая, что же он увидел.

— Лекаря! Живо! — заорал Паг, отпрянув от двери. — Ревс повесился!

— Плевать, — отмахнулся стражник.

— Ты завтра что скажешь повелителю, когда он тебя к Столбу пыток привяжет? — заорал Паг, и тут до обоих вояк дошло, что старый тюремщик говорит дело.

Приятели бросились к лестнице и принялись что есть сил дубасить в дверь.

— Открывай! — кричали они то в один голос, то раздельно. — Ревс повесился!

Паг трясущимися пальцами перебирал связку ключей, пытаясь отыскать нужный, в сотый раз задавая себе один и тот же вопрос: «Какой идиот придумал навесить на двери разные замки?» Наконец нужный ключ нашелся, замок щелкнул два

раза, дверь распахнулась. Паг влетел внутрь и остановился при входе.

Снятая с потолка лампа стояла на столе. Опрокинутый табурет валялся посредине камеры, а на крюке, тихонько покачиваясь, болтался висельник. Он так и не снял плаща. Даже не откинул капюшон.

— Ах, глупый башка! — покачал головой Паг и шагнул вперед.

— Не совсем,— донесся из-за его спины тихий голос, и в тот же миг тюремщик почувствовал, как шею ему сдавил стальной капкан.— Не дергайся,— сказал тот же голос,— и я не убью тебя. Только усыплю.

Тюремщик послушно затих, и почти сразу перед его глазами заплескали огненные круги, мир закружился и перестал существовать. Пленник тихонько положил его на пол и стянул с бесчувственного тела плащ.

— Помоги! — крикнул он, старательно подражая голосу янайдарца.— Тяжело!

В коридоре раздались торопливые шаги. «Двое»,— определил Вожак и, быстро выскочив, свалил одного ударом в висок. Второй коротко ойкнул и, развернувшись, кинулся бежать к только что отворившейся двери. Не обращая внимания на лежащего, Север бросился следом и уже в проеме пнул его ногой между лопатками. Тот врезался лбом в переносицу спешившего навстречу воина, и оба упали на пол.

Вожак подхватил чей-то меч и помчался наверх. Только бы ему успеть выбраться из дворца,

прежде чем слух о его смерти достигнет Уру! Стражники на первом посту умерли почти мгновенно, даже не поняв толком, что же произошло. Но, падая, один из них ударился головой о стену, шлем слетел с него и со звоном, породившим гулкое эхо, покатился по полу.

Пленник кинулся к выходу, но через десяток ударов сердца услышал, что навстречу ему бегут, однако не остановился. Будь у него две здоровые руки, он действовал бы иначе, но сейчас ему оставалось только одно — выиграть время, и он бросился на врагов, хотя тех было не меньше десятка.

Латники Уру неуклюже топтались на месте, пытаясь, разрубить надвое сновавшего между ними раба. Север опять закружился, словно исполнял некий смертельный танец, а меч его описывал замысловатую кривую, постоянно обгагрывая свежей кровью. Он бы давно вырвался, не стекаясь со всех сторон свежие силы. Положение становилось явно безнадежным, и все-таки он продолжал сражаться.

— Быстрее! — орал кто-то из темноты зычным басом.— Если уйдет, с живых шкуры спущу!

Толпа вокруг беглеца уплотнилась, но теперь стражники только мешали друг другу. Хотя каждый из нападавших и стремился нанести решающий удар, клинки их вспарывали только воздух. Они размахивали мечами, а он убивал. На миг окружившим его бородачам стало страшно. Им показалось, что сама смерть переселилась на время в этого человека, сделав его неуязвимым и

пробудив у его клинка неуголимую жажду крови. Однорукий нещадно рубил латников, а те умирали в твердой уверенности, что повстречались с демоном смерти.

— Живьем брать, идиоты! — орал все тот же бас. — Живьем!

Ну вот и последняя надежда пропала — живьем. И Север пошел вперед, положил еще двоих, дотянулся до третьего, и тут на него навалилась стена щитов. Его зажали со всех сторон, рукоять чьего-то меча ударила в висок, и воин упал на залитый кровью пол. Его долго пинали ногами, и даже когда он потерял сознание от боли, продолжали жестоко избивать уже просто так, выплескивая накопившуюся злость. Били долго и со знанием дела, а устав, перетаскивали в камеру, и там за раба взяли надсмотрщики...

* * *

Пока старухи возвращались в отведенные им покои, они еще старались держать себя в руках. Тем более что двое людей Уру неотрывно следовали за ними по пятам от самого амфитеатра. Однако как только они вошли в комнату и заперли за собой дверь, Гана мгновенно сникла. Соня обернулась к раскисшей подруге и окинула ее оценивающим взглядом.

— Ну-ка наливай, — скомандовала она, но Гана продолжала сидеть, словно бы и не слыша ее, и впрямь похожая на старую обиженную жабу.

— Пропал добрый господин... — прошептала она. — Теперь его уже ничто не спасет.

Воительница сокрушенно покачала головой и поняла, что действовать ей придется самой. Влив в подругу два кубка крепкого пальмового, она перетаскила ее на постель и, освободив от «сбруи», уложила под одеяло. Только после этого Соня смогла расслабиться сама. Ей вдруг непреодолимо захотелось вот так же напиться и уснуть, потому что последняя фраза Ганы: «Теперь его уже ничто не спасет», — больше всего походила на правду.

Девушка вдруг почувствовала озноб, подошла к камину, разожгла огонь, присела рядом в кресло и уставилась на огонь. Пожираемое пламенем дерево тихо потрескивало, время от времени выбрасывая разноцветные искры, и Соне неожиданно припомнился другой вечер. Казалось, это было давным-давно, вообще в какой-то другой жизни, а вместе с тем случилось всего несколько лун назад, в начале лета. Тогда она сидела не в роскошном резном кресле, а на простой грубой скамье, сделанной Хэлдиром, и тоже смотрела в огонь, а тот показывал ей странные картины, в которых смешалось все: настоящее с будущим, истина с игрой.

Как не похож тот вечер на нынешний! Там ее окружали друзья, а здесь — враги. Там впереди брезжил лучик надежды, здесь же все окрашено в мрачные цвета безнадежности. Но и тогда, как сейчас, она испытывала злость и отчаяние, душевную боль и жажду мести! Так может ли она сейчас сделать что-то ради спасения Севера, и если может, то что? Этот вопрос она непрестанно

задавала себе, и постепенно он вытеснил все иные мысли. Она смотрела на огонь, а решение так и не приходило... Наверное потому, что его просто не было...

С громким щелчком красная искорка выскочила из смолистого поленца. Соня проследила за ней взглядом, а затем посмотрела на кусок дерева, от которого исходила тонкая струйка синего дыма. Струйка медленно истончалась и потихоньку сошла на нет.

«Как жизнь Севера», — подумалось девушке, и, почувствовав, как невольно задрожали губы, она закрыла рот ладонью, чтобы не позволить нараставшему в душе отчаянию вырваться безумным криком. «Если бы я могла! О, Огненный Цветок! Сделай так, чтобы я смогла! Хотя бы подсказки, как?!»

Крошечное темное пятнышко, породившее искру, засветилось белым маячком, который невольно приковал внимание девушки. Понемногу едва заметная точка превратилась в крохотный язычок пламени, который начал расти, быстро превращаясь в лепесток. Маленький белый лепесток, нежный и беспомощный, испуганно трепетавший на сквозняке. Кончик его начал раздваиваться, еще раз и еще, пока не превратился в бутон белой лилии.

Соня затаила дыхание, боясь даже подумать о том, что это может значить. Бутон начал увеличиваться. Он тянулся вверх и вширь, медленно, но неуклонно, пока не сравнялся размерами с настоящим цветком.

— Покажи мне, Огненный Цветок! Молю тебя! — будто в бреду, шептала девушка.

Словно отозвавшись на ее просьбу, лепестки шевельнулись, ожили... Их нежная ткань стала полупрозрачной, как легкая предрассветная дымка, готовая разорваться от слабого дуновения случайного ветерка. Что-то скрывалось внутри бутона, но Соня видела только неясные силуэты, которые начали перемещаться, едва девушка обратила на них внимание, словно этого лишь и ждали.

Воительница прикрыла лицо ладонями, чтобы ненароком, невольным вздохом, не убить видение, от которого она ждала... Она сама даже не знала — чего. Наверное, боялась расстаться с такой же слабой, как возникшее перед ней видение, надеждой. Она смотрела и чуть не плакала из-за того, что не в силах разглядеть действия, разворачивавшегося у нее на глазах. Откуда-то она знала, что от того, сумеет ли она понять смысл происходящего, зависит очень многое, и потому едва не рыдала от бессилия.

«Да что же это?!» — чуть ли не крикнула она, и, разделяя ее отчаяние, ветер завыл в дымоходе, а огонь в поленьях заколыхался. Бутон раскрылся, выпрямив лепестки, а плясавшее в очаге пламя окрасило скрытые картины в сочные тона от густой лазури до пурпура и солнечного золота, на краткий миг высветив туманные образы. Соня во всех подробностях увидела яркую и страшную картину, и лепестки тут же опали, растворившись в пламени.

Девушка откинулась на спинку кресла и прикрыла внезапно наполнившиеся слезами глаза. Некоторое время она не могла даже думать, но постепенно бешено колотившееся сердце успокоилось, и она поняла, что способна здраво рассуждать. Тогда она перебралась в кресло у стола, налила вина и, потягивая его, попыталась припомнить увиденное.

...Полдень. Изливающее бешеным жаром солнце золотым шаром повисло в середине небосклона. В пронзительно голубом небе не виднелось ни облачка. Справа и слева бесновалась пестрая, словно обезумевшая, толпа. На фоне мрачных башен королевского дворца возвышался помост, а на нем, почти у самого края, — Пыточный Столб.

Перед столбом стоял облаченный в доспехи Север при полном вооружении. Однако выглядел он просто ужасно. Весь израненный и окровавленный, он едва держался на ногах. И все-таки враги его боялись, потому что руки и ноги пленника сковывали кандалы, а за спиной и по бокам Вожака толпились латники в надраенных до зеркального блеска доспехах.

Перед помостом стояла карета, запряженная восьмериком, и Соня сразу узнала ее, равно как и отвратительных старух, согнутых и сморщенных неистощимой бездной прожитых лет. Одна из них держала в руках вожжи, а вторая, в которой воительница только по горбу признала себя, — уложенный кольцами хлыст. Толпа ревела, и ни один из персонажей картины не двигался...

Соня задумалась. Все, что сейчас всплыло в памяти, вплоть до мельчайших подробностей она видела в городе. Все это существовало на самом деле: и дворец, и помост с Пыточным Столбом на Площади Казней. Она узнала и коней, и карету, и людей, и Севера... Разве что себя с Ганой впервые увидела со стороны.

И в то же время все выглядело каким-то неестественным. Ослепительно яркое солнце висело в неправдоподобно глубокой лазури небес. Толпа казалась слишком пестрой, а ее восторг выглядел наигранным, словно сборище неумелых балаганых лицедеев пыталось перекричать друг друга. Золоченые латы стражников никогда так не блестели, а ее карета окована бронзой, но никак не золотом, сиявшим едва ли не ярче солнца. Кони же, быстрые и выносливые, но всего лишь кони, показались ей просто демонами. Старухи выглядели стократ отвратительнее, чем ставшее уже привычным отражение в зеркале. Хлыст в ее ладони...

Обычно Гана правила каретой, но, видно, на этот раз Соня лишь на время передала подруге вожжи, чтобы проститься с Севером, а хлыст так и остался у нее в руке. И наконец, Вожак. Казалось, все его тело — сплошная рана. Он едва держался на ногах, и, быть может, только гордость и сила воли не позволяли ему упасть.

Она вновь почувствовала, что вот-вот расплечется, и закрыла лицо ладонью, словно надеялась таким образом заставить подбородок и губы не дрожать. Как ни странно, это помогло. Соня глу-

боко вздохнула и сделала еще глоток. Так что же все-таки она увидела, и есть ли в этой преувеличенно яркой картинке хоть какой-то смысл?

Ясно, что это завтрашний день, а время — непосредственно перед казнью. Означает ли это хоть что-нибудь? Если все ей лишь почудилось, тогда все ясно: она просто увидела то, чего больше всего боится, — сцену прощания. Прощания навсегда... Но если нет? Тогда что все это означает? Не то ли, что она должна успеть что-то сделать до начала казни? Судя по всему, так оно и есть.

Но что это дает ей? На казнь она, конечно, придет — Уру пришлет за ней. Но что из того? Что она должна сделать? Остановиться рядом с ним? Но зачем? Чтобы просто попрощаться? Или что-то сказать ему, или что-то от него услышать?

И этот невыносимый блеск во всем! Солнце пылает в небе, как расплавленное золото, а доспехи и кованая окантовка кареты спят бликами! Но ведь... Соня наморщила лоб, припоминая. Да, все правильно. Карета украшена бронзовыми накладками, а на латах стражников она ни разу не видела позолоты. Не указывает ли это на то, что золоту завтра предстоит сыграть важную роль? Хвала Лепестку, золота у нее много! Только что с него проку? Ведь Уру отказался продать Севера. Или, быть может, он передумает завтра, когда она увеличит цену? Увеличит цену... Ну конечно! Как только она не додумалась до этого раньше? Ведь она может отдать ему и то, что он запрашивал с самого начала!

* * *

Всю ночь Халима не смыкала глаз, а весь следующий день не находила себе места. Ее терзали два чувства: любовь и страх. Любовь кричала, что она должна пойти на все, лишь бы помочь Северу. Что, если помочь ему сможет только Темный Властелин, а если и он не поможет, то не поможет уже никто!

Страх же твердил, что ни в коем случае нельзя этого делать, потому что если кто-то и желает смерти Севера больше всего на свете, так это Темный Властелин. Пока что он, быть может, и не знает, что Вожак в плену, но как только узнает, его уже никто не спасет!

Она металась между двумя желаниями — открыться и утаить от Тени пленение Севера, да так ни на что и не решилась.

К вечеру под ее прекрасными глазами обозначились темные круги.

Мрачная весть о Вожаке, как все дурные слухи, мгновенно разнеслась по Логову. Желая узнать подробности, Кучулуг подошел к Халиме, но она окинула его мрачным невидящим взглядом и повторила то, что уже и так знали все, но таким мертвым голосом, что ему стало не по себе. Он попытался утешить девушку, напомнив об отряде, который на следующее утро после того, как было получено письмо Ганы, ускорил на выручку. Она ничего не сказала и посмотрела на любовника уже ясным взглядом, но лучше бы ему не видеть его. Кучулуг поспешно удалился и тотчас дал себе слово не появляться Прорицательнице

на глаза... По крайней мере, до тех пор, пока она сама его не призовет.

Халима же вернулась к себе в комнату и вновь, как и в тот, первый вечер, заперла дверь на засов, хотя и не сомневалась, что уж сегодня-то гирканец не пожалует. Правда, о нем она тут же забыла. Все ее мысли занимал Север, и только он. Она медленно подошла к темному окну и зябко поежилась. Ей стало холодно, и она подбросила дров в камин. Рука потянулась к кувшину с вином и замерла на полпути, а взгляд остановился на столе.

Точнее, не на столе, а на небольшом, в ладонь величиной, томике стихов, переплетенном в красную кожу со странным зеленым тиснением. На обложке красовался роскошный орел. Почему она решила когда-то, что книга аргосского происхождения, Халима и сама не знала — никаких меток, указывавших на то, кто и где изготовил томик, она так и не нашла.

Сейчас книжица лежала открытой примерно на середине, словно кто-то читал ее, но его прервали. Жрица знала, что послушники, поддерживавшие огонь в камине и прибиравшие комнату, осмеливаются лишь смотреть на ее вещи, но никогда ничего не трогают. Сама же она не помнила, что доставала книгу из стола... Разве что ночью, в рассеянности?

Странно... В интересные мгновения попадает ей книга на глаза и всякий раз словно бы сама показывает то, что Халима должна прочесть. Забавно, конечно, но такие загадки не

нравились прекрасной колдунье. Она привыкла твердо стоять на ногах, четко знать, что происходит, и трезво оценивать происходящее, а потому всякий раз, когда ощущала причудливую игру Рока, смысла которой не понимала, невольно раздражалась.

Тем не менее она подошла к столу и взяла в руки книгу.

Путь воина узок, как сталь у клинка,
Но выбор за ним — или Свет, или Тьма.
И трудно сдержаться, с пути не свернуть,
Но в силах Коварство Судьбу обмануть!
Прикинься лишь Тенью, дочерью Дня,
И воин, не зная, возлюбит тебя!

«Нет, клянусь Волчицей, это просто невыносимо!» Халима в ярости едва не захлопнула книгу, но вовремя сдержалась и положила ее на стол на раскрытой странице. Книга дает советы на все случаи жизни, побуждает к действию... По крайней мере, подсказывает пути решения сложных задач. И ведь последний стишок совсем не похож на предыдущие. В нем уже нет прежней высокопарности, он как бы более приземлен, словно говорит не о божественных делах и помыслах, а о чем-то мелком.

Последняя мысль неприятно поразила Прорицательницу. Неужели то, что ее волнует, и в самом деле ничего не значащая мелочь? Ее любовь — мелочь?! Значит, и сама она... не достойна внимания! Гирканка нахмурилась, и лицо ее потемнело. Ну нет! Она величайшая колдунья!.. Ну

или в скором времени станет ею. Недаром же сам Темный Властелин заметил ее.

Да и книжка, какой бы магией она ни обладала, вряд ли станет тратить свою силу на пророчества, попади она в руки какого-нибудь никчемного существа! И... Великая Тень! Да ведь такая книга и не дастся в руки кому попало!

Но не подвела ли она Севера, забрав у него книгу? Быть может, останься она у Вожака, и он не угодил бы сейчас в смертельно опасную переделку? Нет... Жрица покачала головой. Что-то в глубине души подсказывало ей, что если такое и возможно, то ей, по крайней мере, не в чем винить себя.

Халима прекрасно помнила тот день, когда она сама не своя зашла в комнату Вожака и покинула ее, держа в руках именно эту книжицу, хотя на столе лежало много необычных, более, казалось бы, привлекательных вещей. Она словно пребывала во сне и не помнит, чтобы до того или после хоть раз чувствовала себя так же. Ею словно кто-то управлял, дергал за ниточки, а она шла, послушно переставляя ноги, смотрела, куда ее поворачивали, и брала то, на что ей указывали. И она помнит, как сразу тогда заметила книгу, словно явилась именно за ней, и, схватив ее, бросилась прочь.

«Нет,— решила Халима.— Я не могла навредить».

Это немного успокоило девушку. Она все-таки налила себе вина и откинулась в кресле, маленькими глотками прихлебывая терпкий напиток.

Некоторое время колдунья просто сидела, ни о чем не думая, даже не пытаясь понять смысл только что прочитанного пророчества.

Внезапная мысль поразила ее как удар молнии. Руки затряслись, и Жрица поставила кубок на стол, чтобы не расплескать вино. Так, быть может, она и получила эту книгу для того, чтобы прийти на помощь, когда это будет необходимо? Она тут же, порывисто вскочив, схватила книгу и посмотрела на начало стиха.

Путь воина узок, как сталь у клинка,
Но выбор за ним — или Свет, или Тьма.

На этот раз речь шла не о короле, а о воине, но, как и тогда, Халима ни на миг не усомнилась, что воин этот — Север. И как каждый воин он прямо идет к избранной цели. К избранной... Свет или Тьма... А ведь она заключила союз с Темным Властелином, так что тут речь, пожалуй, о ней! Она задумалась. А Свет, значит...

Ее прекрасное лицо вновь исказилось яростью, сделавшей его похожим на отвратительную маску злобного порождения Ксотли, потому что она поняла: пока проклятая рыжая дрянь с ним рядом, он с выбранного пути не свернет! Она вздохнула и прочитала последние строки:

Прикинься лишь Тенью, дочерью Дня,
И воин, не зная, возлюбит тебя!

Все правильно. Именно Свет порождает Тень, и хотя она сродни Тьме, но значительно слабее ее. Да, Тьма отступает перед Светом и превращается

в свое слабое подобие, способное любого обмануть своей мнимой прозрачностью. Значит ли это, что и ей надлежит изменить себя, чтобы добиться желаемого?

Она едва не возликовала, молниеносно прикинув, как она это сделает, и тут же помрачнела: да разве о том сейчас речь? Ей ведь нужно спасти Севера, а не обмануть!

* * *

— Просыпайся, старая черепаха! — сердито проворчал голос у нее над головой, и Соня нехотя открыла глаза.

Отвратительная образина уставилась на нее тяжелым взглядом и, только когда увидела, что спящая проснулась, удовлетворенно кивнула.

— И вовсе я не черепаха... — ответила Соня, как она сама думала, с улыбкой, а на самом деле скорчив ужасную гримасу. — Просто старенькая, — добавила она, подумав.

— Чего это ты развеселилась? — хмуро поинтересовалась у нее подруга.

— Мне было видение, — охотно объяснила Соня.

— Головой, что ли, во сне ударились? — недоверчиво спросила Гана.

— Да нет же! — нетерпеливо отмахнулась от нее воительница и, сев на постели, пересказала все, что видела в пламени очага.

— И ты веришь в это? — буркнула Гана, ясно давая понять, что уж сама-то она никак не склонна доверять таким бредням.

— Ох, не знаю. — Соня вздохнула. — Но со мной уже случалось нечто подобное, — тихо добавила она, не уточняя, впрочем, где и когда. — Я хорошо это помню.

— Ну и как?

— Да как тебе сказать... Кое-что в увиденном тогда оказалось правдой, а все остальное еще не случилось.

Обе замолчали, и вдруг Гана вскочила.

— Так что же мы сидим?! Ведь скоро полдень! — выкрикнула она в ответ на недоуменный взгляд подруги.

Соня прыгнула с постели и начала стремительно облачаться сперва в опостылевшую «сбрую», а потом и в бесформенную одежду, такую же ненавистную, как сморщенная кожа, покрывавшая голову и руки.

— Странно, — проговорила она, одевшись, — что владыка не прислал за нами. Кажется, он ожидал, что мы придем смотреть на казнь. — Она вопросительно взглянула на подругу. — Что бы это значило?

— Уж не испугался ли он? — помолчав, отозвалась та.

— Испугался? — удивилась шадизарка. — Но чего?

— А того, как ты управилась со Странником, — ответила Гана. — Я здорово перетрусила тогда. Думала, что нам пришел конец. Однако я видела, как владыка перестал улыбаться. Не знаю, как на Странника, а на Уру твоя победа произвела впечатление. И я подумала сейчас, а не

опасается ли он, что ты попробуешь помешать расправе над господином?

— И что теперь? — Соня зло усмехнулась. — Сидеть в четырех стенах? Ну уж нет! Бойтся? Отлично! Пусть бойтся! Испугать противника — выиграть половину боя.

Она подхватила посох, и обе решительно направились к выходу. Не успели они откинуть засов, как дверь отворилась, и двое воинов, что сопровождали старух вчера, преградили им путь.

— Идем, — даже не посмотрев на них, повторила Соня.

— Прошу прощения, госпожа, — с насмешливым полупоклоном ответил один из них, — но владыка просил до вечера его не беспокоить.

— А мне он и не нужен, — успокоила его старуха и попыталась выйти. — Мы покидаем Янайдар!

— Прошу прощения, — с не менее сладкой улыбкой произнес второй стражник, — но вам, почтенные, придется немного подождать. Я обязан сообщить о вашем отъезде владыке.

— Об этом не может быть и речи! — отрезала госпожа Сонжа и тут же расплылась в самой любезной улыбке, на какую была способна. — Мне очень не хотелось бы обременять таких славных молодых людей, — прошамкала она. — Мы сами скажем владыке о своем отъезде.

— К сожалению, не могу воспользоваться твоей добротой, госпожа, — с каменным лицом ответил стражник и, одернув куртку, шагнул в коридор.

Однако что-то заставило его насторожиться. Быть может, неясный шорох за спиной, а может, и невнятное восклицание напарника. Он успел еще взмахнуть рукой, защищаясь от хлесткого удара, но она тут же повисла плетью вдоль тела, а ребро старухиной ладони врезалось ему в горло.

Жрица Затха тут же развернулась и, по-паучьи быстро пробежав несколько шагов, вонзила сухонький кулачок в живот его приятелю. Тот согнулся, ловя ртом воздух, и тут же получил мощный удар по шее, сваливший его на пол.

Когда старуха обернулась, первый парень еще сипел, скорчившись на полу и держась рукой за разбитый кадык.

— Добей его, черепаха, — проскрипела Гана.

Соня хмуро посмотрела на нее и ударила лежащего по затылку.

— Наповал, — удовлетворенно кивнула Гана.

— Очухается, — возразила Соня.

* * *

Близился полдень. Солнце прошло почти половину пути и замерло, заливая землю потоками расплавленного золота. Удивительно синее небо без единого облачка казалось неестественно глубоким. Запряженная восьмериком карета медленно катилась, с трудом прокладывая дорогу в пестрой толпе. Несмотря на жару и на то, что день совсем недавно начался, чувствовалось, что люди уже успели немало выпить. Причем не некоторые, а все, кто попадался на пути. Уродливых старух встречали приветственными криками и

пьяными шутками, далеко не всегда безобидными, но обе карги только понимающе кивали, мол, чего еще ждать от пьяных.

Им предстояло всего лишь обогнуть королевский дворец, но в такой толпе и это оказалось делом непростым. Однако впереди уже виднелось свободное пространство, и Соня направила коней прямо туда.

Шум вокруг стоял просто невообразимый. Тут и там встречались небольшие группы музыкантов, нещадно мучивших свои инструменты, и те весьма странные звуки, которые им удавалось извлечь, можно было назвать чем угодно, но только не музыкой. По крайней мере, так казалось двум древним жрицам Затха. Однако толпившиеся вокруг музыкантов янайдарцы, видимо, никогда не слышали ничего иного и потому находили дикую мелодию восхитительной. Из толпы даже выскочил бородач, который затянул заунывную песню, показавшуюся Соне воплями смертельно больного осла.

— Я не вижу Севера,— негромко, но отчетливо произнесла Гана.

— Свернем за угол, увидишь,— отозвалась Соня.

Возница легонько ударила вожжами, направляя коней вправо. Медленно, но уверенно они двигались вперед, огибая королевский дворец, выворачивая из бокового проезда. Гана уже увидела слева возвышение, сооруженное ночью как раз напротив Столба пыток. До свободного от людей пространства оставалось всего сотни три локтей.

— Приготовься,— шепнула воительница, хотя и сама толком не знала, что будет делать дальше.— Держись уверенно и не обращай внимания ни на кого, кроме меня.

Гана даже не обернулась к ней, но Соня не сомневалась, что подруга все слышала и все поняла так, как нужно. Толпа стала плотнее, и люди расступались неохотно, так что карета поехала еще медленнее. Когда до трибуны, на которой разместились Странник и Уру со своими приближенными, оставалось не больше сотни локтей, их наконец заметили.

Соня видела, как приближенные зашептались, как владыка повернул голову. Казалось, ему было все равно, приехали посланницы Кара-Зуда посмотреть на казнь или нет, но, когда карета пробились-таки сквозь толпу и взгляды их встретились, воительница увидела, каким древним, как мир, злом лучатся глаза Уру. Она мгновенно поняла, что этот маленький, улыбчивый человечек с орлиным профилем — не более чем избранный королем-вампиrom образ, в котором он показывается всем непосвященным. И еще она поняла одну очень неприятную истину — Уру не согласится на ее предложение.

Когда это дошло до девушки, она порадовалась, что притирания, обезобразившие ее лицо, скрывают мертвенную бледность, которая могла бы выдать ее. Она осознала, что время, неумолимо двигаясь вперед, ведет ее не к победе, а к краху, к поражению тем более сокрушительному, что вчерашнее видение уверило ее в победе. И

все-таки Соня смогла взять себя в руки и даже скорчила гримасу, которую, она уже знала это, Уру воспримет как улыбку.

— Ты все-таки решила покинуть нас, прекраснейшая из жриц Затха? — усмехнувшись, поинтересовался он.

— Истинно так, — кивнула старуха и, опираясь на сей раз не на посох, а на дверцу кареты, повернулась к владыке.

Гана закивала и захихикала, и Соня порадовалась, что подруга даже не догадывается о ее мрачных мыслях.

— Почему же мои слуги не предупредили меня, как им было велено, о твоём отъезде? — слегка нахмурился Уру. — Придется их наказать.

— Накажи их, владыка, — с готовностью отозвалась госпожа Сонжа. — Эти негодяи напали на нас с Гангой, и мне пришлось...

— Что ты сделала с моими слугами?! — перебив ее, всполошился Уру, и Соня с удовлетворением отметила, что владыка хоть и недоволен, но вовсе не собирается немедленно отомстить ей.

— А что могла сделать с ними старая слабая женщина? — пожала плечами старуха. — Лежат, мальчишки, отдыхают... Может, и встали уже, — равнодушно пояснила она.

— И все-таки жаль, — успокаиваясь, заметил Уру, — что меня не предупредили о вашем отъезде. Я позаботился бы о торжественных проводах.

— Это лишнее, — отмахнулась госпожа Сонжа. — Встреча ведь закончилась неудачей... — Она указала рукой на закованного в кандалы Севера,

едва стоявшего на ногах, так что его поддерживали с двух сторон люди Уру. — Впрочем... — Она помедлила. — Быть может, ты передумал? Я готова дать и твою цену. — Она посмотрела в глаза Уру, но взгляд владыки не отражал ничего. — Даже удвоить ее, — продолжила она, и по тому, как губы Уру дрогнули в усмешке, поняла: нет. — Впрочем, — тут же заговорила старуха, словно отгоняя навязчивые мысли, — я ведь сказала это так, на всякий случай.

— Я бы согласился, — неожиданно сказал Уру, — предложи ты мне это вчера, но сейчас поданные меня не поймут, да и сам я не хочу отказываться от развлечения. Жизнь стала скучной, — посетовал он. — Ничего интересного не происходит. — Он помолчал. — Врагов, и тех не осталось...

— Так-таки?... — задумчиво спросила Соня, радуясь возможности потянуть время и лихорадочно думая о том, как же ей поступить.

Вот он, Север, вот карета... Солнце сияет, небо голубое и толпа ревет — все как в видении, не хватает только хлыста в руке.

— Живых врагов не осталось, — уточнил Уру, тихонько засмеялся, и приближенные, до сих пор молча прислушивавшиеся к разговору, с готовностью подхватили смех повелителя. — Теперь ты понимаешь, — вновь заговорил он, — что такие вот редкие развлечения особенно ценны.

— Тогда, надеюсь, ты не откажешь и в моей просьбе?! — прошамкала старуха, и глаза ее зло сверкнули. — Дозволь и мне выместить на нем свою злость!

Она протянула руку, и Гана с готовностью вложила в нее хлыст, словно ждала именно этого.

— Злость — хорошее чувство. Злость делает нас сильнее. Я уважаю злость, — кивнул Уру. — Что ж... — Он взмахнул рукой, и двое тюремщиков, державших пленника под руки, отошли в сторону. — Надеюсь, ты сумеешь устоять на ногах, мой друг? — насмешливо спросил он, обращаясь уже к смертнику.

Соня поняла вдруг, что теперь видение повторилось до мельчайших подробностей. Она почувствовала волнение и неожиданный прилив сил. Омерзительный смех Ганы, которая вместе с остальными радовалась удачной шутке владыки Янайдара, донесся до нее словно сквозь густую пелену.

Старая карга размахнулась, и с резким щелчком хлыст обвил плечи Вожака. Все увидели, как древняя развалина напряглась и неожиданно мощным рывком сдернула приговоренного с помоста, так что тот полетел вниз головой прямо на пол кареты.

— Гони, жабочка! — хрипло взревела ведьма и, не дожидаясь, пока подруга опомнится, опустила хлыст на спины коней. В следующее мгновение ее руки замелькали, веером расшвыривая болтавшиеся на поясе тесаки, и все, кто попытался броситься к ним, падали бездыханными.

На миг все вокруг замерли в оцепенении. Восьмерка коней резко рванула вперед. Уру первым пришел в себя, в то время как Странник замер, а придворные переводили оторопелые

взгляды со стремительно набиравший ход кареты на своего повелителя.

— Взять живыми! — заорал владыка. — Поднять мост! — взревел он странно изменившимся голосом, и Соня успела заметить, как он покраснел и словно вырос. Пунцовое от ярости лицо начало неестественно меняться, одежда затрещала по швам, а в следующий миг карета свернула за угол ближайшего здания.

— Соня! Мост! — услышала она отчаянный возглас подруги и обернулась.

Перед ними простиралась прямая, как стрела, дорога, которую перегораживала горная гряда с пробитым в ней тоннелем. Что-то происходило возле стального моста, но что, она с такого расстояния не могла разобрать. Справа и слева колыхалось людское море.

— Гони! — вновь крикнула она, слыша, как за спиной нарастает стук копыт.

Мельком взглянув на лежавшего без чувств Севера, она обернулась к преследователям. На пути бешено мчавшихся коней не рисковал встать никто, но из толпы то и дело вылетали камни, стрелы и метательные ножи, хвала Лепестку, пока не достигавшие цели, а сзади их понемногу начали надвигаться неизвестно откуда взявшиеся всадники Уру. «Золото!» — вдруг мелькнуло в голове. Ну конечно же золото! Как она могла забыть?!

Соня быстро откинула сиденье, отпустила потайную защелку и начала пригоршнями расшвыривать золотые кругляши. Толпа восторженно за-

вопила. Янайдарцы бросились поднимать монеты, не обращая внимания на стремительно надвигавшихся коней. Всадники резко натянули поводья, останавливая скакунов, а шадизарка продолжала расшвыривать золото, и через пару мгновений море людских голов превратилось в море спин.

— Ха! Ха-ха! Ха! — обернувшись, захохотала старая карга на козлах.

Они неумолимо приближались к цели, и теперь стало ясно, что страже на стенах уже известно о беглецах.

* * *

— Тяните! Тяните, грязные выродки, или из вас раскаленными клещами кишки вырвут!

Сотник бегал вокруг могучего ворота, без устали бил плетью по лоснящимся от пота спинам рабов, но те, как ни старались, не могли сдвинуть рычаг ни на волос. Воин выглянул в узкую бойницу: длинный стальной пролет вдвинулся локтей на десять в стену, и там его заклинило. Всадник, пожалуй, может перескочить через образовавшийся провал, но карета... Они просто убьются, и тогда ему не сносить головы! Если только... Если только кони не испугаются! А они испугаются наверняка!

— Давай Бааш, погоняй тварей! — Он передал плетль десятнику. — Быть может, еще удастся сдвинуть...

Он шагнул наружу, думая о том, что вовремя переложил ответственность на помощника.

Подъемный механизм моста, похоже, заклинило намертво, и если беглецы сорвутся в пропасть, можно и вину свалить на нерасторопность десятника.

* * *

Соня продолжала расшвыривать деньги, хотя те, кто находился рядом, и без того уже не обращали на беглецов внимания, а впереди путь им преграждали лишь горный хребет да копошившаяся у его подножия стража. Лежавший на дне кареты Север пока не приходил в себя, и, хотя сердце девушки обливалось кровью, она заставила себя не думать о возлюбленном. Что бы с ним ни случилось, сейчас главное — унести ноги из Янайдара.

Сколько прошло времени, она не знала. Впереди показались окраинные дома, и Соня уже подумала, что все обойдется, когда чудовищный рев заставил ее вздрогнуть. Кроваво-алый монстр взмыл над толпой и понесся вдогонку беглецам. Огромные кожистые крылья мерно поднимались и опускались, посылая вперед похожее на человеческое тело твари. Не веря своим глазам, воительница вцепилась в борт кареты, так что пальцы под сморщенной кожей побелели. На миг крылатая тварь зависла над толпой, издала ужасающий рев и вновь ринулась вдогонку. Соня бросилась к подруге, выхватила из ее рук вожжи и начала иступленно хлестать коней.

— Что случилось? — опешила Гана.

— Посмотри!

Гана обернулась, да так и замерла с открытым ртом, позабыв, что собиралась что-то сказать. Жуткое чудовище стремительно приближалось к ним, вытянув вперед когтистые лапы и распахнув усеянную острыми зубами пасть. На миг монстр завис над каретой и вдруг ринулся вниз.

— Соня! — в ужасе завизжала Гана.

Подруга резко пригнулась, и это спасло ее. Уру пронесся мимо и, потеряв скорость, отстал. Однако он тут же бросился вперед, вновь быстро приближаясь. Победный клич вырвался из открытой пасти — стена гор выростала словно из-под земли. Единственный путь на свободу проходил сквозь зев тоннеля, а за ним — разведенный мост.

— Мо-ост! — взревел он так, что у Сони щелкнули зубы, а кони заржали, ошалело озираясь.

Воительница размахнулась, и плеть упала на спины скакунов, заставив их мчаться еще быстрее.

* * *

Сотник выстроил своих людей по обеим сторонам дороги больше для того, чтобы показать усердие — луки при себе имели едва ли человек десять. Карета вихрем вылетела на открытое пространство и помчалась прямо на него, неестественно быстро увеличиваясь в размерах, а за ней... Гнавшееся за каретой чудовище было столь ужасно, что сотник едва не сошел с ума от страха. Вот монстр развернулся в воздухе и бросился вниз, намереваясь, видимо, подхватить одну из

старух, но та нагнулась, и он промахнулся. Беглецы тут же вырвались вперед, и теперь их отделяло от входа в тоннель не больше полутысячи шагов — считанные мгновения бешеной скачки для таких великолепных скакунов. Издав победный клич, преследователь бросился вперед, видно, считая, что беглецам уже не уйти.

— Мо-ост! — взревело чудовище, напоминая о том, что старухи не должны уйти, и сотник невольно вздрогнул.

Он не знал, кто та красная тварь, что гналась по воздуху за каретой, но зато сразу понял, что беглецы ни за что теперь не остановятся, потому что смерти они боятся меньше, чем крылатую тварь. Они поскачут вперед и неизбежно разобьются. И неизвестно еще, сумеет ли он свалить вину на десятника! Но что же делать?

И тут спасительная мысль пронзила его. Скорее! Скорее, пока еще есть время! Он бросился вверх по наружной лестнице, слыша, как нарастает бешеный грохот копыт за спиной. Он мчался, перепрыгивая через две ступени, стремясь как можно быстрее выбраться на площадку над тоннелем и юркнуть в дверь. Уже на последних ступенях он боковым зрением увидел настигшую его переднюю пару скакунов, тут же скрывшуюся под сводами тоннеля, и не мешкая нырнул в полумрак внутреннего помещения. На бегу выхватив из ножен кривой меч, он с размаху обрушил его на толстый канат и облегченно вздохнул, услышав далеко впереди, в недрах горы, грозный рокот.

* * *

Не обращая никакого внимания на выстроившуюся как на параде стражу, беглянка погоняла коней, хотя некоторые из воинов догадались захватить луки и теперь стреляли. Жалкое зрелище! Они могли бы, по крайней мере, сообразить, что целиться надо в скакунов! Соне даже не пришлось в голову пригнуться, так далеко в сторону уходили стрелы. И вдруг стоявший позади строя латник помчался вверх по лестнице, и возница еще сильнее хлестнула коней, даже не стараясь угадать, что он задумал.

— Где тварь?! — крикнула она, не оборачиваясь.

— Опять пошла вниз!

— Не догонит! — успела отозваться Соня, прежде чем головная пара скакунов ворвалась в тоннель.

Почти одновременно и человек в латах пересек открытую площадку и скрылся в темном дверном проеме. Воительница жестоко пожалела, что не взяла с собой лука и у нее не осталось ножей: что бы ни задумал этот негодяй, лучше бы ему помешать.

— Он несется за нами! — завизжала Гана.

Она в ужасе обернулась к подруге и увидела, как та бешено нахлестывает скакунов. Впереди маячило пятно света — спасительный путь к свободе, а за ним!..

— Соня! Мост! — в ужасе закричала она, указывая на пустой промежуток у дальнего конца стального пролета.

Передняя пара увидела, что дороги нет, и попыталась остановиться, но плеть погнала вперед три следующие пары, и передним вновь пришлось прибавить шаг. Карета ворвалась в полумрак подгорного хода. Гана услышала за спиной грозный, набирающий силу рокот, обернулась и уже не смогла оторвать взгляда от крылатого ужаса. Он уже не махал крыльями, а, набрав при падении огромную скорость, несясь за каретой, настигая ее.

Соня не гадала, сумеют ли они перемахнуть через провал, только погоняла скакунов, чтобы погибнуть или спастись, но ни в коем случае не попасться в когти отвратительного чудовища. Она кожей чувствовала накатывавшиеся сзади волны страха. Кони мчались, казалось, ничего уже не видя перед собой, словно превратившись в летящих по воздуху демонов, которые даже не касались подковами земли, и, если бы не бешеный перестук копыт, девушка подумала бы, что так оно и есть.

— Давай! Давай! — погоняла она, и вдруг тяжелая бронзовая решетка начала падать, перегородивая выход.

Соня мгновенно поняла, куда бежал латник. Только бы успеть! Она вновь принялась нахлестывать коней, хотя сама понимала, что быстрее скакать уже невозможно. Выход, казалось, был совсем рядом, решетка падала медленно и неотвратимо, как в ночном кошмаре, но в какой-то миг возница сумела осознать, что, быть может, они и успеют.

— Пригни голову! — закричала она и невольно съежилась, подныривая под надвигавшиеся сверху штыри.

Из-за гулкого шума Гана не разобрала, что крикнула ее подруга, но бездумно присела, едва услышала ее голос. И в тот же миг что-то с грохотом упало ей на голову. Она не поняла, что это, но видела, как толстые стержни вонзились в задок кареты и, пройдя сквозь дерево, с хрустом отломали его. Пылающие золотом глаза алой твари зловеще вспыхнули в темноте. Гане показалось, что она увидела в них испуг, но в следующий миг тело чудовищного монстра, ломая крылья, врезалось во внезапно возникшую на пути преграду, которая отделила его от беглецов. Гора вздрогнула от удара. Прутья решетки промялись. Кое-где начали вываливаться со своих мест скверно закрепленные камни облицовки, но для беглецов это уже не имело значения.

Они вновь вырвались на свет, и Соня заработала хлыстом. В мгновение ока пронесшись по мосту, первая пара с отчаянным ржанием оттолкнулась от стального настила, за ней последовала вторая, а когда настал черед третьей, копыта ведущих уже коснулись камня по другую сторону ущелья. Когда в воздух взмыла сама карета, Гана от страха зажмурилась и открыла глаза только после того, как жестокий удар едва не выбросил ее на землю. Однако великолепно изготовленные рессоры смягчили удар, и карета помчалась по пыльной каменной равнине.

— Все кончилось, Соня! — вне себя от счастья, закричала Гана и кинулась к подруге.

— Еще нет! — хмуро откликнулась та и указала взглядом на высившиеся на пути «пальцы».

Дозорные на вершинах наверняка не знали, что на самом деле произошло в Янайдаре, но то, как быстро мчалась карета, и то, что стража явно пыталась убрать мост, не оставляло сомнений: перед ними беглецы. Беглецы, которых следует задержать во что бы то ни стало.

Один за другим они быстро вскидывали луки. Только ближайший к городу дозорный не успел встретить их стрелой, зато одну за другой послал три следом. Все они, правда, легли далеко в стороне, отчасти потому, что стрелками янайдарцы оказались неважными, но в немалой степени и оттого, что Соня резко направила карету влево, к северной скалистой стене долины. Одного дозорного они уже прошли, а шестеро с правой стороны дороги теперь не у дел. Она быстро подсчитала, что остается пять стражей, и тут же выругалась сквозь зубы, увидев спешивших к ней со всех сторон всадников.

Вот проклятие! Ей захотелось зарычать от злости. Откуда у них кони? Ведь она ехала в Янайдар и внимательно рассматривала все, что попадалось на пути. Она готова поклясться, что не видела никаких коней! Тем не менее их окружали, и ущелье перестало казаться неправдоподобно огромным. Видно, страх заставляет все видеть иначе.

— Гони! — наказала она подруге, вновь передавая ей вожжи. — Постарайся наехать хоть на

одного. Вряд ли это тебе удастся, но, может, они уберутся с дороги. Главное — добраться до леса!

Они беспрепятственно достигли третьего столба, когда всадники сбились в две плотные группы: семеро впереди и пятеро сзади. Гана недолго думая направила восьмерик прямо на скакавших им наперерез дозорных. Луки те забросили на спины, видимо, считая, что справятся и без них. Когда всадники поняли, что никто не собирается с ними драться, что сквозь них хотят просто проехать, двое тут же освободили дорогу и попытались достать возницу кривыми клинками, но посох охранявшей ее старухи не дал им приблизиться.

— Дави их! Не позволяй прыгнуть на коней! — крикнула шадизарка.

Соня жалела, что не может сама занять место на козлах, потому что пятеро сзади уже догоняли. Она выбросила немного золота на дорогу, но преследователи словно и не заметили этого. Только тут она сообразила, что за ними гонятся точно такие же безучастные ко всему воины, что увезли Севера. От них не откупишься, и они не отстанут, пока живы или пока их кони не падут от усталости.

В тот же миг ее бросило на дверцу. Она услышала резкий вскрик и обиженное ржание. Один из «проводящих» повалился в пыль да так и остался лежать. Теперь упряжка извивалась змеей, и карету бросало из стороны в сторону, но уже не так резко. Воительница быстро осмотрела свое оружие. Хоть люди Уру и не нашли тайника с деньгами, но оружия непрошеным гостям не ос-

тавили. У Сони теперь было всего два кинжала, пара посохов и хлыст. Мечом Севера она жертвовать не хотела, решив приберечь его на крайний случай. Не густо.

Понемногу следовавшие сзади начали нагонять их, видимо на что-то решившись. Ну-ну... Соня внешне безучастно ждала, когда они приблизятся, но, стоило тем подъехать на расстояние удара, два клинка свистнули в воздухе, и два бездыханных тела повалились в пыль. Трое из оставшихся пяти выхватили мечи и помчались еще быстрее, но одного старуха выбила из седла ударом посоха, другого выдернула, захватив кнут. Зато третьему удалось перебраться в карету. Он спрыгнул на сиденье и уже замахнулся кривым клинком, когда неожиданный удар мечом под колено заставил его отшатнуться и вывалиться за борт. Девушка с удивлением посмотрела на лежавшего на полу Севера, но тот опять потерял сознание — похоже, этот удар отнял у него все силы. И только рука его еще продолжала сжимать рукоять меча.

Теперь четверо пытались остановить карету и только двое преследовали их сзади. Положение беглецов стало намного лучше, но, хотя выход из долины уже маячил перед глазами, Соня едва не застонала, когда оставшиеся сзади взяли за луки. Один немного поотстал, прицеливаясь, хотя промазать с расстояния в два десятка шагов казалось просто немыслимым. Девушка видела, что стрела нацелена в нее. Быть может, если она сумеет угадать миг, когда воин спустит тетиву...

Черный комок упал с неба, и помет залепил правый глаз стрелка. Он бездумно дернулся влево и выпустил стрелу, но та угодила в затылок ехавшего впереди товарища. Воительница поискала взглядом Шалло и пропустила миг, когда прыгнул Вулоф. Второй лучник ударился о землю и больше не шевелился. Лишь конь его обиженно заржал, поднимаясь на ноги, и поскакал к городу.

Четверка скакавших впереди пустилась наутек, показав, что все-таки кое-какие чувства не чужды и им.

Глава седьмая

ад, что ты призналась сама,— пророкотала Тень.

— Так ты знал? — изумилась Халима. Она ждала чего угодно, только не одобрения того, что сама называла предательством.

— Это не предательство,— возразила Тень, словно колдунья высказала свое опасение вслух.— Это любовь. Любовь делает человека слабым, а душу его податливой, как воск.

— Так ты знал? Знал обо всем...— повторила колдунья.

— Да,— тихо ответила Тень.— С первого нашего разговора я знал о надломе в твоей душе. Это непросто даже для сильных, но теперь тебе предстоит решить для себя — Сила или Любовь...

— Но почему не то и другое?

— Ты не слушала меня, женщина! — повысила Тень голос.— Любовь убивает Силу! Жаждешь власти — откажись от любви, хочешь любить — забудь о величии!

— И я должна решить это прямо сейчас? — воскликнула Халима, не зная, как защититься. — А как же пророчество?!

— Да... Пророчество... — задумалась Тень. — Что ж, чутье тебя не обмануло: Север враг мне, хотя пока и сам не ведает об этом... Только поэтому я готов оставить его в покое... На время... Если... Он еще жив. — Колдунья почувствовала, как задрожали ее руки. — Но запомни, — продолжила Тень, — ты должна родить от Севера ребенка и разделаться с его подругой.

— Согласна! — обрадовалась гирканка.

— Тогда запомни еще одно. Времени у тебя не так много!

Халима почувствовала, как голова у нее закружилась, мир перевернулся и сама она начала падать, но испугаться не успела. Она вдруг вновь осознала, что сидит на толстой шкуре на полу перед пылающим камином.

Сердце ее бешено колотилось в груди, и восторга, который она сейчас испытывала, не могло заглушить даже сознание того, что ее пытаются использовать. Ее и ее будущего ребенка... Ведь он так и сказал: ты должна родить от Севера! А когда она согласилась, просто отшвырнул от себя. Колдунья почувствовала невольную злость, но тут же взяла себя в руки. Что ж, не беда! Со временем она и Тень заставит считаться с собой, а после — и отбрасывающего ее Темного Властелина. Халима усмехнулась.

Может, все даже и к лучшему? Теперь она станет общаться с Тенью чаще и требовать боль-

ше Силы, но для начала необходимо научиться скрывать свои мысли. Интересно, он на самом деле разгадал ее обман в первом разговоре или только сейчас правильно истолковал ее страх и сделал вид, что всеведущ? В любом случае ничего хорошего в этом нет.

Что ж, придется защищать мысли... Хотя бы с помощью огня!

Наверняка Тени не понравится такой поворот, ну так и что ж с того? Он не скрывает своего умения рыться в чужих мозгах, так почему она должна скрывать, что ей это совсем не нравится?

Она едва не расхохоталась, представив, как поведет себя Тень, когда она заявит к нему, надежно упрятав мысли в Огненный Кокон! Наверное, разозлится... «Ничего! — решила про себя колдунья. — Пусть злится!»

Халима вдруг почувствовала себя уверенно. До сих пор она только радовалась неожиданному щедрому подарку, за который придется расплачиваться неизвестно чем. Теперь же Темный Властелин понял, что может получить ребенка Севера, и она ему стала нужна. А значит, может требовать чего угодно.

Она думала об еще не родившемся и даже не зачатом ребенке лишь как об инструменте, с помощью которого она собиралась получить вожделенные силу, власть, могущество. Правда, Вожак не простит ей обмана. Трудно даже предположить, на что он решится, когда узнает о ребенке... Впрочем, он ведь может и не узнать. Или узнать

через долгие годы, и кто знает, что случится к тому времени.

Главное, что Север останется жив. Халима не слишком надеялась, что Темный Властелин, повернись ему случай, не воспользуется им, но верила, что пока он не будет преследовать ее любимого, а большего ей сейчас и не нужно.

Девушка оделась и, удобно расположившись в кресле, вновь задумалась о разговоре. До сих пор Темный Властелин не слишком считался с ней. Она чувствовала, что Тень видит в ней всего лишь одну из многих в этом мире, кого Властелину удалось привлечь на свою сторону. Одну из самых бесполезных... И этого она тоже не могла не замечать.

Но теперь все меняется. Теперь она знает, что может дать, и с этим не следует торопиться. Она должна воспользоваться случаем и вытянуть из Темного Властелина все, что только удастся. Теперь ей есть чем оправдать свои требования. Убрать шадизарскую девку — задача не из простых, да и Вожак обмануть нелегко. Она станет тянуть время и по капле вбирать Силу, пока не почувствует, что больше медлить нельзя, и лишь тогда исполнит обещанное.

Так рассуждала эта прекрасная женщина с холодной душой паука. Она настолько увлеклась своими замыслами, что забыла даже о чувстве, которое толкнуло ее на беседу с Тенью. Быть может, потом, позже, Халима и вспомнит о нем, но сейчас мысли колдуньи носились весьма далеко от простых человеческих радостей.

* * *

Прошло уже некоторое время с того мгновения, как Север пришел в себя, но глаз он все еще не открывал. В голове что-то гудело, мешая сосредоточиться, все тело ныло от боли. Вожак чувствовал, что пол, на котором он лежит, мерно раскачивается, и ему показалось, что он находится на палубе корабля, а шум в голове — это плеск волн за бортом. Наконец палуба перестала качаться. Неподалеку зафыркали кони — значит, он на торговом судне. Тень упала на его лицо, и он понял, что лежит на солнцепеке.

— Кажется, очухался,— скрипучим голосом сообщил кто-то у него над ухом.

— Стонет,— подтвердил другой голос.

Стонет? Разве он стонал? Наверное, здесь еще кто-то. Он открыл глаза и сразу увидел две склонившиеся над ним головы. Точнее, голов было шесть, но две волчьи, крысиную и воронью он даже не заметил, а вот не обратить внимания на уродливых старух просто не мог. Где-то он их видел, причем совсем недавно... Правда, не так близко. Попытка вспомнить хоть что-нибудь отняла у него так много сил, что он совсем уже было собрался закрыть глаза, но исполненный невероятной нежности взгляд одной из старух невольно заставил его сосредоточиться. Он помнил эти серо-стальные глаза, отливавшие сейчас голубизной. И он знал, что любил их когда-то...

— Соня...— произнес он полувопросительно, казалось, давно забытое имя, принадлежавшее кому-то в иной, не этой жизни.

— Ну наконец-то...— прошептала старуха с облегчением, а вторая — кто бы это мог быть? — неожиданно заплакала.

— Как ужасно...— тихо сказал, почти просто-нал он.

— Все уже позади,— поспешила успокоить его сероглазая карга.— Мы далеко.

— Как уж-жасно ты выглядишь...

Он попытался поднять руку и не сумел этого сделать, а вторая старуха хотела, видимо, рассмеяться, но тоже не смогла, а зарыдала едва ли не в голос и зашмыгала носом. Зато хрипло расхохоталась ворона, а крыса, упав на спину и громко пискнув, начала дрыгать лапами.

— Я ужасно выгляжу?! — возмутилась старуха.— Ты на себя посмотри!

— Гр-рубо! — мгновенно перестав смеяться, заявила Шалло, и, вторя ей, Задира возмущенно запищала.

«Зато верно»,— подумал Север. Если он выглядит так, как чувствует себя, то дело дрянь.

— Прости меня! — воскликнула Соня.— Я ведь совсем не то хотела сказать. Я просто очень испугалась! Ну улыбнись хотя бы!

Раненый попытался вздохнуть, но грудь стянуло отчаянной болью.

«Наверное, ребра переломали, гады». Он не стал открывать глаза, а гримаса, которая исказила его лицо, получилась меньше всего похожей на улыбку. Шалло хрипло захохотала, а Соня тихонько заплакала.

— Лечить... его...— наконец заговорил Вулоф.

Воительница всхлипнула в последний раз и забеспокоилась.

— Верно, верно.

Она уселась рядом и осторожно коснулась груди Севера.

— Грудь болит?

— О-о-о!

— Тут? — Руки ее опустились ниже.

— А-а-а!

— Здесь?

— О-о-о!

— А это место?

— М-м-м! — замычал он, не открывая глаз.

Соня всплеснула руками:

— Ну хоть скажи, как ты себя чувствуешь?

— Вполне прилично... Для раздавленного...

* * *

Ближе к вечеру вновь тронулись в путь. Хотя задерживаться столь близко от Янайдала казалось опасным, Соня в ответ на замечание Ганы только пожала плечами.

— Люди, что за нами охотятся, тупые мужлань. Бьюсь об заклад, они уверены, что мы станем действовать так, как на нашем месте действовали бы они сами. То есть со всех ног мчимся к Турану. А мы переждали до вечера, позаботились о Севере.— Она с любовью посмотрела на спящего Вожака.— Сняли с себя опостылевшую шкуру.— При этих словах подружки Гану передернуло от отвращения.— Теперь мы спокойно едем к морю, и никто за нами не гонится.

Так они и ехали остаток дня и весь следующий, отклоняясь все дальше на восток, чтобы вернуться в Туран тем же путем, каким попали в Иранистан. Останавливались только на ночь да позволяли себе лишь два недолгих привала днем, все остальное время двигались.

Благодаря своему чудодейственному бальзаму Вожак быстро шел на поправку, хотя на первой остановке, когда девушки раздели его, обмыли и осмотрели раны, выглядел он плачевно. Несколько сломанных ребер, поврежденное во время поединка со Злуном плечо, разбитая, словно его били о стены, голова. Все остальное, несмотря на скверный вид, — не внушающие опасения мелочи. Хотя и болезненные. Стараясь казаться уверенной, Соня так и сказала Северу, когда он ненадолго пришел в себя.

— Аг-га, — тут же съязвила Шалло. — Полведра крови да с две лапы рваных ран — обычные цар-рапины!

Вожак, однако, словно и не услышал ее слов. Выпил несколько глотков вина и снова впал в беспамятство. К сожалению, обеспечить раненому столь необходимый покой девушки не могли. Пришлось ограничиться мягким ложем, устроенным на полу кареты, да неспешной ездой. И хотя силы быстро возвращались к раненому, только на третий день он почувствовал себя человеком, хотя и ни на что еще не годным. Зато теперь он мог сидеть, да и постоянная сонливость отступила. К этому времени они успели удалиться от Янайдара настолько, что могли забыть о преследователях.

Тем не менее Шалло то и дело проверяла окрестности, да и Вулоф с Вилвой не ограничивались охотой.

* * *

Соня открыла глаза и сладко потянулась. В очаге уютно трещали дрова, распространяя по комнате блаженное тепло и запах горячей смолы, за окном завывала метель — частая гостья в Бритунии, но в этот год снега намело столько, сколько, по словам стариков, не видели уже лет сто, если не больше. Поздняя, но необычайно короткая осень стремительно перешла в затянувшуюся зиму. И хотя дни уже становились длиннее, мороз все крепчал, словно зима лишь набирала силу.

Уже седмицу они жили в хижине Ферана, неподалеку от Логова. Раны Севера зажили, и только плечо еще время от времени тревожило его, да и то несильно. Во всяком случае, Хэлдир заверил своего молодого друга, что через седмицу-другую все пройдет.

Девушка вспомнила Шадизар, где они останавливались на несколько дней, и зябко поежилась. Нет уж. Лучше сугробы до крыши, чем непрерывный колючий холодный ветер.

Ветер...

Хэлдир сказал, что скоро метель утихнет. Как только это произойдет, они вернутся в Логово. Быть может, сегодня — последний день, проведенный вне его стен. Ей припомнилось бегство из Янайдара, когда отчаяние боролось с надеждой, а

жажда жизни — с готовностью в любое мгновение умереть. словно почувствовав, о чем думает его подруга, Север обнял девушку и привлек к себе. Как всегда, немного посопротивлявшись, красавица прильнула к его плечу. За стеной полилась вода, и Соня усмехнулась: Гана теперь умывалась так часто, словно задалась целью смыть с себя кожу. Ей все кажется, что отвратительная жабыя шкура до сих пор сидит на ней.

Север неожиданно заговорил:

— Помнишь, как ты расстраивалась в замке йезмитов, что не сумела вовремя помочь? Зато теперь ты спасла меня!

— Ты того стоишь,— призналась девушка, бросив на него лукавый взгляд.

— Правда?

— Честное слово! — ухмыльнулась она.

Север, смеясь, прижал ее к себе и тут же отпустил.

— Какая ты колючая... Как ежик!

Он с любовью посмотрел на подругу. Ее волосы уже начали отрастать, топорщась золотисторыжими колючками, которые к лету должны были превратиться в недлинные кудри.

— Не нравлюсь?

— Ты не можешь не нравиться,— улыбнулся Север.— Вот увидишь, вернемся в Логово, они там все от зависти полопаются.

— Сначала они поточат языки! — со смехом отозвалась Соня.

— А потом все захотят подстричься,— продолжил Вожак.

— Ну...— Девушка осторожно потрогала колючую голову.— Может, и не все.

— Может быть,— согласился Вожак и поцеловал ее в щеку.

Некоторое время оба молчали.

— А все-таки молодцы мы с тобой, а? — весело посмотрела на него Соня.

— Молодцы,— кивнул Север.

— Тайно пробрались в поганое гнездовье йезмитов и выкрали-таки документы!

— Раскрыли страшную тайну Уру,— рассмеявшись, подхватил Север,— и крылья ему переломали!

— Стремительные!

— Несокрушимые!

— Бесстрашные!

— Неотразимые! — продолжали они нахвалять друг друга.

— Их-хи-хи-ха-ха-ха! — донеслось из-за двери.

— Кто это там смеет смеяться?! — грозно насупилась Соня.

— Э-то мы! — отозвались Шалло и Гана, а Задира запищала, поддерживая их.

— Подождите немного! — крикнула девушка, вскакивая.

Она быстро оделась, с удивлением обнаружив, что Вожак уже успел привести себя в порядок.

— Заходите! — крикнула она, и в комнату ввалилась целая толпа, включая Хэлдира с Фераном и Вулофа с Вилвой.

— Метель стихает,— первым делом заметил старец.— Думаю, к вечеру утихнет совсем.

— Значит, утром отправляемся,— присаживаясь к столу, отозвался Вожак.— Ты успел перерисовать карты?

— Да,— кивнул старец,— но план святилища, полагаю, лучше не отдавать.

— Тебе виднее. Ты же у нас маг,— пожал плечами Север, словно это никак не касалось его.

— Что ты скажешь Разаре?

— А ничего не скажу. В конце концов, мы ведь добыли ларец и, хотя при этом едва не погибли, сберегли его и привезли. Вряд ли кто-то заподозрит нас в том, что мы доставили не все бумаги... Но ты уверен, что этот лист нельзя отдавать?

— Если подземелья Пифона сохранились,— начал Хэлдир,— и то, что мы ищем, находится в них, то, скорее всего, именно в святилище. Излишне говорить, что никто, кроме тебя, не должен попасть туда.

— Тогда и вопросов нет.

Феран молчал, молчали и волки. Только их желтые глазищи смотрели то на одного говорившего, то на другого, но, о чем думали умные звери, люди не знали. Даже вездесущие Шалло с Задирой затихли, хотя и ловили с жадностью каждое слово. Зато Хэлдир вздохнул с явным облегчением: он как будто опасался, что Север откажется утаить от колдуний Ордена один из листов, и только теперь почувствовал себя спокойнее.

— Вы не поверите, дети мои, как я рад, что все уже позади,— сказал старец с такой нежностью, что у Ганы невольно перехватило дыхание: никто

и никогда не смотрел на нее так, как сейчас смотрит этот незнакомый старик. Даже люди, которых она долгое время считала своими родителями.

— А ты сомневался? — пожал плечами Север.— Справедливость восторжествовала. Вот и все.

— Только дитя ждет от жизни справедливости,— нахмурился Хэлдир, и Соня подумала, что они, похоже, уже не впервые спорят по этому поводу.

— Справедливость? — подхватила она и показала головой.— Сомневаюсь, что она есть.

— Она есть,— убежденно кивнул Вожак.— Просто ее всегда не хватает.

— Вот и получается, что для большинства ее нет,— заключил старец, в то время как Феран только посмеивался в бороду: слишком часто в его хижине звучали такие разговоры.

— Мир несовершенен,— примирительно отозвался Вожак.

— Бесполезная идея,— нахмурилась Соня.— Мурзио она никак не помогла.

— Ничего бесполезного не бывает,— возразил Север.— Да, жрец расстался с жизнью, но он упорно шел к смерти все последние годы, и если Митра, в которого он так свято верил, на самом деле существует, то не он ли позволил слуге своему принять смерть как подобает мужчине — на поле брани, защищая ближнего?

— Лучше бы твой Митра явил справедливость, расправившись с другим своим слугой — отцом Пайром,— огрызнулась девушка.

— Митра не мой,— пожал плечами Север.— А если ты так ничего и не поняла, то мне жаль — я зря старался!

— О чем это ты? — хмуро поинтересовалась она.

— Неужели ты так-таки ни разу и не задумалась? Ведь не в том дело, в каких богов верит человек, а в том, каков он сам!

Соня вновь нахмурилась. Ее уже не раздражало, что почти в любом споре с возлюбленным последнее слово остается за ним. Но она вдруг поймала себя на ужасной мысли, и впрямь до сих пор не приходившей ей в голову: уж не выручил ли дальновидный Вожак незнакомого митрианца с единственной целью — объяснить ей ту самую простую истину? И если так, то непонятно, существуют боги, во что верят хайборийцы, или нет, как утверждает Север. Зато ясно одно — Рок, Судьба, несомненно, правят миром. И случившееся с зингарцем подтверждает это. Счастливо, казалось бы, избежав смерти, он все равно повстречался с ней.

— Перестаньте спорить, друзья.— Хэлдир примирительно поднял руку.— Я тут кое-что разузнал о жреце Пайре.— Соня и Север тотчас обернулись к нему, и даже Гана, слыхом о святом отце не слыхивавшая, насторожилась.— Поклонники Митры разрознены. Большинство не сомневается, что бог защитит тех, кто верит в него, а стало быть, надо постоянно укреплять свою веру. Но есть и другие, и Пайр один из них. Они обладают немалыми средствами и зовут себя воинами Сол-

нца. Обычная их тактика — пока дерутся другие, мы подождем в стороне. Нет смысла осуждать их. Жизнь все расставит по местам.

— Так все-таки ты веришь в справедливость? — усмехнулся Север.

— В высшую справедливость,— улыбнувшись, ответил Хэлдир.

* * *

Предводитель поднял руку, и отряд из десяти всадников остановился на границе леса. По ночному небу плыли свинцовые тучи, и луна только изредка показывалась в просвете рваных грязных клочьев. Мелкий дождь уныло моросил, но сил у него не хватало даже на то, чтобы залить факелы.

— Погасите огонь,— негромко распорядился Тирал и кивнул в сторону темневших впереди скал.— Вернется Вестница, и тронемся в путь. Похоже, мы у цели, и я не хочу, чтобы в последний миг все сорвалось.

Он бросил свой почти прогоревший факел в ближайшую лужу, и, обиженно зашипев, тот погас. Остальные воины последовали примеру предводителя и принялись ждать.

Зима наконец-то пробралась в Иранистан, но заявила о себе не метелями и обильными снегопадами, как на севере, а непрерывными дождями, надоедавшими гораздо сильнее. «Хорошо хоть ветра нет»,— подумалось Тиралу, и он зябко поежился. Небо над головой внезапно вспорол изломанный меч молнии, и свет ее выхватил силуэт одинокой птицы, мерно взмахивавшей крыльями.

— Летит,— с явным облегчением заметил кто-то за спиной, и Тирал выехал на открытое место.

Ворона плавно опустилась на поднятую руку всадника и, встряхнувшись, уставилась одним глазом на человека.

— Нашла? — коротко спросил предводитель. Птица кивнула и нахохлилась.— Тогда веди нас.

Наверное, такого приказа она и ожидала, хотя ей и не хотелось подниматься в дождливое ночное небо и лететь в темноте. Однако она молча расправила крылья и полетела вперед. Всадник махнул рукой, и отряд двинулся следом. Они постарались побыстрее преодолеть пустое пространство, чтобы новая внезапная вспышка молнии не выдала их безвестным наблюдателям, но все обошлось.

Скоро они углубились в скалы, и здесь стало совсем темно. Тирал едва мог разглядеть стены, мимо которых проезжал, а пару раз только чутье коня, который в отличие от всадника, похоже, видел проводницу, помогало ему сворачивать в нужную сторону. Конь наконец остановился, и Вестница уселась Тиралу на плечо, обдав шею холодными брызгами.

Вамматар прыгнул на землю и коротко спросил:

— Где?

Ворона снова взлетела, но почти сразу резко опустилась на землю подле одной из скал. Всадники спешили. Не только Тирала, но и его людей охватило невольное возбуждение: как никак они проехали полмира и теперь наконец-то приблизились вплотную к цели. Даже не вери-

лось, что под этой кучей камней скрыто сокровище, цену которого не в силах назвать никто из живущих. Впрочем, Логову оно уже стоило жизни Вожака и его Телохранителя...

Вамматар присел на корточки и начал раскидывать камни, думая о том, что ни одно сокровище в мире не стоит жизни такого человека, как Север... И тем не менее ему не терпелось увидеть его, поддержать в руках, чтобы попытаться понять, за что же погибли такие люди. Кто-то за спиной зажег новый факел, и он подумал, что это правильно. Теперь, когда со всех сторон их обступили скалы, огонь уже не выдаст. Воин почувствовал, как сердце его учащенно забилось.

Он торопливо отбросил в сторону угловатый плоский осколок.

Во впадине между камней не было *ничего*...

* * *

После длившейся целую седмицу метели утро выдалось ясным, хотя и морозным. Наступили самые холодные дни — излом зимы, как называли его в Пограничном Королевстве, да и не только в нем. День уже заметно удлинился. Скоро станет теплее. Сперва понемногу, совсем незаметно, затем все более стремительно, хотя до настоящей весны еще довольно далеко.

Обитатели Логова торжественно выстроились на плацу, тщательно выметенному для такого случая. Прибылые, которых стало значительно больше, чем летом, замерли у западного края, воины внутренней и внешней стражи — с юга и с

севера. Низко повисшее над горами солнце ослепительно сверкало, отражаясь в доспехах воинов и расцветивая разноцветными искрами хрустевший под ногами снег.

Перед разорванным кольцом воинов замерли жрицы. Одиннадцать женщин в черных с золотой оторочкой плащах с надетыми на головы капюшонами, а перед их строем застыла сама Белая Волчица, в белом с серебряной отделкой плаще такого же покроя. Исполинский, поддерживаемый двумя хранителями, Большой Рог грозно взревел, возвещая о начале церемонии, и тихий говор, висевший над шеренгами воинов, стих. Только пар от дыхания поднимался теперь над неподвижными рядами. Дюжина Малых Рогов откликнулась, и протяжный зов их разнесся далеко по заснеженной равнине.

И каждому из присутствующих невольно подумалось, сколь разительно отличается нынешний сбор от того, летнего. И дело вовсе не в том, что тогда нещадно палило солнце, а сейчас столь же нещадно щипал мороз. Не хватало и душевного тепла. словно с уходом из Логова всего двух человек — немногословного Вожака и его взбалмошного Телохранителя — все они лишились чего-то невосполнимого.

Владычица медленно вышла вперед и торжественно и печально воздела руки, призывая к вниманию.

— Вот и минуло полгода с нашей последней встречи, — заговорила она негромко, но каждый услышал ее слова. — Нынешним летом, несмотря

на то что враги доставили нам серьезные хлопоты, мы радовались тому, что стали сильнее. Наш мир вырос, он словно распростер нам объятия, и мы без страха ринулись вперед, не задумываясь о том, что плохо подготовлены к этому. — Она замолчала. Некоторое время гнетущая тишина висела над плацем, и никто не осмеливался нарушить ее. — И вот лучших из нас не стало, — молвила наконец Разара, и все почувствовали, как искренне скорбит владычица. — Их не стало, Вожака и его Телохранителя, и я не знаю, появится ли в ближайшие годы кто-то, кто сумеет заменить хотя бы одного из них. Так помянем же их как полагается, и пусть каждый из нас вознесет мысленно мольбу Великой Волчице, чтобы самые почетные места в своих чертогах она оставила для этих двоих. Для Севера и для Сони!

Вновь подал голос Большой Рог, и, как и прежде, ответила ему дюжина Малых Рогов, и скорбный их вой разнесся в горах, словно вызывая с Серых Равнин безвременно сошедших туда людей. Трубный хор пронесся по долине, отразился от западных гор и вернулся обратно, ослабленным, но живым, чтобы повстречаться с нараставшим топотом копыт.

— Едут! Едут! — заорал кто-то с другой стороны ворот.

Воины на плацу начали озиаться, пытаются понять, что происходит.

Не только жрицы, но и Разара опешила. Она знала, что никто не осмелился бы вмешаться, пока не закончилась церемония, но, раз это произошло, случилось нечто такое... Но что? Однако

Халима, которая единственная из всех догадывалась об истинной причине переполоха, не подавала вида.

Первыми в ворота ворвались Вулоф с Вилвой, и волчья стая приветственно взвыла, окончательно заглушив рев Рогов, и тут же следом за ними на плац влетели кони с тремя всадниками. Белая Волчица невольно шагнула навстречу, и, когда узнала в осадившем скакуна всаднике Севера, по морщинистой щеке ее скатилась слеза, которую она даже не пыталась скрыть. Рядом с Вожаком остановились две всадницы. Одна из них — Соня, а вторая, как сразу подсказал владычице острый ум, должна зваться Ганой.

На миг на плацу воцарилась тишина, подобная затишью перед бурей. Соня сорвала с себя меховой плащ и приветственно замахала им. Подруга повторила ее жест. И тут словно прорвало плотину человеческого терпения: воины восторженно взревели, как незадолго перед тем волки, приветствуя счастливое возвращение в стаю человеческую ее Вожака!

Аквилония

Историческое развитие

Король **Конан Аквилонский**, являлся, безусловно, одной из наиболее значительных фигур в истории империи, сравнимой разве что с основателем А., легендарным **Эпимитриусом**. Ослабевшее во внутренних распрях, окруженное явными и тайными врагами государство ему удалось превратить в мощную, монолитную державу с сильной армией и процветающей экономикой, в державу, славную искусствами и ремеслами, пример для подражания всем странам Хайборийского мира.

Возвышение А., однако, было воспринято крайне недоброжелательно ее соперниками, и потому редкий год правления короля **Конана** обходился без приграничных стычек на рубежах империи и раскрытия заговоров, вдохновляемых самодержцами сопредельных государств (в чем особенно преуспел правитель *Кофа*). Когда правитель передал власть своему сыну **Конну Первому**, А. пришлось выдержать одну из самых кровопролитных войн в своей истории

против объединенных сил практически всех хайборийских держав, от *Немедии* до *Стигии* (см. *Пол Уинлоу «Карусель богов»*).

Одержав победу в этой войне, король **Конн** надолго обеспечил державе мир с соседями, однако внутренние распри получили новый толчок благодаря начавшейся вскоре т. н. «войне огня и магии». Вдохновленное жрецами-митрианцами, ярым последователем которых являлся молодой правитель, и его ближайшим советником, верховным настоятелем храма Митры Тысячеликого **Эридием**, в стране началось истребление чернокнижников. Преследовавшее самые благие цели, оно, однако, отличалось крайней жестокостью, и под видом колдунов в эти «огненные годы» пострадали многие невинные лекари, знахари и жрецы иных культов.

«Война огня и магии» послужила поводом для междоусобиц, терзавших А. еще долгие десятилетия после смерти короля **Конна**, при его наследниках **Конне Втором**, **Рутхерте Первом** и **Лазрне Первом**. Истинной причиной гражданских войн послужило растущее недовольство удельных правителей, противящихся укреплению централизованной власти аквилонских самодержцев, постепенно лишавших своих вассалов былых вольностей и привилегий. Одним из наиболее значительных выступлений того времени был т. н. «Шамарский мятеж», начавшийся под предводительством графа **Хивера**, называвшего себя потомком принца **Валерия**, последнего законного наследника прежней династии.

Мятеж был подавлен, однако самому **Хиверу** удалось скрыться и с помощью тайных сторонников при дворе организовать заговор в столице королевства, в ходе которого был злодейски умерщвлен король **Лазрн** с супругой. Наследник престола, малолетний принц **Конахт**, исчез и был скорее всего убит заговорщиками, однако легенда о том, что ему удалось уцелеть и продолжить род знаменитого **Конана**, долго

жила среди аквилонцев, не терявших надежду на возвращение киммерийской династии. Надежде этой, однако, не суждено было осуществиться. Новые правители, наследники **Хивера**, надолго утвердились на троне.

Лишь спустя сто тридцать лет в А. вновь произошла смена правящей династии. Последний из потомков **Хивера**, не оставив наследников, скончался в результате первой разразившейся в А. эпидемии «желтой смерти», завезенной в Хайборию мореплавателями из *Антилии*. Эпидемия, от которой не существовало лекарства, еще трижды в течение ста лет прошла по всем западным странам, беспощадно выкашивая население, причем смертность в иные времена составляла до 60 %, особенно среди скученно живущих горожан.

Вторая волна «желтой смерти» привела к серии кровопролитных религиозных войн, на долгое время сделавшихся бичом всего западного мира и в особенности А. Их причиной стал раскол в среде митрианских жрецов, разделившихся на две ветви: фанатичных сторонников Митры Карающего и более мягкого течения поклонников Митры Всепрощающего, впитавшего многие догмы асуритов и приверженцев иных восточных культов. Религиозные войны закончились убедительной победой фанатиков, возведших на престол своего верховного жреца **Аремидиуса**. На три десятилетия в А. воцарилась теократическая диктатура, свергнутая в результате т. н. «мятежа баронов», после чего престол занял бывший барон **Тавии**, **Некриус**.

Период правления **Некриуса** и его наследников характеризовался ослаблением централизованной власти и усилением центробежных тенденций, в результате чего практически обрели независимость такие провинции, как *Луантен*, *Шамар* и *Гандерланд*. Вновь объединены они были лишь после прихода к власти правнука **Некриуса** — короля **Эвилида**, начавшего этап кровопролитных захватнических войн.

На протяжении следующих ста лет *Зингара*, *Аргос* и *Офир*, а с ними и западные города *Шема* были открыто аннексированы. *Коф* вкуче с *Коринфией* и племенами восточного *Шема* был принужден платить А. дань и оказывать ей военную помощь. В то время с новой силой вспыхнула старая вражда между А. и *Гипербореей*: последняя двинула свои войска на встречу армиям западного соседа-соперника. Равнины *Пограничного Королевства* стали ареной великой и яростной битвы, в которой войска северян были наголову разгромлены и отступили назад в свои заснеженные твердыни. Победоносные аквилонцы их не преследовали.

Между тем *Немедия*, столетиями успешно противостоявшая западному королевству, вовлекла *Бритунию*, *Замору* и — втайне — *Коф* в союз, поставивший своей целью сокрушить разрастающуюся империю. Но прежде чем их армии успели встретиться на поле брани, на востоке объявился новый враг: это гирканцы, пробуя силу, предприняли первый серьезный натиск на западный мир. Однако на равнинах *Бритунии* их встретили аквилонцы и, разбив в пух и прах, отшвырнули назад на восток. При этом был сломан хребет только что образовавшегося союза: в последующих войнах *Немедия* держала оборону. От случая к случаю ей помогали *Бритуния*, *Гиперборея* и — как всегда тайно — *Коф*.

А. всегда была богатой страной; завоевания сделали ее богатства неисчислимыми. Там, где прежде господствовал простой и суровый быт, воспитывавший выносливых и закаленных людей, воцарилась пышная роскошь.

Всё с большим презрением взирали аквилонцы на слабейшие народы, облагая покоренных непомерной данью. С *Аргосом*, *Зингарой*, *Офиром*, *Заморой* и шемитскими странами общались, как с поработченными провинциями. Особенно это возмущало гордых зингарцев, и они то и дело восставали, несмотря на то что восстания подавлялись — и подавлялись жестоко.

Новые завоевания А. большей частью были направлены в сторону *Стикса*: в кровавом бою была уничтожена армия *Стигии*, а стигийский правитель принужден — хотя бы одновременно — откупиться, чтобы спасти свою страну от нашествия.

Бритуния была ослаблена в ходе нескольких стремительных войн, следовавших одна за другой. Началась подготовка к тому, чтобы наконец-то поработить старинного врага — *Немедию*.

Однако свара между аквилонцами и их союзниками боссонцами помешала этим планам. Накануне решающей битвы боссонцы отвели свои войска с поля боя для защиты собственных рубежей от пиктов. Завоевание *Немеди* не состоялось. А. жестоким образом покарала бывших союзников, но это стало ее роковой ошибкой: ослабленная *Боссония* не смогла больше сдерживать натиск пиктских полчищ, давно точивших зубы на богатейшие державы Запада.

С это времени началось стремительное шествие орд дикарей на Восток, приведшее спустя несколько десятилетий к почти полной гибели цивилизованного мира.

При жизни *Рыжей Сони* положение А. стремительно менялось к худшему. Воительница еще застала период расцвета королевства при короле *Тармениде*, но вскоре могущество А. начало стремительно таять под натиском пиктских полчищ. Начав с завоевания *Боссонии*, они постепенно захватили всю страну, предавая ее огню и мечу. При сыне *Тарменида*, короле *Эверарде*, спустя пятнадцать лет с начала нашествия, пала *Тарантия*, столица державы, и А. практически прекратила свое существование как самостоятельное государство. Лишь на севере *Гандерланд* еще держит оборону, там укрылся и сам *Эверард*. Непокоренной остается и южная провинция *Пуантен*, всегда славившаяся отличными воинами. Однако падение этих последних оплотов аквилонской цивилизации станет лишь делом времени, если только не случится чудо.

Противники и союзники

В период расцвета у А. не было равноправных союзников в полном смысле слова, поскольку большинство соседних держав либо превратились в покоренные провинции А., либо в ее данников. Там то и дело вспыхивали мятежи, поэтому неудивительно, что все эти страны поспешили отколоться, бросив бывшего сюзерена на произвол судьбы при первых же признаках пиктской угрозы. Это сослужило дурную службу не только А., но и им самим, поскольку разобщенность хайборийских держав помогла пиктам завоевать их одну за другой, тогда как, выступи они единым фронтом против общего врага, им, несомненно, удалось бы сдержать пиктские полчища.

География

Исконные территории А. ограничивает на западе р. *Громовая*. На севере, королевство доходит до лесистых холмов *Киммерии*. На востоке А. граничит с *Немедией*. На юге р. *Тайбор* и р. *Алимана* отмечают границу с *Офиром* и *Зингарой*.

Столицей А. является *Тарантия*, один из самых больших и прекрасных городов Хайбории. Королевский дворец Лурд, возведенный на берегу р. *Хорот*, по праву считается одним из украшений столицы. Другая достопримечательность — древний храм Митры Тысячеликого, имеющий в плане крест солнцеворота.

Основными административными единицами А. являются провинции: *Боссония*, *Тауран*, *Пуантен*, *Шамар*, *Гандерланд*, *Турингия* и *Западная Марка*, каждая из которых управляется королевским наместником. На территории про-

винций расположены баронства и графства — исконные вотчины аквилонской знати.

Флора и фауна

А. — сельскохозяйственная держава, имеющая тысячелетний опыт земледелия. В А. выращивают пшеницу, ячмень, овощные культуры. Наиболее благоприятные районы для сельского хозяйства находятся на юге, особенно в *Пуантене*, где плодородные почвы и мягкий климат позволяют выращивать практически любые злаки, фрукты и виноград, из которого производятся знаменитые на весь хайборийский мир пуантенские вина.

В центральной части А., благодаря экстенсивному развитию земледелия, были практически сведены на нет вековые леса. Большая часть уцелевших лесных массивов принадлежат Короне и считаются заповедными охотничьими угодьями королей А. Непроходимые чащобы, которыми славилась А. в прошлом, сохранились лишь на севере страны и на западе, в *Боссонии*. Там по-прежнему встречаются дикие звери: волки, рыси, кабаны и медведи, практически исчезнувшие в других областях А.

Реки А. богаты промысловой рыбой; в заповедных королевских лесах в изобилии водятся олени.

Экономика

Экономика А. базируется, в основном, на сельском хозяйстве. Залежи полезных ископаемых, металлов и дра-

гоценных камней незначительны, их запасы, активно разрабатывавшиеся долгие столетия, практически исчерпаны. Основным источником дохода королевской казны являются налоги от торговли и ремесел.

В А. хорошо развито кузнечное дело, в особенности производство оружия и доспехов, славящихся по всей Хайбории, ювелирное дело, изготовление предметов роскоши.

Благодаря непрекращающимся победоносным войнам у А. не было нужды развивать собственное производство, полагаясь в основном на дань с покоренных народов и на захваченную добычу, что, в итоге, не могло не сказаться пагубным образом на состоянии экономики, как только существовавшие прежде связи оказались разорваны из-за войны с пиктами.

Гильдии, объединяющие ремесленников в городах, строго следят за соблюдением своих привилегий. Защищая своих членов и оказывая им поддержку, они одновременно являются статичными структурами, тормозом на пути развития новых технологий, и во многом ответственны за застой, царящий в производственной области на протяжении многих столетий.

Сельское хозяйство А. — общинного типа, где вся община целиком является держателем земли феодала-владельца. Община несет ответ за каждого своего члена, совет старейшин распределяет надель, повинности, следит за взиманием налогов. Все сборы идут в казну местного правителя, который уже в свою очередь вносит налоги в казну государства.

Экономика

На территории А., равно как и в покоренных ею странах, имеют хождение монеты аквилонской чеканки: золотые, именующиеся также «коронами»; полукороны, представля-

ющие собой круглую золотую монету, разрубленную пополам; и медные. Серебряные монеты крайне редки ввиду истощения запасов этого металла в существовавших рудниках. Ввиду большого количества подделок (добавления более дешевых металлов, обпиливания монет и пр.) существует множество способов проверки истинной стоимости денег, чем обычно занимаются менялы. Несмотря ни на что, аквилонские короны считаются одной из самых надежных и уважаемых валют хайборийского мира.

Во времена **Рыжей Сони** в Хайбории начала развиваться примитивная банковская система, действовавшая, в основном, на территории А. и государств-сателлитов. Банкирами служили богатые купеческие дома, и путешественник, отправляясь в дорогу, мог отдать на хранение им определенную сумму под расписку, предъявив которую, имел затем право на получение той же суммы в любом другом месте, где этот дом имел своих представителей.

Государственное устройство

Теоретически, король А. управляет страной единолично, а графы и бароны проводят его волеизъявление на местах. Так, например, каждый нобиль содержит собственные боевые отряды, которые он обязан передать монарху в случае войны. Правосудие между дворянами также вершит сюзерен.

На практике все обстоит гораздо сложнее. Размеры А. не позволяют королю вникать во все проблемы и напрямую контролировать нобилей на местах. Поэтому зачастую местные владыки игнорируют приказы из **Тарантии** и продолжают это делать до тех пор, пока король не вышлет войска для усмирения. Вражда между феодалами и государственной влас-

тью развивается быстро, и военные действия иногда длятся целые поколения.

Отдаленные области А., видимо за счет своего месторасположения, постоянно провозглашают независимость и рассматривают себя как самостоятельные государства, не подчиняющиеся *Тирантии*. Так, стоит взойти на государственный трон достаточно мягкому сюзерену, как в *Пуантене*, *Гандерланде* и *Боссонии* сразу же усиливаются центробежные тенденции, которые нарастают до тех пор, пока к власти не приходит более жестокий владыка и не наводит порядок на окраинах государства.

Право

В А. правосудие на местах вершат нобили. В каждой провинции действуют свои законы, но чаще всего решение суда зависит от личного мнения феодала, а не от правовых норм. В качестве свидетельств обвинения принимается все: донос, показания, полученные под пыткой, а также прочая информация, которую ни при каких обстоятельствах нельзя считать достоверной. Описаны случаи, когда подсудимый давал крупную взятку нобиллю, чтобы он решил тяжбу в его пользу.

Широкое распространение в сельской местности получила т. н. «система свидетелей», когда при тяжбе истец и ответчик обязаны выставить некоторое количество поручителей, утверждающих, что правда на стороне их подзащитного. Причем в этом случае решающим фактором является социальное положение свидетелей и их вес в обществе, а отнюдь не формальное соблюдение законов и поиски виновного.

В среде аристократии спорные вопросы зачастую решаются путем поединка, а не обращения к сюзерену.

Распространен также т. н. «суд Митры», когда подозреваемого под наблюдением жрецов подвергают ряду испытаний с целью установления вины или невинности божественным промыслом.

Общественное устройство

Аквилонцы — типичная хайборийская культура, находящаяся под сильным влиянием митрианского фундаментализма. Во главе А. стоит король, при нем действует Совет, куда входят виднейшие представители знати. Отношения среди знати строятся на основе строгого вассалитета.

На низших ступенях общественной лестницы стоят рабы, чуть большими правами пользуются крестьяне и ремесленники. Торговцы представляют средний класс. Юридически, они обладают куда меньшим влиянием, чем знать, но неизменно борются за то, чтобы принимать как можно более деятельное участие в управлении государством.

Вооруженные силы

А. обладает одной из лучших армий в хайборийском мире. В ней есть все типы регулярных войск, включая конницу. А. армия славится хорошей подготовкой — многие воины имеют значительный ратный опыт, приобретенный в многочисленных завоевательных войнах. Однако постоянно растущая тенденция использовать в сражениях наемные армии приводит к определенным проблемам, первейшая из которых — обеспечение их верности трону.

Религия

Митрианство является официальной религией А. За свою многовековую историю это вероисповедание подверглось множеству трансформаций, в разные времена в ней преобладали различные направления. Так, со времен короля Хагена, когда были созданы первые жреческие, т. н. «огненосные», суды, митрианство проявляло особую нетерпимость ко всем видам магии и чернокнижия. Гонения на колдунов значительно ослабили при Нумедидесе, когда некромантия расцвела в А. пышным цветом, но вновь усилились при короле Конане, отличавшемся ненавистью к колдунам различного толка, и в особенности при его сыне Конне Первом. В этот период гонения осуществлялись не только на чародеев, но также на приверженцев иных культов, отличных от митрианства.

Однако, если в искоренении магов жрецы преуспели настолько, что во времена Рыжей Сони их практически не осталось в А., и даже упоминание о колдовстве было под запретом, то привести страну к единобожию митрианцам все же не удалось.

Завоевательные войны привели к повышенному интересу к религиям других народов, особенно к экзотическим восточным верованиям. Это послужило причиной раскола в среде самого митрианства: одна часть жречества относилась к новым культам крайне нетерпимо, приравнивая их к преследуемым колдунам, другая же стремилась интегрировать все эти верования в единую религию. Первоначально возобладали фанатики, и их господство на недолгое время даже привело к превращению А. в теократию, однако затем маятник закономерно качнулся в другую сторону.

Долгий период раскольниковских войн привел к практическому распаду митрианства на множество сект, каждая из которых провозглашала свою единственную правоту и непримиримо относилась ко всем прочим.

Последователи Митры Карающего по-прежнему имели большой вес в воинской среде, однако в сельских областях А. влиянием пользовались куда более мягкие разновидности культа. Что касается аристократии, то там получили распространение всевозможные экзотические религии, в том числе и запретные, такие как поклонение Зверобогам.

Культурные традиции

Аквилонцы изначально славилась простыми нравами и не были склонны чрезмерно преувеличивать собственные притязания и усложнять жизнь громоздкими правилами этикета. Возможно, это объяснялось высоким уровнем прагматизма, но, тем не менее, способствовало развитию определенной демократии. Так, даже низкородивший крестьянин во времена короля Конана имел право требовать правосудия у самого короля.

Впоследствии жизнь аквилонцев значительно усложнилась, появилась склонность к чрезмерной роскоши и сибаритству. Аквилонцы сами больше не воевали, предпочитая отправлять в бой наемные армии, и былая простота нравов перестала быть в чести. В моду вошла манерная утонченность и жеманство, особенно в среде придворных, создавших настоящий культ жизни, максимально оторванной от грубой реальности. Пропать, разделявшая аристократию и простой народ многократно углубилась, однако уровень общего благосостояния в А. был достаточно высок, чтобы позволить даже среднему сословию с успехом тянуться за властью имущими в погоне за роскошью — и во многом даже превосходить их. Все это привело к чрезмерному усложнению этикета, появлению множества правил и запретов, регламентирующих повседневную жизнь. О былой простоте нравов теперь напоминали лишь легенды.

Одежда

Одежда различных сословий аквилонского общества очень разнится между собой. Так, крестьянское одеяние почти не претерпело изменений за последние века и представляет собой чаще всего простую полотняную блузу-камиссу, которую носят подпоясанной либо с короткими штанами, либо даже просто с набедренной повязкой. Обычной обувью крестьянина являются деревянные сандалии-шабо с кожаным верхом.

Напротив, одежда аристократов отличается изысканностью и подвержена самым радикальным переменам. Единственной постоянной чертой остается стремление как можно более пышно украсить костюм золотым шитьем, самоцветами и пр. В описываемый период у аквилонской знати в моду вошли свободные, чрезвычайно открытые одеяния, отвечавшие сибаритским настроениям в обществе, открыто предававшимся распутству. К тому же легкие одежды подчеркивают праздность их обладателей, которые могут себе позволить носить их даже в прохладном климате, поскольку у них нет нужды выходить из дома, чтобы зарабатывать на хлеб насущный.

Типичная женская одежда состоит из длинного платья без рукавов, с глубоким вырезом, обнажавшим спину и грудь; мужская — из узких чулков-шосссов и шелковой камиссы, поверх которой носят короткую котту (куртку), либо жилет. Обычной верхней одеждой служит плащ, либо накидка.

Состоятельные купцы и горожане стараются во всем подражать знати, однако для них существует множество ограничений на использование дорогих тканей, на количество золота и украшений и даже на цвет одежды (так, они не имеют права носить синий, зеленый и алый); впрочем, на практике эти запреты редко соблюдаются.

Способы передвижения

Основным способом передвижения аквилонской знати в пределах города служат носилки, которые могут нести от четырех до восьми рабов. Летние паланкины обычно делаются легкими, с шелковыми либо бархатными занавесками; зимние представляют собой закрытые «ящики» из дорогих пород дерева, украшенные позолотой. На дальние расстояния знать путешествует в т. н. «дормезах» (род большой спальной кареты), в крытых возках, либо верхом. Купцам пользоваться дормезами запрещено королевским указом; крестьяне же вообще не имеют права ездить на лошадях и запрягают в повозку волов.

Язык

Аквилонский язык относится к хайборийской семье языков. На западе имеются примеси зингарского, на северо-востоке — немедийского и офирского. Восточный аквилонец может свободно общаться в этих странах. Южане свободно говорят на зингарском и аргосском. Лишь западные земли ограничены в языковом влиянии.

В высших кругах аквилонского общества, как и в некоторых других странах, распространение получил т. н. «лэйо», язык, искусственно созданный на основе древнехайборийского наречия с примесями современных аквилонских, немедийских и аргосских слов. Лэйо является языком дипломатов, придворных, мудрецов и митрианского жречества, хотя даже в среде знати им далеко не все владеют в совершенстве. Со времен аквилонского короля Хагена знание лэйо считалось необходимым для образованных людей; это требование

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

отошло в прошлое при правлении короля **Конана** и **Конна Первого**, но уже при **Конне Втором** лэйо вновь обрел статус официального придворного языка и дожил почти без изменений до времен **Рыжей Сони**.

Имена и названия

Большинство аквилонских имен изначально напоминали романские, однако под влиянием культурных связей с *Немедией* в моду вошли имена северного и восточного толка: *Эридий*, *Хивер*, *Эверард*, *Тарменид*. **Пуантенские** имена испытывают влияние *зингарских* традиций и похожи на итальянские: *Троццо*, *Грацио*, *Майо*, и т. д. Фамилии встречаются редко, но есть люди, которые добавляют к имени прозвище: *Дион Толстый* или имя отца: *Эмилий*, сын *Флавия*. **Боссонские** и **гандерландские** имена имеют свою специфику и напоминают германские. В западных районах имя не употребляется без имени отца (*Йон*, сын *Галстерса*; *Галт*, сын *Хазарса*; *Отхо*, сын *Корма* и пр.).

Аравос

Историческое развитие

А. был одним из союзников Аквилонии со времен воцарения там короля **Конана-киммерийца**, однако впоследствии политика северного соседа привела к охлаждению отношений между двумя странами. Во времена развязанной аквилонскими жрецами «войны огня и магии» митрианцы пытались перенести ее на территории всех сопредельных государств, однако А., в отличие от *Зингары*, резко воспротивился этому и практически не подвергал колдунов преследованиям, вследствие чего многие из магов, проживавших прежде в соседних державах, нашли здесь убежище. Аквилонский правитель **Конн Второй** обратился с ультиматумом к королю А. *Ставо*, требуя выдачи чернокнижников, но получил резкий отказ, вследствие чего отношения между двумя странами на долгие годы сделались весьма прохладными, если не сказать враждебными.

Несмотря на внешнеполитические сложности, следующие сто лет по праву можно именовать золотым веком в истории А. *Зингара*, поглощенная внутренними распрями,

не могла, как в прежние времена, составить А. серьезную конкуренцию ни на суше, ни на море. *Аквилония* также придерживалась временного нейтралитета, занятая иными проблемами, и до поры до времени не обращала взор на южного соседа. В этот период торговля процветала в А., сделав его, практически, одной из богатейших держав Хайбории. Разделавшись с барахскими пиратами и зингарскими каперами, аргосские мореходы перевозили грузы во все порты мира, караваны из *Мессантии* отправлялись сушей по всему свету, перевозя ценные и редкие товары.

Именно в этот период аргосцы предприняли попытку военных завоеваний, но, не решившись на открытое столкновение с ближайшими соседями, обратили свой взор на дальние страны, отправляя войска морем. Они совершали набеги на богатые города *Черных королевств*, доходили до *Вендии* и даже до *Кхитая*, однако особым успехом эта политика не увенчалась, поскольку восточные государства имели достаточно развитую армию, чтобы дать А. достойный отпор. После чего, во времена правления *Мило Третьего*, *Фулио Первого* и *Фулио Второго*, аргосцы ограничивались лишь торговлей с этими странами, приносившей несравненно большую выгоду, нежели военные походы.

Однако растущее богатство А. послужило предметом зависти могущественной *Аквилонии*. По совершенно незначительному, надуманному поводу правители северной державы объявили аргосцам войну. А., содержащий лишь весьма малочисленную собственную армию, был вынужден прибегнуть к помощи наемников, однако здесь аргосского короля *Эрцио Первого* подстерегали две серьезные проблемы. Во-первых, нападение *Аквилонии* оказалось попой неожиданностью для недалековидного правителя, и наемные войска успели подтянуться к границам завоеванной державы, когда было уже фактически слишком поздно что-либо предпринимать для ее спасения; во-вторых, даже те отряды, что пришли на помощь вовремя, оказались подкуплены аквилонскими

лазутчиками и предали бывших хозяев, прямо на поле боя перейдя на сторону противника.

Аквилонии понадобилось всего двадцать семь дней, чтобы полностью поработить А. Это случилось за сто восемьдесят лет до рождения *Рыжей Сони*.

В дальнейшем А. так и не удалось вырваться из-под ига *Тарантии*, вплоть до того времени, когда *Аквилония* увязла в войне с пиктами и оказалась не в состоянии удерживать завоеванные территории. Однако и до этого времени аргосцы не теряли надежды на освобождение. Трижды в стране вспыхивали крупные восстания. Первыми взбунтовалась знать и армия, спустя двадцать лет после завоевания А. Это событие вошло в историю как «восстание Клинков». Мятеж продлился всего полгода и окончился сравнительно бескровно: аквилонцы щедрыми посулами переманили на свою сторону вождей восстания, заставили прекратить борьбу — после чего благополучно расправились с зачинщиками, и в стране еще на три десятилетия воцарился мир.

Следующее восстание под предводительством бывшего купца *Релавио* было самым крупным в истории А., освободительная война охватила всю территорию страны и не затухала около десяти лет. Лишь ценой огромных усилий *Аквилонии* удалось удержать А. в своей власти. Были казнены несколько тысяч человек, знать лишилась почти всех былых привилегий, их земельные владения отошли аквилонской казне. С огромным трудом в следующие пятьдесят лет А. удалось оправиться от сокрушительного поражения.

Третье восстание было чисто крестьянским: запуганная знать и купечество не решались больше поднять голос против аквилонских хозяев, и лишь самые бедные слои населения осмеливались протестовать против непосильных налогов и угнетения. Поводом к мятежу послужила очередная вспышка эпидемии «желтой смерти», когда разнесся ложный слух, будто придворные знают лекарство от болезни, однако не желают делиться им с бедняками. Однако сама «желтая

смерть» и положила конец восстанию, выкосив едва ли не половину населения страны.

С тех пор недовольство лишь подспудно тлело в А., никогда не принимая форм открытого бунта. Крестьянство трудилось, задавленное налогами, купцы продолжали торговать, несмотря даже на то, что половину выручки были обязаны отчислять в аквилонскую казну, зная погрязла в развлечениях, кутежах и дебошах. Пораженческие настроения настолько овладели аргосским обществом, что даже желанная свобода от власти *Тарантии* мало что изменила в жизни людей.

В честь обретения независимости от гнета *Аквилонии* в А. были устроены многодневные празднества — после чего А. даже не сделал попыток подготовиться к грядущему вторжению пиктов. Если бы не отвага отдельных военачальников, на свой страх и риск давших отпор западным дикарям, А. был бы уничтожен в считанные дни. Однако, благодаря мужеству простых воинов, сопротивлению крестьянства и удачному стечению обстоятельств, А. удалось противиться пиктскому нашествию на протяжении почти четырех лет, значительно сбавив темпы продвижения дикарских орд на восток.

Тем не менее А. был захвачен. Обозленные долгим сопротивлением, пикты буквально сравнивали с землей все крупнейшие города, уничтожили знаменитые на весь хайборийский мир памятники искусства и архитектуры. Немногие уцелевшие жители были насильственно переселены в другие места, и на месте цветущей державы осталась лишь выжженная, обезлюдившаяся, залитая кровью пустыня...

Противники и союзники

Попав под власть *Аквилонии*, А. утратил право проводить собственную внешнюю политику, а потому его союзники и

противники были те же, что и у северной державы-соседки. Вместе с тем, постоянное соперничество А. и *Зингары* продолжалось до самых последних дней и послужило еще одной причиной того, насколько легко пиктам далось завоевание Хайбории: разрозненные государства, сколь бы они ни были сильны, оказались не в состоянии противостоять поодиночке такому врагу.

Торговые связи А. простирались почти по всему миру, делая А. естественным союзником *Шема*, *Офира* и *Коринфии*. Областью, с которой у А. исторически сложились наиболее тесные контакты, не в последнюю очередь, благодаря этническому родству, оставался *Пуантен*.

География

Границы А. определяются *Восточным Океаном* с юга, Рабирийской горной грядой с запада, р. *Алимана* и *Пуанте-нам* с севера и холмами *Кофа* и пустошами *Шема* с востока. На юго-западе А. имеет тонкий выступ земли, напоминающий палец, который проходит по зингарскому побережью и упирается в р. Громовую. Этот отрезок земли предмет извечных территориальных споров между *Зингарой* и А.

Наиболее плодородные области А. лежат в долине реки *Хорот*, где в свое время росли вековые сосны, чья древесина шла на постройку кораблей на верфях А. Хищническое отношение аквилонских владык привело к полной вырубке лесов, хотя, возможно, это было сделано умышленно, дабы не позволить А. развивать свой флот.

Области восточного А. граничащие с *Шемом*, представляют собой холмистые пустоши. Эта область А. была прежде мало населена ввиду засушливого климата и неплодородных земель, однако рост населения привел к тому, что и здесь

вокруг артезианских скважин выросли небольшие поселки, часть из которых впоследствии превратилась в города. Однако после нескольких волн «желтой смерти», опустошивших страну, в А. появилось достаточно пустых земель даже в самых плодородных районах, и люди оставили восточные земли, переселившись в места, более благоприятные для земледелия. С тех пор здесь нередко можно натолкнуться на так называемые «селения-призраки», опустевшие, брошенные прежними жителями.

Климат

В долине р. *Хорот* климат влажный, с избыточными осадками, прохладный летом. Ежегодные разливы р. *Хорот* увеличивают число пахотных земель. Вне долины климат менее приятен. Прибрежные города страдают от наводнений, в то время как восточный А. изнывает от постоянных засух.

Экономика

Основой экономики А. издавна являлось судостроение и морская торговля. Ввиду того, что страна крайне бедна полезными ископаемыми, а площадь плодородных, пригодных для обработки земель не так велика, неудивительно, что именно купечество и владельцы судоверфей стали в А. самым состоятельным слоем общества. Привозимые из дальних стран дикинины дали толчок развитию ювелирного дела и некоторых других декоративно-прикладных ремесел. Завоевательные войны, которые А. пытался одно время вести на заморских терри-

ториях, привели к тому, что воинская служба сделалась для жителей страны почетным и прибыльным занятием. Эта традиция сохранилась и в дальнейшем: во времена *Рыжей Сони* среди хайборийских наемников было немало аргосцев.

С момента завоевания его *Аквилонией* А. утратил право самому определять свою денежную политику. Формально, аргосские деньги оставались в обращении, но их вес, количество новых отчеканенных монет и пр. определялись *Тарантией*.

Общественное устройство и культура

Аргосцы — типичные хайборийцы с примесью зингарской и шемитской крови. Они смуглые, с густыми выходящими темными волосами, как правило, невысокие и коренастые. До завоевания *Аквилонией*, А. был типичной монархией, причем, по сравнению с другими хайборийскими державами, здесь царили довольно мягкие, либеральные порядки. Так, А. был едва ли не единственным государством, отказавшимся поддерживать организованную митрианскими жрецами травлю магов и колдунов. И вообще, служители культа никогда не играли в А. такой важной роли, как, например, в *Зингаре*.

После завоевания А. превратился в вассала *Аквилонии*, получил название протектората, утратил право вести независимую внешнюю политику, держать собственные войска, кроме городской и королевской стражи, и т. д. Король сделался чисто номинальной фигурой, ставленником тарантийского престола. Большая часть налогов уходила в аквилонскую казну. Это вызывало несомненное недовольство всех слоев населения и несколько раз приводило к восстаниям, однако ситуация кардинально изменилась лишь с пиктским нашествием.

Культура А. на протяжении последних веков была совершенно вторична, подражая либо экзотическим восточным, либо хайборийским образцам. Любые моды, будь то в развлечениях, одежде, архитектуре, поведении и т. д., слепо копировались, и со временем А. практически утратил национальную самобытность. Во времена Рыжей Сони в среде аргосской знати окончательно возобладали пораженческие настроения, цинизм, ненасытная погоня за наслаждениями и стремление жить только сегодняшним днем. Лишь очень немногие из придворных продолжали болеть душой за судьбу отечества: они-то и возглавили движение за отделение от Аквилонии, а затем оборону против пиктского нашествия.

Право

Аргосские судьи назначаются в Аквилонии, по крайней мере высшие чины. Главой судебной системы является Королевский Судья. Разумеется, правосудие А. во всем подобно аквилонскому, здесь действуют те же принципы делопроизводства, те же законы. Единственным отличием является то, что аргосские суды не так часто, как аквилонские, выносят смертный приговор. Гораздо чаще казнь заменяется работой на галерах, либо высылкой на *Ос-Льерро*, Остров Заключенных.

Религия

Исконно жители А. исповедуют культ *Митры*, однако мореплавателями сюда были привнесены практически все существующие в Хайбории культы, включая шемитские, стигийс-

кие и даже вендийские и кхитайские. А. отличается значительной веротерпимостью, здесь никогда не было войн на религиозной почве. Более того, именно здесь первыми на Западе появились храмы зверопоклонников, попавшие в А., скорее всего, от пиктов. Культ зверобогов — Оленя, Вепря, Лисицы и др. — недолго оставался тайным и вскоре вышел из подполья, завоевав приверженцев даже среди знати. Впрочем, вскоре у аристократов мода на новую веру прошла, сменившись другим скоротечным капризом, но в среде воинов и крестьянства поклонение зверобогам укоренилось надолго. Эту религию официально запретили и подвергли гонениям лишь в самые последние годы, с началом пиктского нашествия, когда в служителях древнего культа стали видеть возможных пособников дикарей.

Вооруженные силы

Исторически, армия А. считалась одной из лучших в Хайбории, несмотря на свою малочисленность. Она состояла из легкой и средней конницы, пикинеров и небольших отрядов тяжеловооруженных пехотинцев. Флот А. также комплектовался военными отрядами, особенно в период заморских завоеваний. Однако позднее собственная армия была практически вытеснена наемной, которая не смогла оказать достойный отпор аквилонским завоевателям. В результате А. полностью лишился собственного войска, поскольку его сюзерен, Аквилония, оставил за своим вассалом право набирать лишь небольшие отряды городской и дворцовой стражи. Лишь некоторые аргосские бароны втайне от Аквилонии продолжали тренировать свои собственные отряды, сыгравшие позднее огромную роль в борьбе с пиктским нашествием.

Язык

Аргосский язык относится к хайборийской языковой семье и напоминает западные наречия аквилонского языка с рядом заимствований из зингарского и шемитского. Аргосцы — полиязычная нация. Многие свободно владеют зингарским и шемитским, а то и обоими языками сразу. Аргосский язык является интернациональным средством общения среди моряков Восточного Океана. Аристократия, как и в других хайборийских державах, свободно владеет лэйо, международным языком придворных, дипломатов и жрецов.

Имена и названия

Имена А. напоминают современные итальянские: *Ставо*, *Фулио*, *Эрцио*, *Галиано*; либо несут на себе отпечаток подражания аквилонским именам: *Десмос*, *Крений*, *Белтос*.

Баражские острова

Историческое развитие

Б.О. — исконное прибежище пиратов и разбойников всех мастей — мало изменились за века, прошедшие с тех времен, когда здесь пиратствовал **Конан-Амра**, до появления в этих водах **Рыжей Сони**. Правда, во времена аргосского господства на *Западном океане* мореходам из *Мессантии* удалось значительно потеснить корсаров, равно как и своих исконных соперников-зингарцев. То были черные времена для пиратов: **Красное братство** перестало существовать, **Алый Торталж** обезлюдел, быстроходные боевые галеры гнили на дне моря, либо скрывались в тихих гаванях.

Все изменилось, едва *Аргос* попал под власть *Аквилонии*. Тарантийские владыки, подобно аргосцам, стремились к господству на морях, однако, не будучи прирожденными моряками, едва ли имели шанс в этом преуспеть. Их корабли выходили в океан либо недостаточно хорошо ос-

нашенными, либо со слишком малочисленной охраной — все это делало их желанной добычей для пиратов. К тому же на Б.О. бежали многие зингарцы и аргосцы, спасаясь от преследований на родине. И после каждого неудачного восстания, после любых волнений на материке население Б.О. росло.

Здесь по-прежнему царили жестокие, но непреложные для всех законы, однако Красному братству в прежнем виде было не суждено возродиться. Пираты заселили все острова архипелага, постепенно разделившись по этническому принципу. Группировки прекрасно ладили между собой в богатые годы, пока добычи хватало на всех, но стоило морской торговле затихнуть, как на Б.О. начиналась жестокая грызня за добычу, приводившая к переделу сфер влияния, кровавым потасовкам и даже настоящим войнам между различными пиратскими кланами. Во времена Рыжей Сони наиболее сильными и влиятельными из корсарских капитанов считались Старый Ейси, Голлони Две-Монеты и Бешеный Ту-фар, о подвигах которых ходили легенды во всех прибрежных странах.

Пираты Б.О. всегда подвергались преследованиям со стороны военного флота *Зингары* и *Аргоса*. Однако со времен завоевания этих держав *Аквилонией* корсары почувствовали себя значительно вольготнее. В некоторые годы они не гнушались даже набегами на аргосское и зингарское побережья, что прежде считалось немислимым из-за сильной береговой охраны. Кроме того, некоторые из пиратских капитанов не видят ничего зазорного в работорговле и привозят из *Черных королевств* захваченных в плен мужчин и женщин, которых затем продают богатым придворным.

Начавшееся пиктское нашествие нанесло смертельный удар по пиратам, совершив то, чего не удавалось за предыдущие века ни одному владыке. Из-за практически полного прекращения морской торговли существование корсаров бы-

ло поставлено под угрозу. Некоторые из них, подобно капитану Голлони, восприняли пиктов как своих личных врагов и обратили все свои силы на борьбу с ними. Прочие, более своекорыстные мореходы, затаились на время, выжидая, чем кончится война на материке. Однако самые дальновидные среди них уже начинают понимать, что, как пираты, они полностью обречены и даже в качестве вольных торговцев едва ли смогут существовать, поскольку пикты не нуждаются в доставляемых ими товарах.

Противники и союзники

Союзников у пиратов нет, а к врагам можно отнести экипаж любого военного или торгового судна, т. к. корсаров ненавидят мореходы всей Хайбории. Пиратский корабль, обнаруженный на водных просторах, будет с радостью уничтожен любым военным судном — зингарским, аргосским, шемитским или стигийским.

Хотя корсары практически не сталкивались с ними напрямую, но, несомненно, пикты являются сейчас их основным врагом и угрозой существованию. Однако как бороться с этим противником и какие искать пути к выживанию, пираты решить не в состоянии.

География

Б.О. — крупный архипелаг, состоящий из 13 островов вулканического происхождения. Их площадь колеблется в размере от одной до шестидесяти кв. миль. Острова имеют

маленькие бухты, пригодные для стоянки одного—двух судов, лишь гавань *Тортажа* имеет огромные размеры — в ней могут разместиться около сорока зингарских галеонов. Большая часть поверхности Б.О.— гористая местность. Когда население архипелага увеличилось, практически вся прибрежная зона оказалась заселена, возникло множество небольших городов и поселений. Горы, прежде внушавшие такой ужас пиратам, также были изучены, хотя и не до конца, причем выяснилось, что рассказы об обитающих там чудовищах, как правило, являются не более чем легендой.

Климат

Низменности Б.О. бесплодны и засушливы, хотя весной в местах застывшей лавы встречаются гейзеры. Высокогорные области обладают повышенной влажностью. Но дождь редко достигает предгорий — стоку воды мешает сложный рельеф, сформированный застывшей лавой.

Флора и фауна

Хотя Б.О. традиционно считаются необитаемыми, на них водятся некоторые виды животных. На Б.О. много разнообразных птиц, есть грызуны, в горных районах обитают дикие козлы. Но основной вид промысла на Б.О.— рыбная ловля. На Б.О. есть ряд завезенных животных, в том числе крупные собаки, которые, одичав, представляют большую опасность не только для животных, но и для людей.

Общественное устройство

Пираты Б.О. большей частью выходцы из *Аргоса*, что объясняется, по-видимому, тем, что первооткрывателями этих земель были аргосцы.

Помимо аргосцев Б.О. населяют выходцы из *Аквилонии*, *Зингары*, *Киммерии*, *Куша*, *Немедии*, *Нордхейма*, *Стигии*, *Шема*. На архипелаге распространено рабство и работорговля.

На Б.О. мало женщин, все они привезены с материка. Чаще всего это подруги капитанов или жрицы любви на улицах *Тортажа*. Основной вид заработка — проституция или прислуживание в тавернах. Некоторым такая работа позволяет скопить немного денег, и им удается вернуться на материк, но большинство, привыкнув к своей жизни, уже не желает возвращаться домой. Впрочем, у многих женщин, захваченных в свое время пиратами, после аквилонских захватнических войн не осталось дома, куда они могли бы вернуться, и Б.О. стали их единственным пристанищем.

Право

Власть на Б.О. поддерживается капитанами пиратских судов. Как таковых законов не существует. Чаще всего основным аргумент в споре — меч. Споры разрешаются в схватке. Правда, капитанами неоднократно предпринимались попытки на общем сходе выработать некоторые приемлемые для всех правила и законы поведения, однако в большинстве случаев все эти усилия пропадали втуне: первая же ссора из-за добычи заставляла корсаров хвататься за оружие, забывая обо всех добрых намерениях.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Язык.

Язык Б.О.— морской жаргон, основанный на аргосском языке с заимствованиями из разных языков от народов *Черного Побережья* до *Зингары*. Зачастую капитаны используют собственные шифры (устные и письменные) для ведения судовых журналов и проведения секретных совещаний с помощниками.

Имена и названия

На Б.О. преобладают названия аргосского толка, однако на разных островах архипелага, где поселились беженцы из различных стран, используются имена и названия с родины мореходов: зингарские, шемитские, даже нордхеймские, образуя воистине причудливую смесь наречий: *Голлони*, *Ейси*, *Туфар*, *Энцио*, *Явес*.

Бритуния

Историческое развитие

Одна из самых нищих и малоразвитых стран Хайборийского мира, Б. мало изменилась со времен **Конана-киммерийца**. Жизнь здесь словно застыла, не претерпев существенных улучшений за прошедшие 450 лет. Основанная беженцами со всех краев Хайбории, Б. по-прежнему далека от цивилизации, здесь процветает лишь едва прикрытое маской приличий варварство и дикость. Особенно это характерно для северо-восточной и восточной Б., для Кезанкийских предгорий и района *Граскаала*. Непогодородные почвы и суровый климат, препятствующие развитию сельского хозяйства, превратили местные поселения в разбойничьи становища, благодаря чему эта местность считается крайне опасной для путешествий. Впрочем, нужда странствовать в этих глухих местах возникает у хайборийцев крайне редко: здесь нет ни караванных путей, ни крупных городов, ни каких либо достопримечательностей.

Централизованная власть, крайне слабая в Б., практически не распространяется на восточную половину страны.

Впрочем, и на Западе она носит скорее номинальный характер.

История Б. со времен Конана представляет собой сплошную череду мелких междоусобиц, крестьянских волнений, не переходивших границ одной-двух деревень, столь же незначительных стычек между удельными князьями. Какая бы то ни было централизованная политика здесь отсутствует: единственной целью верховного правителя всегда являлись попытки максимально долго продержаться на троне, хоть как-то пополнить вечно пустующую казну и урвать от жизни возможно больше удовольствий — покуда корону не отнимет более сильный и успешный претендент. Беззаконие, ставшее нормой жизни в Б., давно уже привело к забвению всяческих указов о престолонаследии: формально, верховный правитель избирается советом ирлов (удельных князей). На деле смена власти чаще всего происходит путем заговора и убийства предшественника.

Ни один из правителей Б. за всю ее историю не сумел проявить себя хоть сколько-нибудь серьезно на общехайборийской политической арене. Неудивительно, что даже их имена летописи для нас чаще всего не сохранили. В анналах остались лишь короли, прославившиеся крайней жестокостью по отношению к подданным, такие как **Форан-Змей** и **Тируд Огненноглазый**.

Правители Б. никогда не вели борьбу с колдунами, даже когда «война огня и магии» бушевала по всей Хайбории. Однако если беглые чернокнижники и искали здесь убежища, то весьма ненадолго: нищей, полудикой стране нечем было привлечь даже опальных магов.

Эпидемии «желтой смерти», трижды прокатившиеся по Западному миру, также затронули Б., но лишь весьма в незначительной степени, чему способствовала разобщенность поселений и отсутствие постоянных связей между населенными пунктами.

Во времена Рыжей Сони Б. переживала относительно спокойный период, во многом благодаря заслугам одного из немногих достойных правителей в истории страны — короля **Гвальберта Бритунского**. Этот мудрый и справедливый правитель пользовался заслуженным уважением и любовью подданных. Однако неизбежные междоусобицы и коварное предательство, погубившее короля **Гвальберта**, положили конец недолгому процветанию Б.

В результате дворцового переворота на трон вззошел немедийский ставленник **Виран**, очередной немощный властитель на шатком троне королевства. Занятый исключительно пирами и самыми низкопробными развлечениями, он практически не интересовался государственными делами, оставляя их на откуп продажным советникам и властолюбивым ирлам. При первых же признаках угрозы со стороны гиркацев, король **Виран** поспешил подписать капитуляцию, фактически отдав страну на разграбление диким племенам степняков. Однако нищая Б. представляла лишь ограниченный интерес для захватчиков, использовавших ее как перевалочную базу для нападений на *Немедию* и *Коринфию*.

Союзники и противники

Б. не имеет серьезных врагов и не воюет много лет. Должно быть потому, что не воспринимается соседями, как страна, могущая представлять серьезную военную или экономическую угрозу. Король Б. обычно имеет разногласия с властителями *Немедии* и *Коринфии* по вопросу беглых рабов, но эти разногласия слишком мелки, для того чтобы развязывать войну. Южные и западные границы Б. слабо защищены, и на часть территории Б. претендуют *Замора*, *Коринфия* и *Немедия*. Однако они не предпринимают никаких шагов для ан-

нексии пограничных территорий. После завоевания *Гирканий* Б. фактически прекратила существование как самостоятельное государство.

Климат

В Б. холодный климат. Северная Б. заснежена, большей частью это относится к территориям предгорий *Граскаала*. Центральные равнины подвержены сильным ливням, причем осадки выпадают в основном летом и осенью, что еще более сокращает сельскохозяйственный сезон, и так небольшой из-за холодного климата.

Экономика

Основные занятия бритунцев — овцеводство и разведение крупного рогатого скота. Помимо этого, важной статьей дохода в южных провинциях является разведение лошадей-тяжеловозов, равных которым по силе и выносливости нет нигде в *Хайборийском* мире.

В западной части страны разводят рожь и ячмень. Методы ведения хозяйства остаются крайне примитивными, хотя в отдельных областях делаются попытки внедрения более передовых технологий, заимствованных в *Немедии* и *Коринфии*. Полезных ископаемых очень немного. Ремесла также развиты слабо, даже в городах. В основном это кузнечное, кожевенное и гончарное дело, а также ткачество. Однако изделия бритунских умельцев весьма примитивны и из-за низкого качества не пользуются спросом на внешнем рынке.

Общественное устройство

Центральная Б. поделена между древними родами ирлов, которые юридически подчиняются бритунскому королю, но фактически независимы от его власти. Это разделенное лидерство причиняет много неудобств Б. и сильно осложняет государственную торговлю.

Бритунские нобили чаще всего находятся между собой в состоянии постоянной вражды. Специфика бритунского образа жизни не позволяет феодалам иметь многочисленные армии, но тем не менее каждый из них имеет несколько хорошо вооруженных дружин, в чьи обязанности входит охрана стад и дома своего господина. Естественно, что это не способствует увеличению государственности Б. и сплочению ее в единое централизованное государство. Б. можно лишь с большой натяжкой отнести к цивилизованным странам. Лишь юго-западная часть страны, граничащая с *Немедией*, переняла у последней некоторые культурные традиции. Местным правителям практически удалось ликвидировать разбойничьи шайки в своих владениях, сделав жизнь относительно безопасной, а также внедрить передовые методы земледелия. Между ирлами и подвластными им крестьянами не существует непреодолимой границы, как в Западной *Хайбории*: практически, правитель является главой сельской общины и зачастую живет не в замке, а в таком же доме, что и остальные жители деревни. Однако он не принимает участия в сельскохозяйственных работах, осуществляя военное и политическое руководство.

На северо-востоке страны власть построена по патриархальному принципу — там не имеется наследования титулов, а функции власти осуществляются старейшинами. Старейшина выполняет роль судьи в спорах между селянами, но и тогда чаще всего его решения должны быть поддержаны большинством голосов.

Культурные традиции

Современные бритунцы происходят от смешения хайборийцев с местными племенами. Хайборийцы были коренастыми, темноволосыми и напоминали современных шемитов. Древние бритунцы, напротив, — высокими, светлокожими и белокурыми. Современные бритунцы среднего роста, коренасты, светлокожи и белокуры. Большинство бритунцев живет в маленьких селениях, их хижины плетутся из лозы и обмазываются глиной. В центральных регионах эти деревни находятся в лесных рощах, в то время как в северо-восточной горной местности они располагаются на карнизах скал, в которых выдолблены ступени для людей и лошадей. В плодородных центральных равнинах процветает сельское хозяйство, а обитатели горных районов живут охотой. Женщины следят за домом, занимаются ткачеством и воспитанием детей. Бритунская вдова переходит в собственность брата ее погибшего мужа, а за неимением такового возвращается в собственную семью. Для большей части хайборийцев бритунцы — неизменный объект для шуток. Бритунские мужчины считаются неотесанными мужланами, а женщины — покорными и забытыми простушками (по крайней мере, во многих хайборийских манускриптах встречается именно такие образы).

Религия

В центральных районах Б. поклоняются *Митре*, хотя встречаются *туранские* и *заморийские* культы. В деревнях чаще всего поклоняются богине природы *Виккане*. Б. была одной из первых стран Хайбории, где начал возрождаться

культ Зверобогов. На территории страны можно встретить храмы, посвященные Вепрю, Рыси и Оленю. Однако, в отличие от других стран Хайбории, здесь практически отсутствует вражда между старыми и новыми культами, поскольку все они одинаково слабы и имеют лишь ограниченное число припешников.

Вооруженные силы

Король Б. держит небольшие отряды легкой и средней пехоты, однако они плохо обучены и комплектуются из новобранцев. Селения обычно защищают себя сами и поэтому бритунские крестьяне могут рассматриваться как части нерегулярной пехоты. Это удобно тем, что любой крестьянин естественно не откажется защищать собственную землю, но, в отличие от солдата, ему не надо платить за службу, и не приходится тратиться на обмундирование и продовольствие. В связи с этим, за сравнительно короткий срок бритунская власть может поставить под свои знамена огромное количество вилланов. Слабая сторона такой армии в том, что она пригодна только для обороны.

Язык

Бритунский язык — результат слияния хайборийских наречий с оригинальным языком автохтонов. Однако многие бритунцы свободно говорят на *заморийском*, *кофийском* и *немедийском*.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Имена и названия

Бритунские названия напоминают кельтские: *Аэлрик*, *Буданекя*, *Виран*, *Гвальберт*, *Годтан*, *Тируд*, *Форан*, *Харал*, *Элдран*, *Эландун* и т. д.

Венгуя

Историческое развитие

История В. берет начало со времен Великой Катастрофы, когда в результате жестоких землетрясений необитаемый Вендийский п-ов столкнулся с материком. Было ли это столкновение причиной катаклизма, или лишь одним из его бесчисленных последствий, на сегодняшний день установить достоверно не представляется возможным. Это событие положило начало многим изменениям, происшедшим в результате преобразований земной коры. Прежде всего превратились в неприступную гряду *Гимелийские* горы, и тогда же возникло королевство *Меру*. Во вторых, образовалась обширная территория, которая могла служить убежищем беглецам, спасавшимся от кхарийских захватчиков. На протяжении нескольких веков беженцы расселялись по Вендийскому п-ову, возводили города и поселения. Племена, обитавшие здесь, не имели контактов с другими народами, поэтому вендийская культура развивалась в полной изоляции. Затем этот край был захвачен *гирканским* племенем

кшатриев. Они впервые появились на северо-востоке В., в районе нынешней *Косалы*, и принялись поглощать один за другим существовавшие города-государства, распространяя область своего влияния на юг и на запад по всему п-ову. Долгое время В. представляла собой единое государство, которым правили родовитые кшатрии: такой она была во времена *Конана*.

Однако спустя приблизительно полстолетия положение изменилось. Наследникам дэви *Жазмины* не удалось сохранить страну в целости. Разросшиеся и укрепившиеся провинции, такие как *Вираталама*, *Чинанда* и *Пурата*, все более настойчиво требовали независимости и наконец во времена правления мехараджуба *Куршати* получили ее. Их примеру последовали *Читагирья* и *Хастина*, а также другие, более мелкие княжества: единожды начавшийся процесс распада было уже не остановить. В результате под властью мехараджубов Вендии осталась практически лишь бывшая столица державы *Айодхья* с окружающими землями.

За периодом распада последовал неизбежный этап войн между новообразованными государствами, продолжавшийся, в общем и целом, около двух столетий. Основным отличием вендийских междоусобиц от подобных войн на Западе Хайбории явилось то, что здесь борьба велась чаще всего тайно, с использованием лазутчиков, колдунов и внутренних сил, противостоящих режиму, и гораздо реже — в честном бою, на полях сражений. Это вполне отвечает характеру вендийцев — не слишком воинственных, однако склонных к интригам и всевозможным хитростям.

В результате двухвековой борьбы на территории бывшей В. (впрочем, по привычке вся эта территории и во времена *Рыжей Сони* продолжала называться именно так) образовались следующие основные государства: на севере — *Вираталама* (подчинившая себе *Пурату*), *Читагирья* (объединившаяся с *Чинандой*) и *Пешкаури*. В центральной части —

Айодхья, превратившаяся ныне в захолустное княжество, бережно лелеющее память о прошлом величии, и *Хастина*. Юг В. представляет собой скопище крохотных разрозненных уделов, княжеств и городов-государств, беспрестанно воюющих между собой. Наиболее значительными из них являются *Кашьяпа*, *Джатарья* и *Айравата*.

Во времена *Рыжей Сони* внутривполитическое положение в В. можно было считать относительно стабильным при достигнутом балансе сил и интересов между отдельными государствами, однако, как и прежде, вендийцы не утратили любви к интригам, заговорам и дворцовым переворотам. Не чураются они прибегать и к помощи колдовских сил, хотя Черный Круг значительно утратил силу, по сравнению с эпохой *Конана*. Теперь чародеи опираются скорее на страх, который внушает людям их искусство, нежели на реальные магические таланты.

Возросшая активность гирканцев, копящих силы для Великого похода на Запад, нарушила баланс сил в В. и существенно изменила ситуацию на полуострове.

По отношению к странам Запада, в первую очередь к *Турану*, вендийцы издавна питали стойкую неприязнь, отчасти замешанную на зависти. Именно это и подтолкнуло некоторых вендийских правителей оказать помощь гирканцам, когда те обратились к ним. Помощь была оказана как золотом, так и оружием (которым издавна славились вендийские мастера), а также тактическими советами, весьма пригодившимися затем гирканцам при ведении военных действий в Хайбории. Было бы ошибкой полагать, что без помощи В. гирканское нашествие могло бы не состояться, однако такое содействие значительно облегчило им задачу.

Вендийские правители рассчитывали при этом получить часть добычи гирканцев — однако надежды на щедрость номадов не оправдались. Едва набрав силу, степняки поспешили завоевать бывших союзников. Особенно быстро это удалось им в северных княжествах. Однако центральные районы

еще долгое время оказывали упорное сопротивление. В этом им немало помогло и то, что основные силы гирканцев были стянуты на Запад.

В настоящее время противостояние гирканцев и вендийцев продолжается. Северные княжества превращены в развалины. *Айодхья* держится из последних сил, *Хастина* также близка к падению. Как только они прекратят сопротивление, завоевание В. станет для степняков делом дней, ибо разрозненные южные княжества не смогут дать им достойный отпор.

Противники и союзники

Основным противником В. стал ее недавний союзник — *Гиркания*, к несчастью, слишком сильный враг, чтобы вендийцы могли достойно ему противостоять. Вендийцев погубила их самоуверенность и внутренние раздоры, помешавшие княжествам объединиться даже перед лицом внешней угрозы. Отчасти вендийские правители полагались и на магию, которую привыкли считать послушным и надежным инструментом в своих руках. Однако пробудившиеся Зверобогги, которые вели за собой степные племена, оказались сильнее, и Черный Круг не сумел защитить своих бывших покровителей.

География

В. представляет собой п-ов треугольной формы, лежащий между *Косалой* и *Кхитаем*, к югу от Гимелийских гор.

Климат в В. тропический, часть территории покрыта непроходимыми джунглями. Почва полуострова плодородна, если не считать каменистых Гимелийских предгорий. В В. хорошо развито сельское хозяйство, процветает шелкопрядение и ткачество, особенно славятся местные ковры. На севере в рудниках добывают медь, золото и железо. На южном побережье существуют порты, однако торговля большей частью идет по суше.

Флора и фауна

Вендийские джунгли имеют богатую флору и фауну. В изобилии водятся слоны, тигры, пантеры, шимпанзе, гориллы и газели. Много разновидностей птиц. В предгорьях на севере водятся яки, которых приручают местные жители.

Экономика

В. славится травами, специями, сандаловым деревом, нефритом, перламутром, а также украшениями тонкой работы и невиданной красоты. Широко развито кузнечное и оружейное дело: специфически украшенные вендийские кинжалы и короткие кривые сабли славятся в *Гиркании*, *Туране* и даже на Западе Хайбории.

Однако подлинной основой экономики является, разумеется, земледелие. Чрезвычайно плодородные почвы и благоприятный в большинстве районов климат позволяют снимать до трех урожаев в год.

Общественное устройство

Общество В. жестко стратифицировано, и состоит из классов-каст. Во главе государства стоит каста ученых-правителей, именуемых **брахманами** и состоящих из потомков знатных гирканцев-завоевателей. Ниже следует каста **воинов-кшатриев**, также гирканского происхождения, которые занимают высокие посты в армии; еще ниже — **вайшьи**, горожане и ремесленники, составляющие основу экономики В.; и, наконец, **шудры**, крестьяне, самая многочисленная каста. Самое дно общества представляют **неприкасаемые** — **парии**, низкороджденные вендийцы, на чью долю выпадает самая черная работа, в том числе уборка нечистот и обмывание трупов. Теоретически, каста определяется рождением. На практике же, за тысячелетнюю историю В. было столько межкастовых связей, что между их членами почти не осталось внешних различий. У всех вендийцев смуглая кожа, они обычно низкорослы, крепкого сложения, строение черепа брахицефальное (круглоголовое). **Кшатрии** чуть выше и стройнее прочих вендийцев, их отличают крючковатые носы.

Культурные традиции

Вендийцы весьма искушены в двурушничестве и интригах. Поговаривают, что каждый вендиец шпионит для двух других, а иногда и больше. И все же они отличаются от кхитайцев в лучшую сторону. **Кшатрийский кодекс чести**, доставшийся им в наследство от гирканцев, осуждает неприкрытую ложь, и потому для большинства вендийцев обман состоит в «несказанной правде» или в столь тщательном подборе слов, что они затушевывают истину. Тем не менее, до прямой лжи

вендийцы опускаются редко. Соглядатайство же, само по себе, пороком не считается, сами вендийцы о нем прекрасно осведомлены, и потому здесь признаком особого доверия считается открытая собеседнику тайна. «Истина — дар лишь для лучшего друга», так гласит вендийская пословица.

Религия

Вендийский пантеон очень разнообразен и разобраться в обилии местных божеств не под силу чужеземцам. **Асура** почитается верховным божеством на большей части страны, однако со времен распада В. на мелкие княжества он отчасти утратил главенствующую роль, и его место заняли в каждом отдельном государстве местные божества, такие как **Хали**, богиня смерти, **Агни**, бог огня, **Катар**, бог воинов, и прочие. На юге В. большое распространение получили демонические культы. Там же возродилось и поклонение древним Зверобогам — **Пантере**, **Тигру**, **Слону**, — однако эти культы не получили широкого распространения.

Религии В. отличаются сложными ритуалами, основанными на древнейших текстах, и жрецы-брахманы пользуются здесь огромным почетом, поскольку лишь они в состоянии досконально изучить все тонкости поклонения божествам.

Вооруженные силы

Основу армии вендийских государств составляет пехота. Имеется легкая кавалерия. Используются также боевые слоны. Войска хорошо обучены и отличаются дисциплиной, од-

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

нако войны, которые ведут вендийцы, редко бывают затяжными. В армии большое влияние имеет знатъ, и идет постоянная борьба за должности и влияние.

Язык

Вендийский язык составляет отдельную группу в семье гирканских языков. Исторически он образовался в результате ассимиляции гирканского с разнообразными наречиями, на которых говорили некогда беглые рабы, впервые обосновавшиеся в этих краях. Современных родственных языков не имеет. На территории В. существуют многочисленные диалекты и местные наречия. Некоторые из них практически недоступны для понимания, если их не изучать особо.

Имена и названия

Вендийские имена корнями напоминают индийские: *Аруна, Асита, Бриспати, Бхарад, Васуна, Гопали, Друда, Мадарукша, Раванатха, Сурьяна, Такаш, Шикханди*, и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Дж. Бейли «Сокровища Пифона»	
Предисловие автора	5

Джордж Бейли МЕЧ СЕВЕРА

Глава первая	35
Глава вторая	79
Глава третья	127
Глава четвертая	153
Глава пятая	219
Глава шестая	271
Глава седьмая	329

Хайборийский мир:	
500 лет после Конана	351

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНЯ И МЕЧ СЕВЕРА

Руководитель проекта: Дмитрий
Ивахнов. Составитель: Наталья
Баулина. Художник: Владислав
Асадуллин. Художественный
редактор: Игорь Богданов.
Серийное оформление: Дмит-
рий Вяземский. Верстка: Лариса
Андреева. Технический редак-
тор: Валентин Успенский. Кор-
ректор: Светлана Митина.

Подписано в печать с гото-
вых диапозитивов 11.02.2000.
Формат 84x108 1/32. Гарни-
тура «Палатино». Печать оф-
сетная. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 6000 экз.
Заказ 1267.

Издательство «Северо-Запад
Пресс». Лицензия ИД № 00450
от 15.11.1999. Санкт-Петербург,
ул. Казначейская д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-
Петербург, а/я 125.

sz-press@peterlink.ru

Издание осуществлено при участии
ООО «Издательство АСТ».

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

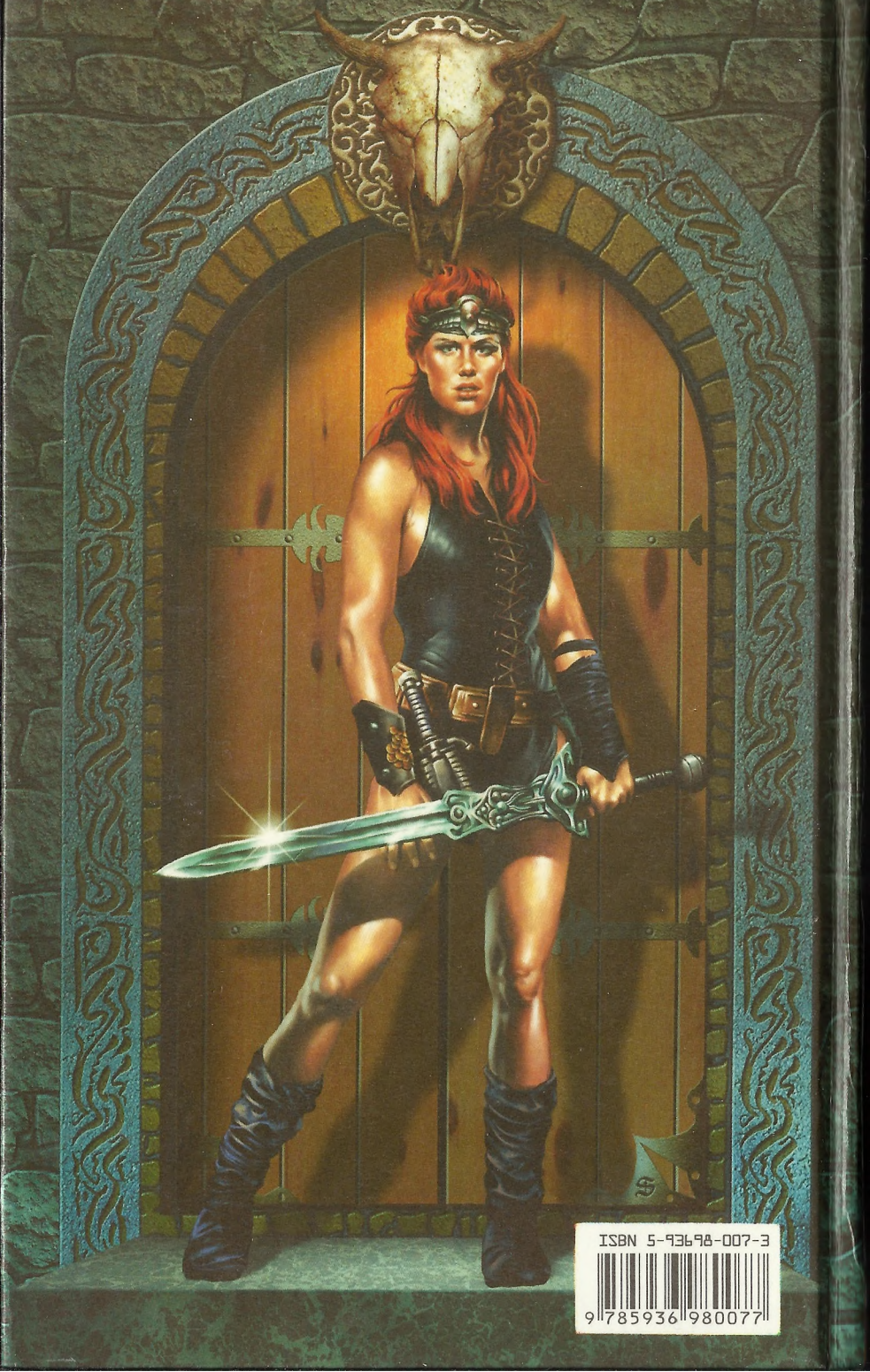
9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

ISBN 5-93698-007-3

9 785936 980077